Д. ЭРДЭ

РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ

ОТ КЕРЕНЩИНЫ ДО НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Н. А. СКРЫПНИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОЛЕТАРИЙ»

Д. ЭРДЭ

РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ

ОПЕЧАТКИ

Стран.	Строка	Напечатано:	Следует читать:
8	20 снизу	в Харькове	в Петрограде
11	7 сверху	впервые получает	получет
60	6 сверху	24 мая	23 июня

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ"
1927

Д. ЭРДЭ

РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ

ОТ КЕРЕНЩИНЫ ДО НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Н. А. СКРЫПНИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“
1927

[9 : 323 . 2 (477)]

Укрголовлит № 1930 Зак. № 397 Тираж 3000

ПРЕДИСЛОВИЕ.

История Октябрьской революции на Украине еще почти совершенно не разработана, имеются лишь отдельные брошюры и статьи, дающие общий очерк революционного движения за первый период советской власти на Украине. Мы плохо знаем даже фактическую историю этих героических дней, еще много и много событий остается не изученными, весьма часто даже совершенно не освещенными. Мы, например, почти совершенно не имеем описаний, даже простых сведений о борьбе, которую вели наши красногвардейские отряды с наступавшими в феврале, марте и апреле 1918 года австро-германскими войсками. Почти совершенно не освещена, совершенно не изучена история советов в различных уездных городах Правобережья и даже Левобережья. История Румчерода пока все еще хранится за семью печатями неизученности и забытости; только недавно разыскан в Москве в Центральном Революционном архиве ящик с материалами Румчерода. Если взять историю борьбы за революционные солдатские советы на Юго-Западном фронте,[*] то и здесь мы видим не только отсутствие монографий, книг и брошюр, освещающих тамошние события, — даже подбор фактов, сведений и данных о событиях на этом фронте еще совершенно почти не произведен. Мы плохо освещаем первые дни и годы героической борьбы рабочих и крестьян нашей страны. Мы стоим перед угрозой, что многое будет призабыто и потом не удастся многого установить и, что хуже всего, всем этим мы не даем выхода накопившемуся у подрастающей рабоче-крестьянской молодежи энтузиазму к изучению примеров прошлой борьбы, на которой они могли бы учиться и приобретать классовый опыт своих предшественников. Если к тому же припомнить, что революционная борьба на Украине проходила с громадными колебаниями в судьбе классовых сражений, что два раза территория Украины полностью была залита контр-революционным наводнением и что, кроме того, два раза белогвардейская волна захватила огромную часть Украины в 1920 г., при Врангеле и поляках, уничтожая живых свидетелей или выбрасывая многих

далеко за пределы Украины, уничтожая всякие следы предшествовавших революционных событий и отношений, — тогда ясно будет, какие опасности стоят перед нами в дальнейшем в отношении возможности детального изучения нашей истории.

Можно даже сказать, что для нашей страны фактическая история контр-революции несомненно освещена гораздо полнее, чем история борьбы рабочего класса и крестьянства. Я не говорю, конечно, о книге Винниченка „Відродження нації", дающей не только неправильное, ложное и предвзятое освещение событий, но во многом фальшиво и ложно оперирующей выдуманными фактами и событиями. Нет, мы сами сделали чрезвычайно много для освещения фактической истории контр-революции на Украине. Достаточно вспомнить хотя бы дело Голубовича и др. членов Центрального Комитета Украинской партии социалистов - революционеров. Фактическая история Украинской Центральной Рады и партии украинских социалистов-революционеров чрезвычайно полно и детально, иногда во всех подробностях, выявлена и установлена документами, тогдашними официальными изданиями, показаниями на суде свидетелей и обвиняемых и т. д. Иногда хочется „посадить на скамью подсудимых" многих и многих деятелей первого периода нашей революционной борьбы за советскую власть, для того чтобы их таким образом, на скамье подсудимых, заставить полностью рассказать обо всем, что происходило в те дни, дабы после этого приговором суда вынести им общественное порицание за то, что они не производят этой необходимой политической общественной работы.

Сейчас этот пробел в значительной мере восполняется изданием предлагаемой вниманию читателей книги тов. Эрдэ. Непосредственный участник революционной борьбы в 1917 и 1918 г. г. на Украине, бывший редактор „Известий" первого рабоче-крестьянского правительства Украины, тов. Эрдэ использовал, помимо документов, и свой личный опыт, осветив события, участником и свидетелем которых он был. Но предлагаемая книга отличается не только этим; она характерна и имеет особое значение еще и потому, что в ней дается впервые общий очерк революционных событий по всей Украине в различных ее концах. Одесса и Киев, Екатеринослав и Донбасс, Харьков и фронт, Елисаветград и Кременчуг, Николаев и Полтава—все эти отдельные центры революционного движения, особенно в 1917 г., жили каждый отдельной жизнью. Лишь после Октября в борьбе за Октябрьскую революцию на Украине были сделаны первые шаги к объединению всех этих движений в одно общее, единое революционное движение.

Сейчас, когда в памяти перелистываешь прошедшие события, просматриваешь вновь найденные документы, тогдашние газеты или воспоминания; когда, наконец, читаешь книгу Эрдэ и сравниваешь все это с теперешними достижениями, с теперешним состоянием УССР, невольно говоришь: Как мы далеко ушли от 1917—1918 годов. Ведь в 1917 году еще многими и многими совершенно отрицалась даже возможность государственного, партийного, профессионального и т. д. объединения во всеукраинском масштабе. Это не был простой сепаратизм. В этом отношении мы имели перед собой прежде всего наследие проклятой памяти царизма. Колониальное положение Украины в царской империи прежде всего выражалось в этой раздробленности, в административном разделении, в устранении объединения Украины в единое целое в политическом, административном и культурном отношении. И когда Февральская революция сбросила царизм—исходным пунктом для большинства деятелей и даже для широких масс оставалось попрежнему отрицание, или даже, вернее сказать, отсутствие постановки вопроса об объединенной жизни всех украинских губерний, уездов и городов. Этим недостатком страдали тогда даже и деятели Украинской Центральной Рады. Я, например, припоминаю, что в феврале 1918 г., после бегства правительства Центральной Рады из Киева, среди документов, найденных в кабинете министра Центральной Рады Шульгина, оказалось, между прочим, также письмо из Одессы от жившего тогда там Чеховского, в котором он говорил об Одессе как области, лежащей вне Украины и в ее состав не входящей и не долженствующей входить. Характерно, что третий и четвертый универсалы, говорящие об Украине в этнографических границах, были изданы Радой уже после Октябрьской революции, когда Октябрьская революция декларацией прав народов, изданной советским правительством, объявила решительную борьбу за свободу и развитие всех народов, борьбу против их прежнего колониального угнетенного положения.

При такой раздробленности революционного движения на Украине, в особенности в 1917 году и даже в первые месяцы после Октября, мы должны признать, что рабоче-крестьянская революция на Украине складывалась из ряда отдельных революционных движений, лишь постепенно сложившихся в общее революционное движение на Украине.

Книга тов. Эрдэ отражает и выявляет этот процесс. Характерной чертой этой книги является отсутствие предвзятости и ее достаточная беспристрастность. Действительно, тов. Эрдэ в 1917 г.

был харьковским работником и начал работать в ЦИК'е Украины со времени первого съезда советов Украины. Теснейшими корнями он был связан с Харьковом,—а Харьков к концу 1917 и началу 1918 годов был центром Крив-Донбасса, — одним из важнейших центров сопротивления образованию единой Украинской Республики. Поэтому можно было ожидать у тов. Эрдэ отражений этих взглядов харьковчан. С другой стороны, тов. Эрдэ, как редактор органа ЦИК'а Украины, мог бы отражать и противоречия между этим тогдашним центром Украины и местами по данному вопросу. Нужно сказать, что ни того, ни другого уклона у тов. Эрдэ не имеется. Как коммунистический Нестор украинской революции, тов. Эрдэ записывает все, что знает, чему был сам очевидцем, тщательно проверяя свои впечатления по документам, и внимательно, по документам же, описывает те события, в которых он сам не принимал участия. Это не безучастность постороннего человека: это стремление дать беспристрастное описание того вихря событий, из которых складывается Украинский Октябрь.

Я думаю, что книга Эрдэ будет иметь не только первое издание. В дальнейших изданиях нужно будет использовать другие, после напечатания книги имеющие появиться, материалы, воспоминания, документы, использовать архивы, где, наконец, документы, сохранившиеся от этого периода истории, будут разработаны, собраны и приведены в состояние, при котором можно будет их изучить.

Нужно издать большой, охватывающий все богатые события эпохи, предусматривающий все разбросанные действия труд, с описанием фактических данных и политической связи многообразных событий этого периода истории Украины. Это будет несомненно коллективный труд всех тех товарищей, которые сейчас уже работают над историей Украины.

Настоящая работа тов. Эрдэ является ценным вкладом в этот коллективный труд.

Мы только теперь начинаем изучать как следует свою историю. Только месяц-полтора тому назад, во время одного моего заседания с тов. Затонским, к нам пришел бывший заведующий издательством газеты первого рабоче-крестьянского правительства в 1917 и 1918 г. г., тов. Городецкий, работающий в настоящее время в Ростове, и принес нам „случайно сохранившуюся“ у него копию протокола первого украинского съезда большевистской организации в декабре 1917 года, протокола, до сих пор остававшегося неизвестным. Этого протокола тов. Эрдэ, конечно, не мог иметь

в виду в своей книге[1]). Сколько еще документов, более важных, освещающих значительнейшие моменты истории нашей партии, истории нашего Октября, остаются неизвестными! Их нужно найти. Общественная и партийная самодеятельность работников нашего Октября должна в этом проявиться.

Я должен констатировать все возрастающую заинтересованность нашего старого актива в этой работе. Я припоминаю время, когда я еще, в числе прочих моих обязанностей, руководил Истпартом КП(б)У на первых шагах его работы. Как трудно было тогда! Первый номер журнала Истпарта КП(б)У „Летопись Революции" дался с неимоверными трудностями. Я припоминаю, что обратился не меньше чем к семидесяти товарищам, работавшим прежде на Украине до революции и после революции. Не дождавшись от них исполнения их обещания, я вновь — при объездах по Украине и при поездках в Москву и т. д. — повторил свои обращения и мало того что взял от них обещание написать воспоминания, — даже получил от них письменные обязательства, что они по своей доброй воле к такому-то ими назначенному сроку напишут и пришлют воспоминания в Истпарт. Увы! из пятидесяти человек, которые дали такие письменные партийные обязательства, в течение года после того, пока еще я работал в Истпарте, исполнило свои обязательства ровно три. Я считаю, что этот долг еще остается за давшими обязательства написать воспоминания о работе на Украине товарищами Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Мельничанским, Лозовским, Крыжановским и многими-многими другими. Ведь на Украине в дореволюционный период работали в те или иные часы почти все наши ответственные работники.

Однако теперь „Летопись Революции" все-таки издается периодически, сами авторы по своей инициативе посылают статьи и воспоминания в журнал, стремясь осветить прошлые события. Складывается новый кадр работников, стремящихся осветить историю нашей революции и нашей партии.

Книга тов. Эрдэ является капитальным трудом нашей истории. Она приводит много доселе не известных данных. Я должен покаяться, что только после редакционного просмотра книги Эрдэ я вспомнил некоторые факты, которые как-то вылетели из моей памяти. Такими были, например, для меня сведения о первой всеукраинской крестьянской конференции, состоявшейся в январе

[1]) Пользуясь указанием Н. А. Скрыпника, мы ознакомились с протоколом краевого съезда и кратко изложили ход и итоги съезда в своей работе; протокол перепечатан в „Летописи Революции" № 5 за 1926 г.— *Эрдэ.*

1918 года в Харькове. Она, было, у меня совершенно вылетела из памяти. И до сих пор не была совершенно освещена в печати, а, между тем, она являлась весьма значительным фактом того времени. Эта конференция не привлекла к себе такого многочисленного состава представителей крестьян, чтобы можно было ее объявить съездом, но в ней было достаточно членов для того, чтобы признать ее с полным правом всеукраинской крестьянской конференцией. Состоялась она перед наступлением наших войск на войска Украинской Центральной Рады, на Полтаву, Екатеринослав и Киев. Она уже являлась несомненно доказательством того, что уже в декабре 1917 г. и в январе 1918 г. освободительная борьба пролетариата имела за собой достаточные корни и влияние в крестьянской среде.

Я припоминаю споры, имевшие место перед открытием этой первой всеукраинской крестьянской конференции в кругу ответственных работников Центрального Исполнительного Комитета Украины и в Харьковском комитете. Представители Крив-Донбасса уже тогда (насколько я припоминаю — среди них был тов. Артем) настаивали на признании того, что ни крестьянский съезд, ни конференция состояться не могут, и поэтому предлагали заранее отменить их. Я тогда только-что приехал в Харьков, — до того я полгода работал в Харькове секретарем фабрично-заводских комитетов, — но помню хорошо, как твердо и убежденно отстаивал я необходимость созыва такого съезда или конференции. Состоявшаяся конференция дала составу ЦИК'а Украины больше двух десятков новых членов — представителей крестьянства, связавших его непосредственно с местами, давших рабоче-крестьянскому правительству Украины новые силы.

С этой неуверенностью в своих планах, нерешительностью, с неуверенностью в том, что призывы рабоче-крестьянской власти найдут отклик в массах, мы встречались все время на пути советской власти в первый ее период на Украине.

Много дает в этом отношении книга Эрдэ в той части, где дано изложение полтавских споров в конце февраля и начале марта 1918 года. Тогда ребром встал вопрос о созыве второго съезда советов Украины.

Второй съезд советов Украины должен был происходить в Киеве в начале марта 1918 года. Наступление австро-германцев сорвало съезд. Постановлением правительства в Киеве он был перенесен в Полтаву на первые числа марта, и вот здесь, в Полтаве, имели место довольно острые споры по этому поводу. Много

товарищей (как то: Евгения Бош и, кажется, Пятаков и Бубнов, уже приехавшие к этому времени на Украину из Москвы после своих левокоммунистических разногласий с Лениным) стояли за полную отмену такого съезда: речь идет, мол, о революционной войне, а не о съездах: созыв съездов во время непосредственной войны свидетельствует о пережитках социал-демократизма, о парламентских иллюзиях, надо не болтать на съездах, а непосредственно воевать. Правительство должно быть распущено, а все члены его должны влиться в красногвардейские отряды и непосредственным личным примером возбуждать боевую энергию, организовывать оборону революции. Таковы были предложения этой группы товарищей. Эти полулевые, эсэровские, левокоммунистические взгляды не встречали, однако, поддержки, да и сами эти товарищи потом сдались. Например, Евг. Бош приняла от правительства какое-то назначение в роде политического комиссара по агитации при отряде одного из фронтов.

Другая группа товарищей высказывалась тогда, хотя и довольно неопределенно, против организации вооруженной борьбы с наступающими австро-германскими войсками. Если не ошибаюсь, одним из представителей этой группы был вскоре после этого вышедший из партии киевский работник Зарницын. Я не могу сейчас формулировать сущность предложений этой группы, — настолько неопределенны политически были они. Диапазон колебаний мнений этой группы был весьма велик — начиная с Зарницына, который вскоре ушел от нас, и тов. Нероновича, который, в растерянности и отчаянии, бросился затем искать путей и возможности работать в подпольи, но одиночкой погиб во время наступления, и кончая группой три „Л“: Лугановский, Лифшиц, Люксембург, которые затем, во второй половине марта 1918 года, перед вторым съездом советов Украины, в правительстве Украины вместе с екатеринославцами, тов. Квирингом и другими голосовали за то, чтобы пойти в Каноссу, т.-е. пойти на соглашение с Украинской Центральной Радой, ценой признания того, что соввласть на Украине неприменима.

Фактическая история полтавских соотношений у тов. Эрдэ написана правильно. Я не могу сказать, что она полна. Тов. Эрдэ в своем изложении не затрагивает всех замечательных моментов указанных мною выше разногласий. Точно так же он не затрагивает и обстоятельств, связанных с назначением тов. Антонова-Овсеенка главнокомандующим всеми вооруженными силами Украинской Советской республики. Эта мысль возникла у меня еще перед нашим отступлением из Киева, перед лицом наступающей военной

опасности. В Полтаве я поставил этот вопрос ребром. Попытка созвать на совместное совещание представителей всех областных республик не дала положительного результата. Добрая половина имевшихся тогда советских объединений, в том числе и Донбасс, своих представителей не прислала. Однако необходимость военного объединения была настолько очевидна, что вслед за тем отступление наших отрядов из Крив-Донбасса и красногвардейских отрядов из Одессы и Киева фактически произошло под общим руководством назначенного на полтавском совещании главнокомандующим вооруженными силами Украинской Советской Республики тов. Антонова-Овсеенка.

Товарищу Эрде, очевидно, остались неизвестными имевшие тогда место отношения с Муравьевым, который перед этим был назначен Советом Народных Комиссаров РСФСР главнокомандующим войсками Румынского фронта и Одесской области. В книге лишь глухо говорится о протестующих телеграммах Муравьева по отношению к Коцюбинскому и т. п. во время отступления из Киева.

Не так давно я совершенно случайно нашел в своем архиве протокол опроса, который по поручению ЦК коммунистической партии (большевиков) был произведен тов. Розмировичем приблизительно в мае - июне 1918 года относительно действий Муравьева; это было перед тем как решался вопрос о назначении привлеченного перед тем к ответственности Муравьева главнокомандующим юго-восточными войсками, действовавшими против чехословаков.

В начале марта 1918 года на совещание представителей областных советских республик и командующих войсками прибыл Муравьев. С Муравьевым я перед тем предварительно имел особый разговор. Муравьев, перед этим издавший довольно гнусный, — но в тогдашних обстоятельствах не стольнеобычный, — приказ, давал мне, как представителю украинского правительства, свои объяснения. Я ставил себе задачей выяснить, имеются ли у него силы и какие именно. После разговора для меня стало ясно, что сил у него никаких нет, кроме личной охраны и сопровождающего его отряда. Поэтому я даже предложил, чтобы за Муравьевым была оставлена власть лишь по отношению к подчиненному ему отряду красногвардейцев и чтобы его распоряжения имели силу лишь с согласия главнокомандующего и только в отношении передачи этого отряда в распоряжение тов. Антонова-Овсеенка. Насколько помнится, Муравьев издал несколько бумажных приказов и вскоре уехал в Москву.

Несомненно, много таких же отдельных фактов в украинской истории этого времени не получило отражения в книжке Эрдэ, и пока хранятся лишь в памяти участников событий этого времени либо свидетельствуются не известными доселе документами. Но книга Эрдэ охватывает весь материал, который до сих пор издан, и дает много сведений, которые до сих пор были не известны. Я должен, например, заявить, что партия в книге тов. Эрдэ впервые получает подробное изложение хода Таганрогского совещания.

Совещание это состоялось в начале второй половины апреля 1918 года в Таганроге. В тот момент, когда уже почти вся Украина была захвачена германскими войсками, естественно, возникал вопрос, как быть дальше. Имелись тогда два предложения. Одно предложение, исходившее от екатеринославцев и донбассовцев, сводилось к тому, чтобы распустить советский украинский центр и переехать каждому в отдельности для работы в Советскую Россию, с тем чтобы затем уже другим путем могла начаться возможная борьба на Украине. Второе предложение исходило от группы экстремистов—левокоммунистов; оно заключалось в том, чтобы не сдавать позиций и войти в соглашение с советскими областными правительствами Дона и Кубани и в союзе с ними вести войну против австро-германцев. Если первое предложение, исходившее от примыкавших к екатеринославским товарищам (Квирингу и другим), было близко к ликвидации позиций этих екатеринославских товарищей, то второе являлось простым перенесением на украинскую почву экстремистской левокоммунистической линии.

Я припоминаю, что тогда передо мной стоял вопрос, как быть. Дело в том, что при постановке вопроса в ЦИК'е Украины — за предложение левых коммунистов, естественно, голосовали бы левые эсэры, что вполне определило бы линию. Поэтому я тогда решил пойти другим путем. Кроме того, для меня стоял вопрос вообще о путях дальнейшей борьбы за рабоче-крестьянскую власть на Украине. Надо было вновь организовать партийные силы. Поэтому я предложил созвать совещание всех ответственных работников, приехавших к этому времени со всех концов Украины в Таганрог. Я ставил себе задачей объединить все партийные силы Украины для борьбы за рабоче-крестьянскую власть. Таким образом и состоялось Таганрогское совещание, положившее основание КП(б)У.

Тов. Эрдэ дает в своей книге достаточно полное изложение всех событий. Я рад, что имел возможность пополнить в этом отношении даваемые им сведения.

В рецензии, напечатанной в „Известиях ЦИК СССР“ по поводу сборника „Ленин об Украине“, тов. Эрдэ предъявил мне требование, чтобы мое предисловие к данному сборнику дополняло книгу, восполняло ее.

Я чувствую, что я и сейчас этого не сделал. Если бы мне написать такое предисловие к книге тов. Эрдэ, какого он фактически требовал в своей рецензии в газете „Известия“, то мне пришлось бы написать новые книги и в том и в данном случае.

Но я не большой любитель писать книги, да и не имею для этого времени. Поэтому позволю себе ограничиться настоящим предисловием, дающим несколько дополняющих книгу воспоминаний и несколько обобщающих соображений.

Желаю книге распространения, изучения и еще больше желаю ей стать толчком к тому, чтобы дальнейшее изучение нашей истории стало действительной заботой всех наших работников, всей нашей партии.

Н. Скрыпник.

ОКТЯБРЬ НА УКРАИНЕ.

(Вместо введения).

История революционного движения на Украине, в частности с 1917 г., — история борьбы за советскую власть входит как составная часть в историю общесоюзного революционного движения. Поэтому нельзя изучать историю украинского Октября вне рамок общесоюзного Октября, который мы хронологически относим к началу героического выступления ленинградского (тогда — петроградского) пролетариата против Временного правительства (25 октября 1917 г. по старому стилю). Украинский Октябрь имеет, однако, свои особенности. Борьба за советскую власть на Украине затянулась значительно дольше, чем на севере, происходила в значительно более сложной обстановке, развивалась зигзагами, своеобразно.

Два раза власть советов терпела на Украине поражение: в 1918 г., — в связи с оккупацией территории немцами, в 1919 г. — от удара помещичье-генеральской реакции, опиравшейся на Антанту.

Таким образом, Украина имеет, по крайней мере, своих три Октября, если под этим иметь в виду момент установления власти советов. Три раза власть переходила от враждебных рабоче-крестьянской революции элементов к советам. Процесс завоевания и закрепления власти трудящимися на Украине, единый в смысле стратегии классовой борьбы, развивался здесь более, чем в любом другом районе СССР, скачкообразно, прерывисто. Редко где можно найти такие сложные перипетии гражданской войны, такую чехарду властей, как на Украине, — разве только на таких далеких окраинах, как Туркестан, Дальний Восток, Кавказ, где национальный переплет обусловливал, так же как и на Украине, своеобразие развития революционного движения.

Но особенности украинского Октября представляют исключительный интерес, в виду значительности украинской территории, многочисленности ее населения и т. д.; короче говоря, эти особенности представляют особый интерес в виду значительности удельного веса Советской Украины, как сочлена Союза Республик.

Изучение „трех Октябрей“, или, другими словами, истории гражданской войны и революции на территории УССР, обязательно для всякого живущего на этой территории, желающего осмыслить уроки великого революционного периода „бури и натиска“. Это изучение не есть, однако, „местная задача“ — оно столь же необходимо украинскому рабочему и селянину, как и русскому и грузинскому. Ибо уроки украинского Октября имеют несомненно общесоюзное значение. Достаточно вспомнить борьбу с Деникиным и Врангелем на территории Украины. В истории нашей революции не раз бывали моменты, когда именно здесь, на Украине, были завязаны узлы гражданской войны, узлы, разрубленные ударом общесоюзной Красной армии.

Мало захватить у противника власть, — ее надо суметь удержать. Украина и была богатым опытным полем, где собственные наши ошибки в исторической перспективе нащупывались с великой пользой для трудящихся всего Союза и всего мира.

Таким образом, ни изучение украинского Октября без российского, ни, наоборот, российского без украинского не является вполне исчерпывающим. Читатель, желающий остановить свое внимание на революционном развитии украинского Октября, должен предварительно ознакомиться с историей российского Октября как необходимым введением к истории революции на Украине.

Подобное введение было бы нелишним и в данной книге, но автором руководило желание быть по возможности кратким, чтобы не отяжелить данную книгу, посвященную „первому Октябрю“ на Украине, но отнюдь не общесоюзному Октябрю. Для читателя не составит большого труда найти необходимое руководство — их сейчас вышло достаточное количество.

Под „тремя Октябрями“ мы имели выше в виду трехкратный захват власти трудящимися Украины: 1) в конце 1917 — начале 1918 года, 2) в конце 1918 — начале 1919 г. и, наконец, 3) в конце 1919 — начале 1920 года. Последний Октябрь, хронологически отстающий от российского на два года, положил прочное основание власти советов на Украине. Весь предыдущий период был периодом *подготовки Октября*, если, повторяем, Октябрем считать момент *победоносного* захвата власти трудящимися. Понятие „Октябрь на Украине“ включает в себя, естественно, помимо указанного, распространение власти советов на всю или, по крайней мере, на значительную часть украинской территории. Таких Октябрей было три. Гораздо больше Октябрей было в отдельных пунктах, где равновесие было особенно неустойчивым (напр., в Правобережьи).

В первый раз власть советов охватила всю украинскую территорию, примерно, в конце 1917 г. или в начале 1918 г. после военной борьбы с Центральной Радой как органом национально-буржуазной контр-революции.

Иногда принято считать украинским Октябрем январь 1918 года, момент героического восстания киевских рабочих-арсенальцев против Рады. Несомненно, что этот „Октябрь в январе"— один из главнейших эпизодов гражданской войны на Украине, но отнюдь не главнейший, не решающий, подобно 25 октября 1917 года в Петрограде. И поэтому арсенальский Октябрь может только в очень условном смысле быть сравниваем с российским Октябрем.

Как бы ни было, ясно одно: украинский Октябрь вряд ли может быть установлен хронологически точно. Речь должна итти не об определенном моменте, а о долгих месяцах борьбы за власть. В. Затонский правильно указывает, что „у нас Октябрь растянулся на многие месяцы, и даже годы, так что трудно, по существу, сказать, когда он кончился".

Мы даем исторический очерк борьбы за советизацию Украины *в период от Февральской революции до занятия Украины немецко-гайдамацкими войсками.* Это период *первой Украинской Советской республики.*— период подготовки, зарождения, деятельности и временного поражения первой *Украинской Коммуны.*

Октябрь на Украине дался с большим трудом, с большими творческими муками, после многомесячных боев, значительно более осложненных, чем на севере и в центре. Чем это объяснить? Ответ следует искать в особенностях классового и национального состава Украины, в особенностях ее социально-экономического и хозяйственного развития и в географическом расположении ее. Особо следует остановиться на вопросе о руководящих кадрах революции, о роли большевистской партии как авангарда класса, призванного повести за собою всю сумму различных слоев трудящихся.

Процес закрепления подворного землевладения и усиленного выхода на отруба, другими словами — процесс роста мелкой частной подворной земельной собственности на Украине,— этот процесс типичен для всех ее районов. Полтавская губерния исстари была губернией преимущественно подворного владения. По данным 1905 г., 85% земли в Полтавской губернии находилось в подворном владении. Такие губернии, как Екатеринославская, Херсонская и Таврическая, крестьянство которых получило наделы на правах общинного владения, характеризовались усиленным процессом закрепления наделов в личную собственность.

Так, к 1 мая 1911 года укрепило наделы в личную собственность в Екатеринославской губернии более $^{1}/_{3}$ дворов, в Таврической—более $^{2}/_{5}$ дворов, в Херсонской — около $^{1}/_{3}$ дворов. Те же губернии характеризовались усиленным досрочным выкупом наделов, а после издания закона 9 ноября (столыпинского закона)—массовым выходом на хутора и отруба. Подольская, Киевская и Волынская губернии были губерниями почти исключительно подворного владения. Из 510.000 дворов Киевской губернии 170.000 принадлежало к обществам с подворным владением, 10.000 выделилось на хутора.

Кулик и Яворский отмечают глубоко неверный подход к украинскому селянству, как к кулаческому, что нередко наблюдается. Но они сами совершают ту ошибку, что не пытаются в своем очерке сопоставить между собой отдельные районы и не указывают на исключительную роль, которую в прошлом играл и еще играет кулак на селе.

Процент кулаков на Украине, как и в России, невелик.

По данным 1916 г., крестьянское хозяйство на Украине распределялось следующим образом:

Незаможные (безземельные и имевшие до трех десятин)— 2.966.184 двора, или 61,2%.

Середняки (от трех до девяти десятин) — 1.605.797 дворов, или 33,1%.

Кулаки (от девяти десятин и выше) — 278.753 двора, или 5,7%.

По другим источникам, количество безземельных и малоземельных составляло до революции 56% общего количества дворов, а количество кулаков, („куркулів") достигало 12 и даже 22% (Фещенко-Чоповский) всех дворов. Но дело, конечно, не столько в количестве кулаков, сколько в том хозяйственном влиянии, которое они имели на широкие слои селянства. В отдельных районах их влияние было сильнее, в других слабее, но в общем оно было в дореволюционные годы весьма значительно повсюду, сильнейшим повсюду. Главнейшим средством массового обмана в руках кулачества являлась игра на национальных чувствах селянства, привыкшего издавна, за сотни лет колониального порабощения Украины великодержавной Россией, недоверчиво относиться ко всему, что шло с севера, из России.

Как отразилась революция на социальном расслоении села? Она быстро стала нивелировать, подравнивать крестьянское хозяйство, причесывать его под одну гребенку, осереднячивать. Первый период аграрной революции характеризовался отнятием земель и

инвентаря у помещиков. Кулачество в этот период нажилось за счет помещиков. Второй период идет под знаком *раскулачивания*, т.-е. отнятия излишков у кулаков. Этот процесс происходил в чрезвычайно сложной обстановке, порождаемой возрождением товарных отношений.

С. Каган приводит в своей книге „Аграрная революция на Киевщине" данные по 11 уездам этой губернии, из которых видно, в каком направлении там шла мобилизация (передвижка) землевладения. Эта картина имеет, несомненно, типические черты.

Первая волна разделизма принесла, как мы уже сказали, выгоду почти исключительно крепкому хозяйству.

На 100 крестьянских хозяйств приходилось:

Годы	беспосевных	с посев. до 1 десят.	с посев. от 1 до 3 десят.	с посев. от 3 до 6 десят.	с посев. от 6 до 25 дес.	с посев. от 25 до 50 дес.
1916	11,5	21,6	41,3	19,0	6,5	0,1
1917	7,9	18,1	35,8	25,4	12,5	0,3

Из этой таблицы ясно, что число беспосевных и однодесятинных хозяйств уменьшилось незначительно, тогда как число „крепких хозяйств" за это же время увеличилось вдвое и втрое. Кулаки „округлили" свои владения.

Новая волна разделизма изменила эту картину. По данным Кагана, соотношение классовых группировок в селах Киевщины (в 11 уездах) рисуется в 1920 году в следующем виде:

Годы, к коим относятся сведения	Незаможных				Середняцких		Полукулацк. и кулацких		Всего хозяйств	
	Беземельных		С посевом до 3 дес. на хозяйство		С посевом от 3,1 до 6 десятин		С посевом от 6,1 до 50 десятин			
	Абсол. число хоз-в	В проц.	Абсол. число хоз-в	В проц.	Абсол. число хоз-в	В проц.	Абсол. число хоз-в	В проц.	Абсол. число хоз-в	В проц.
1917 .	41365	8,1	275089	53,8	129636	25,3	65327	12,8	510369	100
1920	28154	5,3	394291	74,4	95393	18,0	12189	2,3	529961	100

Число беземельных хозяйств значительно упало; сильно сократилось число полукулацких и крепких крестьянских хозяйств, несколько упала даже группа середняцких хозяйств, зато сильно

выросла группа маломощных хозяйств с посевом до 3 десятин на хозяйство. В этом процессе отчасти сказалось общее обеднение селянства в первые революционные годы, но помимо обеднения, здесь проглядывают контуры сложившихся на селе новых классовых группировок.

Наша задача на селе заключалась с самого начала в содействии расслоению крестьянства. Только пойдя по этому пути, мы могли найти союзников среди беднейшей и середняцкой части села. В этом отношении на Украине было во много раз больше трудностей, чем в России. Во-первых, здесь кулак сильнее, организованнее; во-вторых, пролетариат малочисленнее и слабее.

Национальный состав рабочего класса на Украине явился следствием своеобразного развития промышленности, главным образом, на востоке, т.-е. в донецкой каменноугольной промышленности.

Донбасс поглощал большое количество пришлой рабочей силы. По статистическим данным, которые приводит Туган-Барановский, средний ежегодный прирост населения Донбасса в крупных производствах достиг за десятилетие между 1887 и 1897 г. г. $6\frac{1}{2}\%$, в то время, как нормальный прирост населения составлял лишь $1\frac{1}{4}\%$. Другими словами, Донбасс требовал в пять раз больше рабочей силы, чем мог дать естественный прирост населения. Отсюда понятно, почему Донбасс пользовался в значительной степени пришлыми рабочими, преимущественно из центральных губерний, Орловской и других.

Само собою разумеется, что орловские горняки и прочие не могли достаточно быстро наладить связи с селянством, которое сплошь говорит на украинском языке (исключая некоторые округа Донецкого бассейна, северную часть Черниговщины, немецкие и другие колонии).

Эта особенность порождала ряд национальных противоречий, раздуваемых кулачеством и украинской интеллигенцией. К вопросу о национальных особенностях мы еще вернемся. Пока же заметим только, что численность рабочего класса на Украине, независимо от его национального состава, составляет весьма небольшую часть всего населения, что видно из данных всех переписей.

По переписи 1920 г., население на Украине (в тысячах) распределялось так: в городах 4.559,6, в селах 20.891,7, всего 25.451,3. По переписи 1897 г. на этой же территории было населения 21.062,7 чел.

Что касается рабочих, то, по данным 1914 г., на Украине было (без транспортников, прислуги и сельских батраков): в фабрично-заводской промышленности — 331.890, в каменноугольной и антра-

цитной — 185.823[1]), в железорудной — 14.100, в железоделательной—90.952, в солеваренной—7.050, всего—629.815 человек.

Общее экономическое состояние Украины до революции характеризовалось следующими чертами: 1) сравнительно слабым развитием промышленности, *недоразвитием* капиталистических отношений даже по сравнению с Россией и 2) наличием крепкого середняка и кулака, который „гораздо сильнее, чем кулак русской деревни“ (см. статью Лебедя „Крестьянство в революции“ в сборнике „Октябрьская революция“). Украина была, по существу, русской колонией.

Это можно проследить по картине развития Донецкого бассейна. Рост каменноугольной промышленности идет параллельно с развитием железнодорожной сети. В течение десятилетия с 1868 по 1878 год были построены следующие дороги: Курско-Харьковско-Азовская (в 1861 г.), Козлово-Воронежско-Ростовская (1868—71 г.г.), Харьковско-Николаевская (1870—73 г.г.), Константиновская (1872 г.), Лозово-Севастопольская (1873 г.), Ростово-Владикавказская (1875 г.), Фастовская (1876 г.) и, наконец, Донецкая каменноугольная (1878 г.). Надо, однако, сказать, что Донбасс к концу этого десятилетия не имел еще достаточной сети дорог, хотя общая протяженность ее достигла к этому времени 19.813 верст. Еще более бурный период строительства железнодорожной сети относится к позднейшему времени — к 1880—1910 г.г., когда была построена Екатерининская железная дорога (1880—1884 г.г.), вторая Екатерининская (1899 — 1904 г.г.), Юго-Восточная (1893 г.), Луганско-Миллеровская (1897 г.) и, наконец, Северо-Донецкая (1911 г.).

Гамбаров, написавший очерк по истории революционного движения в Луганске[2]), справедливо отмечает, что „лишь с момента окончательного определения характера, размеров и направлений железнодорожного транспорта и начинается, собственно говоря, настоящая история промышленного развития Донбасса“.

Если сопоставить протяженность новых железнодорожных линий с количеством вновь открываемых акционерных компаний за период с 1891 по 1898 г., мы получим следующую картину:

[1]) В очерке Кулика и Яворского, откуда мы заимствовали эти данные, вкралась в приведенной в тексте таблице грубая опечатка: напечатано 15.823 вместо 185.823. В этом же очерке приведены данные проф. С. Остапенка о численности пролетариата на Украине. Остапенко утверждает, что численность пролетариата на Украине в 1913 г. составляла 4,2% всего населения Украины.

[2]) „Летопись Революции“, орган Всеукраинской комиссии по изучению истории Октябрьской революции и КП(б)У, № 4, 1923 г.

Годы	Проведено верст ж. д.	Возникло акцион. комп.
1891	118	24
1892	490	31
1893	1.691	50
1894	2.117	47
1895	1.839	86
1896	2.272	120
1897	2.394	118
1898	2.865	153

Эта таблица указывает на несомненную связь между ростом железнодорожного строительства и промышленным развитием Донбасса. А железнодорожное строительство получило дальнейшее завершение только в конце истекшего и в начале текущего столетия.

Особенность истории промышленного развития восточной части Украины, где сосредоточились основные промышленные центры, заключалась не только в сравнительно позднем оформлении этой промышленности, но и в *колониальном* его характере. Из 3.600 довоенных коксовых печей Донбасса с общей продуктивностью в 175.000.000 пудов 3.150 печей с продуктивностью в 153.000.000 пудов принадлежали акционерным компаниям с иностранным капиталом. Харьковский „Продамет", который сосредоточил в своих руках 80% всей продукции металлопромышленности, был синдикатом бельгийских и французских капиталистов. Значительная часть криворожской железной руды вывозилась в Германию и Англию, а оттуда, в переплавленном виде, вновь ввозилась в Россию. Приток иностранных капиталов, вкладывавшихся, помимо Донбасса, в электрические предприятия, трамвайное строительство и т. п., содействовал развитию крупной промышленности Украины, но эта индустриализация задерживала рост буржуазии украинской, которая так и недоразвилась в классовом отношении вплоть до 1917 г. И. Кулик и М. Яворский называют в своем „Очерке истории КП(б) Украины" определенные слои украинской мелкой и средней буржуазии и интеллигенции *„потенциальной украинской буржуазией"*, т. е. буржуазией, которая не могла занять соответствующего места, в виду невозможности выдержать конкуренцию с более мощным русским и иностранным капиталом [1]).

[1]) Помимо захвата индустрии Украины иностранным капиталом, следует отметить, что „именно на Украине, где капитализация сельского хозяйства прошла наиболее глубоко, крупное землевладение и кулацкая верхушка органически связаны с промышленностью, обрабатывающей с.-х. продукты (сахарные и винокуренные

Своей буржуазии „украинство“ (употребляя выражение В. Винниченка) почти не создало. Упомянутые авторы „Очерка истории КП(б)У“ отмечают, что крупная буржуазия на Украине составляла до войны 0,9%, да и то складывалась, главным образом, из русских, еврейских (по преимуществу торговых), польских и отчасти немецких слоев.

В первый период непосредственной подготовки и осуществления Октябрьского переворота большую роль сыграла находившаяся под ружьем и одетая в серые форменные шинели солдатская крестьянская масса. На Украине этот отряд украинской революции в своем большинстве был дезорганизован действиями Центральной Рады. Румынский и Юго-Западный фронты, составившие впоследствии, по постановлению Рады, „Украинский фронт“, состояли, с одной стороны, из элементов, почти ничем не связанных с украинским селом, не понимавших ни его языка, ни его национальных стремлений [1]), и, с другой стороны, из элементов, подпавших под шовинистическую идеологию Рады. Инициатива в деле организации украинских частей на Юго-Западном и Румынском фронтах была полностью в руках Рады и давала ей огромное преимущество в борьбе за власть. Войсковые съезды, происходившие в Киеве, были определенными этапами к захвату власти Радой.

Почва на Украине не так благоприятствовала „нормальному“ созреванию Октябрьского переворота, как в России.

Н. Скрыпник в своей „Истории пролетарской революции на Украине“ объясняет запоздалость, затрудненность развития Октября на Украине следующим образом (приводим слова Н. Скрыпника не буквально):

Здесь, — пишет он, — численность пролетариата по отношению ко всему населению значительно меньше, чем в России. Пролетариат скучен в своем большинстве на востоке и юге: в Донецко-Криворожском, Екатеринославском районах и т. д. Рабочие, хотя и выходцы из деревни, не были связаны с украинским крестьянством, будучи родом из русских губерний. Развитие сельско-хозяйственной индустрии — сахарных и винокуренных заводов и др. — содействовало в известной мере тому, что в латифундиях южной Украины образовался сельско-хозяйственный пролетариат, но про-

заводы, табачные фабрики, мельницы и т. д.), с банками, с западно-европейским финансовым капиталом“ (см. М. Рубач: „К истории украинской революции“ - „Летопись Революции“, № 6, 1926 г.).

[1]) Среди солдат Юго-Западного и Румынского фронтов русские эсэры имели в тот период значительно большее влияние, чем украинские социалисты.

летариат на Украине не мог вследствие своей малочисленности иметь значительного влияния, несмотря на то, что ему удавалось уже в 1902 — 1907 годах вести за собой крестьянство.

Более спорным является утверждение Н. Скрыпника, что одним из неблагоприятных факторов развития революции на Украине было отсутствие партийного объединения в краевом масштабе. На этом вопросе мы остановимся, когда будем говорить о роли партии в развитии революции на Украине. Сейчас нам важно подчеркнуть, что союз рабочего класса с селянством налаживался на Украине с большим трудом, чем в России, что еще до момента, когда вопрос об укреплении связей с крестьянством стал актуальным, в период, когда судьбы революции предопределялись еще только исходом классовых сражений в городах,— влияние рабочего класса на Украине росло значительно медленнее, чем в русских городах. Ко всем другим трудностям здесь примешивались национальные осложнения.

В царской России украинцы были, в общем, на положении травимых инородцев. Украинская культура, как „крамольная", преследовалась по всей строгости законов. Прежние чувства недоверия, озлобления, ненависти ко всему, что имело на себе русский штамп, не могли испариться в короткий срок после Октябрьской революции. С этим настроением приходилось считаться. Национальный состав городского населения Украины после революции на первых порах мало изменился. Город долго оставался в этом смысле чуждым селу.

Очень яркую картину *национального* состава населения городов (в тысячах) Украины, по данным переписи 1897 г., дает следующая таблица:

Губернии	Украинцев	Великороссов	Евреев
Волынская	46	44	119
Екатеринославская	65	98	62
Киевская	129	152	142
Подольская	72	33	103
Полтавская	157	30	80
Харьковская	199	145	12
Херсонская	136	355	224

Только в двух из указанных губерний, а именно в Полтавской и Харьковской, мы видим перевес украинцев в городских поселениях.

По данным переписи 1920 года, которая охватила 7 губерний, состав населения городов Украины по национальному признаку представляется в следующем виде:

	Украинцы	Русские	Евреи	Немцы	Остальные
	В процентах				
Губернские города . .	14,0	44,0	35,0	0,7	6,3
Другие города . . .	40,5	29,2	25,6	0,4	4,3
Поселения городского типа	52,1	21,8	21,0	0,4	4,4

Если исключить поселения городского типа, стоящие ближе к селу, чем к городу, то состав населения городов Украины указывает на значительное преобладание неукраинских слоев над украинскими, при чем в губернских городах русское население в три раза превышало количество украинцев, и даже численность еврейского населения была в $2\frac{1}{2}$ раза больше украинского. В то же время по всем губерниям общее количество украинского населения составляет абсолютное большинство. Лишь в Донецкой губернии украинцы составляют относительное большинство. Это видно из следующей таблицы:

Губернии	Украинцы	Русские	Евреи	Немцы	Остальные
	В процентах				
Донецкая	47,8	39,1	2,5	2,5	8,1
Екатеринославская . .	78,6	11,7	6,5	1,6	1,6
Киевская	77,5	7,9	11,7	0,2	2,7
Одесская . . .	53,6	20,3	13,2	3,4	9,5
Полтавская	92,0	2,1	5,3	0,1	0,5
Харьковская	79,2	17,1	2,5	0,1	1,1
Черниговская . . .	87,9	8,6	2,8	0,3	0,4
Среднее . . .	72,7	15,4	7,0	1,1	3,8

На селе, согласно переписи 1920 г., украинцы составляют подавляющее большинство (83,9%), другие национальности здесь в незначительном меньшинстве (на долю русских приходится в селах 10,2%, евреев — 0,9%, немцев — 1,5% и остальных — 3,5%).

Эти данные указывают на то, что трудности, стоявшие в национальном вопросе перед украинским пролетариатом, были на первых же порах весьма велики и требовали много такта и большой политической дальновидности для смягчения, а затем и окончательного устранения недоверия украинского селянства к пролетарским городам.

С. Шрейбер справедливо замечает, что в то время, как „в России фронту рабоче-крестьянской бедноты противостоял фронт помещичье-буржуазно-кулацкий", „на Украине еще долго против пролетарского города мы имели село, и село не только кулацкое, но и середняцкое, а порой даже бедняцкое".

Особенности национального состава населения Украины не могли не наложить известного отпечатка и на местную культуру. В этой связи небезынтересны соображения П. Солодуба и В. Затонского о характере украинской национальной культуры. П. Солодуб, полемизирующий в этом вопросе с В. Затонским, говорит:

„В абстракции можно доказать,— особенно, если это нужно,— что в XX столетии на Украине существует лишь крестьянская культура... На самом деле, украинская культура значительно шире. Она имеет в себе элементы культур каждого развитого капиталистического народа. Уже десятки лет украинская культура имеет свою поэзию, свою беллетристику, свою музыку, свою периодическую печать. Очевидно, что украинская культура не крестьянская, а, как и вся дореволюционная, городская, но по ряду причин менее приспособленная ко вкусам буржуазии и насыщенная мотивами здорового рабоче-крестьянского быта".

В. Затонский на это возражает:

„Почему на восьмом году Октябрьской революции Совнарком принимает решение об обязательной украинизации харьковских учреждений, и почему никакое — в том числе и советское — правительство Польши никогда не будет ставить вопрос о полонизации Варшавы? Я думаю, всем, даже тов. Солодубу, понятно, что это происходит от того, что капитализм в Польше, Финляндии, Латвии успел создать буржуазную национальную культуру, в которую и сейчас вкраплены уже некоторые элементы культуры пролетарской.

„Никто не сомневается, что польская культура существует, и никакой польский рабочий, даже коммунист, и даже, если он в национальном вопросе придерживается старой ошибки польской коммунистической партии, не сомневается, что он поляк...

„Почему на Украине существует национальный вопрос, как вопрос еще отнюдь не разрешенный? Да именно потому, что крестьянство в деревне сохранило свой язык, в то время, как тот же крестьянин, пролетаризировавшийся и уходивший в город, в большинстве руссифицировался. В результате мы имеем на Украине почти-что киргизское положение, т.-е. пролетариата, владеющего местным языком, а тем более пользующегося им в обиходе, недо-

статочно. И на Украине существует национальный вопрос, т.-е., в нашей постановке, вопрос о том, как изжить национальное обособление (в жизни существующее) между пролетариатом, особенно в его квалифицированной части, и огромными крестьянскими массами".

Мы приводим здесь полемику между Затонским и Солодубом для того, чтобы резче оттенить значение национального вопроса на Украине. Заметим только, что чрезвычайно сильная крестьянская окраска национальной культуры на Украине не подлежит сомнению, равно как и то, что на Украине издавна были значительные слои руссифицированного пролетариата и почти отсутствовала национальная крупная буржуазия.

Этим в значительной степени объясняется тот факт, что долгое время украинское национальное движение составляло на территории русской Украины как бы предмет импорта нашего „Пьемонта"— Галиции. Отсюда, из Галиции (после австрийской конституции 1867 года), на Украину посылалась литература на украинском языке и оттуда же шла струя национального освободительного движения.

Конечно, это не исключало и самостоятельного органического роста национального движения на Украине. Достаточно сказать, что за сто слишком лет после „Энеиды" Котляревского на Украине выкристаллизовалась весьма значительная плеяда украинских литераторов и общественных деятелей (главным образом, в области кооперации).

При Александре II вышло распоряжение о частичном запрещении книг на украинском языке. А через короткое время украинский язык был полностью воспрещен к употреблению где бы то ни было.

Оживление национального движения на Украине наблюдается накануне и после первой революции 1905 года. Это движение было резко антиправительственным.

Тарас Шевченко — батько украинской поэзии — был наиболее ярким выразителем свободолюбивых устремлений украинского крестьянства. Эти настроения несомненно находили отклик среди селянства и до, и после первой революции и искали себе какого-то выхода. Пролетариат должен был быстро овладеть национальным движением и пропитать его своим руководством, чтобы не дать сыграть на национальных чувствах контр-революционным партиям. А к этой роли пролетариат был подготовлен, конечно, в недостаточной степени. Отсюда сильный рост самостийнических настроений. Под эти настроения подводилась „экономическая база". Указывалось на то, что Украине союз с Россией экономически невыгоден.

Украина, бывшая в момент подписания Переяславского договора (в 1654 году) о вхождении в Россию равноправной договаривающейся стороной, после потери государственной самостоятельности, превратилась в дальнейшем в русскую провинцию („Малороссию“), подчиненную экономически и политически северу.

Данные о государственном бюджете бывшей Российской империи, приводимые некоторыми финансистами, говорят о том, что значительная часть украинских доходов бесповоротно уплывала за пределы Украины.

Проф. Яснопольский приводит в своей книге „О географическом распределении государственных доходов и расходов России“[1]) следующую таблицу распределения бюджетных сумм по украинским губерниям (в миллионах рублей):

	Госуд. доходы	Госуд. расходы	Плюс или минус
Киевская губ. . . .	518,3	316,7	—201,6
Подольская „	239,3	107,7	—131,6
Волынская „	272,5	136,7	—135,8
Правобережье . . .	1.030,1	561,1	—469,0
Полтавская губ.	250,7	158,0	— 92,7
Харьковская „	343,8	205,1	—138,7
Черниговская „	187,7	98,0	— 89,7
Левобережье	782,2	461,1	—321,1
Екатеринославская губ.	326,9	118,3	—208,6
Херсонская „	584,1	460,9	—123,2
Таврическая „	176,2	146,9	— 29,3
Степной район . .	1.067,2	726,1	—351,1
Вся Украина	2.899,5	1.748,3	—1.151,2

Эти данные относятся ко времени 1868 — 91 годов. М. Порш приводит цифры и за последующий период — с 1898 по 1911 г.

„В то время, как государственные доходы с 9 украинских губерний составляли за период с 1863 по 1891 г. 17% всех государственных доходов, государственные расходы в нашем крае составляли только 9,5% всех расходов“[2]).

[1]) Цитируем по брошюре М. Порша „Україна в державному бюджеті Росії“; изд. „Знание и сила“, 2-е изд., Екатеринослав.

[2]) М. Порш пользовался ведомостями о государственных расходах и доходах, которые, по его словам, вернее, нежели бюджетный лист, характеризуют состояние и движение сумм по территории России. К этим ведомостям М. Порш присовокуплял данные о движении сумм на железных дорогах. Мы внесли арифметические поправки в итоги М. Порша.

С 1898 по 1911 г. соотношение доходов и расходов (в миллионах рублей) на Украине было таково:

Годы	Госуд. доходы	Госуд. расходы	Плюс или минус
1898—1903 (вкл.)	1.883,1	1.042,4	— 840,7
1903—1907 "	2.367,0	1.300,7	—1066,3
1908—1910 "	1.644,7	946,5	— 698,2
Итого	5.894,8	3.289,6	—2.605,2

За прежний двадцатитрехлетний период (с 1868 по 1891 г.) на Украину вернулось доходов 61,1%, за новый тринадцатилетний период (с 1898 по 1911 г.)—только 55,7%.

В 1906—10 г.г. доходы с Украины возросли с 17 до 22,1%, расходы же поднялись только на такую же относительную величину—с 9,5 до 13,2%.

Мелкобуржуазные и буржуазные националисты делали из этого факта тот единственный вывод, что Украина должна бороться за автономию, т.-е. за переход власти в руки „своей" национальной буржуазии. Они боялись и в силу своей социальной природы не могли оценить должным образом путей классовой борьбы за раскрепощение всех угнетенных национальностей.

Мелкобуржуазный украинский националист профессор Грушевский доказывал, что Украина должна отказаться от вывоза своих товаров через Балтийское море, должна повернуться лицом к Черному морю, к „своему"—как он пишет—морю. Все усилия Грушевского были направлены на то, чтобы доказать, что Украина может быть буржуазным „самостоятельным государством".

Украинские социал-демократы (у. с.-д.) вначале стыдливо отворачивались от лозунга самостийности, повидимому, уясняя себе, что социалист, если он претендует на это звание, обязан стоять на почве классовой борьбы и не порывать союза с великорусскими рабочими. Но украинский социал-оппортунизм быстро переродился в самостийнический. К этому его толкала логика борьбы с народившимся советским строем. И что же оказалось? Украина попала из огня в полымя, едва очутилась в руках так называемых петлюровцев, то-есть украинских социал-демократов или социалистов-революционеров, превративших Центральную Раду, детище либерального „Товариства українських поступiвцiв" (прогрессистов), в орган власти. Из данницы царской России Украина превратилась, правда, на короткий исторический период,—короткий не по вине украинских социалистов,—в данницу иностранных империалистов,

прежде всего германских. Украина оказалась связанной политически с контр-революционным Доном (Калединым). Ориентация на „свое“ Черное море содействовала тому, что Украина стала плацдармом для подготовки нападений против Советской Республики, стала обширной контр-революционной Вандеей, где оттачивался белогвардейский штык против революции, где находил радушный прием — не у селянства, конечно, а у верхушки власти — хищный иностранный империализм.

Если в России мы в 1917 году с неимоверной быстротой проходили исторические этапы от буржуазной революции и от революционно-демократической диктатуры к диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства, то на Украине революция должна была замедлить свой бег вследствие того, что Октябрьская революция, а не Февральская, принесла с собой национальное освобождение Украине, и последняя еще не имела столь богатого впоследствии опыта петлюровской государственности, немецкой оккупации, блокады, бандитизма и проч. Украине суждено было пройти через буржуазно-национальный этап.

Выразительницей националистической идеологии явилась украинская интеллигенция, воплощавшая в себе упомянутую выше „потенциальную буржуазию“. С. Пилипенко приводит слова одного украинского интеллигента:

„История украинской нации сложилась так, что почти единственным национальным классом осталось крестьянство. Средние и более состоятельные слои его выделяют ту интеллигенцию, которая становится сознательной выразительницей „национальных идеалов“. Поэтому и элементы буржуазной интеллигенции, для которых в самой революции нет ничего привлекательного, смотрят на крестьянство, как на носителя национальной идеи и объект их национальной политики“.

В виду слабости национальной буржуазии, украинская интеллигенция в смысле политического влияния заняла в общей сумме группировок особое место: она как бы замещала „временно отсутствующую“ „свою“ буржуазию. Это же обстоятельство позволяло мелкобуржуазным партиям, выполняя роль буржуазной власти, одновременно спекулировать словами „социализм“ и „классовая борьба“. Украинская интеллигенция издавна готовилась к замещению русского чиновничества, которое она законно ненавидела всеми фибрами души. Революция открыла для этих стремлений все отдушины. Если раньше украинская речь слышна была только в немногих кооперативных учреждениях, то теперь народился (от-

части вышел из подполья) ряд партийных и иных организаций, которые в большинстве были созданы той же интеллигенцией в целях утверждения буржуазной украинской государственности.

Кооперативы на Украине, по верному замечанию И. Кулика и М. Яворского, „играли роль своего рода примитивных акционерных обществ для борьбы с русской буржуазией за завоевание украинского рынка. Одновременно это давало украинской буржуазии возможность связаться с селянством и подчинить его своему политическому влиянию, используя для этого украинскую интеллигенцию.

Вот почему на Украине кооперативное движение развивалось рядом с просветительным (образование „просвіт") на селе".

Основной группой украинской интеллигенции надо считать группу сельской интеллигенции, которая в первые годы революции была настроена антисоветски. Это порождало одну из особенностей Октября на Украине.

В России интеллигенция тоже медленно проникалась пониманием революционных задач, тоже колебалась, тоже саботажничала, тоже выступала против советов по ту сторону фронтов. Но на Украине движение к Октябрю было заторможено с самого начала вследствие того, что национальная интеллигенция, которая единственно имела прочные связи с селом, почти сплошь (за исключением единиц) была настроена против советов.

Тут надо отметить процесс отрыва городов от деревень в первые годы гражданской войны. Кулачество получило весьма реальную помощь от элементов, отрывавшихся от городов и возвращавшихся в села. До 1920 г. села украинизировались, а города, напротив, руссифицировались.

„С концом вооруженной гражданской войны, т.-е. с 1920 г., понемногу начинается обратный процесс. Украинское село начинает наступать на город, возвращать ему излишек своей рабочей силы. Голодный 1921 год погнал тысячи беженцев из пораженных несчастьем районов. Возрождение промышленности открывает двери для новых кадров рабочих. Возвращаются из сел беженцы-пролетарии, идут на село снова те, кто бежал оттуда от бандитизма и безработицы. Теперь, в свою очередь, село начинает до известной степени „интернационализироваться", в то время, как в первые годы революции оно стало чуть ли не сплошь украинским" (см. сборник „Октябрьская революция").

Этот процесс обратного движения из сел в города является немаловажным фактором национального развития Украины.

В своих статьях, письмах, служебных записках, приветственных и деловых телеграммах и пр. Ленин неустанно подчеркивал значение национального вопроса на Украине.

„Игнорировать значение национального вопроса на Украине,— чем очень часто грешат великороссы (и, пожалуй, немногим менее часто, чем великороссы, грешат этим евреи),— значит совершать глубокую и опасную ошибку", — писал Ленин в статье „Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата".

Анализируя данные о выборах в Учредительное собрание на Украине[1], Ленин приходит к следующему выводу:

„Не может быть случайностью разделение русских и украинских эсэров на Украине еще в 1917 году. И, как интернационалисты, мы обязаны, во-первых, особенно энергично бороться против остатков (иногда бессознательных) великорусского империализма и шовинизма у „русских" коммунистов; во-вторых, мы обязаны именно в национальном вопросе, как сравнительно маловажном (для интернационалиста вопрос о границах государств — вопрос второстепенный, если не десятистепенный), итти на уступки".

„Нас нисколько не может удивить — и не должна пугать — даже такая перспектива, что украинские рабочие и крестьяне перепробуют различные системы и в течение, скажем, нескольких лет испытают на практике и слияние с РСФСР, и отделение от нее в особую самостийную УССР, и разные формы их тесного союза, и т. д., и т. п.

„Пытаться наперед, раз навсегда „твердо" и „бесповоротно" решить этот вопрос было бы узостью понимания или, просто, тупоумием, ибо колебания непролетарских трудящихся масс по *такому* вопросу вполне естественны, даже неизбежны, но вовсе для пролетариата не страшны".

Не только после Октябрьской революции, но и до нее Ленин не раз останавливался на так называемом украинском вопросе. Ленин писал о „горе-демократах" — кадетах, о „настоящей шовинистической травле" ими украинцев за „сепаратизм", писал о том, „как епископ Никон защищает украинцев", о „националистическом жупеле ассимиляторства" и т. д.

[1]) Украинские эсэры и другие украинские социалисты получили на выборах в Учредительное собрание 3.900.000 голосов против 900.000 голосов, поданных за русских эсэров при общем числе голосов на Украине в 7.000.600.

На Юго-Западном и Румынском фронтах (в армии) украинские социалисты получили 30% и 34% всех голосов (при 40% и 59% за русских эсэров).

В последней статье Ленин подчеркивал, что лучшим средством борьбы против угнетения украинцев царизмом является „союз украинского и великорусского пролетариата". В этой же статье Ленин указывал на те условия, которые ведут к созданию свободной Украины. „При едином действии пролетариев великорусских и украинских свободная Украина возможна. Без такого единства о ней не может быть и речи". — пророчески писал Ленин.

В статье „Еще о национализме" Ленин резко нападает на националистов, которые стремятся травлей „инородцев" разделить и раздавить рабочий класс, чтобы легче было усыпить его". „Сознательные рабочие,— продолжает Ленин,— отвечают на это отстаиванием полного равноправия и *единства* рабочих всех национальностей *на практике*".

На апрельской партийной конференции 1917 г. Ленин горячо отстаивал право наций на отделение.

Первоначально Ленин поддерживал Центральную Раду [1]). Первый универсал Рады был встречен большевистской прессой сочувственно. Ленин написал статью, где разоблачал великодержавные повадки Временного правительства, не желавшего итти навстречу законным стремлениям украинского народа.

После освобождения Украины от деникинщины Ленин написал „Письмо к рабочим и крестьянам Украйны по поводу побед над Деникиным". В этом письме Ленин, как и в статье „Выборы в Учредительное собрание", но еще с большей силой подчеркивает, что „каковы бы ни были границы Украйны и России, каковы бы ни были формы их государственных взаимоотношений, это не так важно, в этом можно и должно пойти на уступки, в этом можно попробовать и то, и другое, и третье,—от этого дело рабочих и крестьян, дело победы над капитализмом, не погибнет.

„А вот если мы не сумеем сохранить теснейший союз между собой, союз против Деникина, союз против капиталистов и кулаков наших стран и всех стран, тогда дело труда наверное погибнет на долгие годы в том смысле, что и Советскую Украину и Советскую Россию тогда *смогут* задавить и задушить капиталисты".

Перед партийными организациями и пролетариатом на Украине стояли затруднения особого рода: они не имели твердой линии в вопросе о том, нужно ли здесь в конкретной обстановке агитировать за формальное сохранение союза с Россией во что бы то

[1]) До тех пор, пока Центральная Рада не вступила открыто на путь соглашений с реакционными элементами Дона, на путь непризнания основ Октябрьской революции.

ни стало или сразу же взять курс на самостоятельное государственное бытие Украины (конечно, на основе советской власти).

Надо уяснить себе, что перед пролетарской партией на Украине вопрос стоял не совсем так, как он стоял перед партией в России. Перед пролетариатом угнетенной Украины он стоял иначе, чем перед пролетариатом России. Этот же вопрос стоял иначе во все три периода взаимоотношений между буржуазно-национальной Центральной Радой и большевистской партией: 1) до октября 1917 г., 2) от октября (вернее, начала ноября) до январского восстания арсенальцев и 3) в последующий период до апреля 1918 г. (до оккупации Украины немцами).

В первые два периода (да, пожалуй, и в третий) Украина не существовала как единое государственное целое, и единой партии на Украине не было вплоть до 1918 г.[1]).

После Февральской революции внимание партии было сосредоточено с самого начала на подготовке захвата власти. Центральная Рада могла явиться объективно попутчиком, поскольку она была заинтересована в крахе Временного правительства. В этот период „харьковцы"[2]) почти не вели активной борьбы против Центральной Рады. „Киевляне" также относились к ней пассивно.

Во второй период „киевляне" начали борьбу с Центральной Радой, а „харьковцы" попрежнему ориентировались на Донбасс. И, наконец, в третий период „киевляне" организуют всеукраинскую борьбу с Центральной Радой, а „харьковцы" только втягиваются постепенно в борьбу с объединенными силами Центральной Рады и германского империализма.

Но отношение к Раде еще не решало всего вопроса о национальном самоопределении Украины, того вопроса, который в свое время предвидел еще Энгельс, говоря, что „Россия — владелица громадного количества украденной собственности (т.-е. угнетенных наций), которую ей придется отдать в день расчета".

Определенного проекта расчета, кроме голой формулы, формулы права наций на самоопределение вплоть до отделения, не было, и именно эта нечеткость лозунга в вопросе о национальном самоопределении служила серьезным препятствием в борьбе с Центральной Радой.

К тому же большевистская организация на Украине была всегда слаба по сравнению с северными (Питер, Урал) и не всегда была в состоянии взять правильный курс на основе общепартийной тактики.

[1]) Первый съезд КП(б)У собрался в Москве 5 июля 1918 г.

[2]) О „харьковцах" (а также „екатеринославцах") и „киевлянах" ниже.

„Это в особенности очевидно,—писал Я. Яковлев,—если сравнивать процесс организации коммунистической партии в центральной России с ее развитием на Украине. Еще в 1903 году, при первом оформлении большевистской и меньшевистской фракции на II Всероссийском съезде, юг с его „организационной распущенностью и политической нерешительностью" составил основную группу Мартова. В 1905 г. на III парт. съезде были представлены преимущественно металл и текстиль севера, в то время, как меньшевистская конференция 1905 г. объединяла Харьков, Екатеринослав, Одессу и другие южные организации. В эпоху подъема 1912 года, когда меньшевики, выродившиеся в ликвидаторов, были повсеместно сбиваемы с партийных позиций, им удается сравнительно сохранить свои организационные и идейные базы в основных рабочих центрах Украины" [1]).

Был ли у нас отчетливый ответ на национальный вопрос до революции?

Н. Скрыпник в своей „Истории пролетарской революции на Украине" подчеркивает, что такого, отчетливого, ответа не было, особенно после Февральской революции и особенно в отношении Украины.

„Когда просматриваешь теперь списки партийных комитетов до революции, то видишь, что почти все работники, работавшие на Украине во время революции, только временно находились на территории Украины, в виду того, что по подпольным обстоятельствам путешествовали по другим местам.

„Во время революции сложилось так, что большинство, почти все бывшие работники украинских парторганизаций, очутились на территории России. Вся минувшая революционная борьба проходила для украинской организации в том, что из партийных низов выходили все новые работники, которые воспитывались на работе и направляли свой челн в широкое море российской организации, не учреждая никакого всеукраинского объединения.

„Картина парторганизаций, таким образом, рисовалась совсем иначе, чем в Литве, в Польше, на Кавказе, даже в Сибири. Все это, а также много других мелких, но важных причин повлекло за собой то, что во время революции партийные организации большевиков на Украине были объединены только общим революционно-социалистическим большевистским направлением и своими, для каждой особыми, отношениями с общим партийным центром.

„Больше того: сложилась некоторая инерция такой распыленной децентрализации, сепаратного существования партийных организа-

[1]) „Коммунист" за 1920 г., № 4.

ций, некоторое недоверие к самой возможности всеукраинского партийного объединения, как факта возможного партийного сепаратизма.

„Таким образом, против объединяющего свои силы украинского национализма за первый период украинской революции мы видим разъединенные организационно, несогласованные в краевом масштабе партийные организации".

„Дело не в том, — возражает Н. Скрыпнику Лебедь,— что старые украинцы-партийцы кочевали, и не в том, что молодые взяли курс на Россию (выходит, по тов. Скрыпнику, что надо было еще до революции закладывать всеукраинский партийный центр по национальному признаку),— все дело в том, что большевистские организации, действовавшие на Украине в тот период, не могли ослабить пролетарско-классового фронта борьбы". „Ведь украинские социал-демократы, несмотря на предложение большевиков „будувати перше пролетарський фронт" и выступать против украинских националистов, в целом ряде организаций отвергли это предложение и пошли об руку с кулаками и буржуазными националистами, получившими широкий простор в результате революции. Могли ли в это время большевики думать о создании всеукраинского центра, когда от них требовалось в ногу со всей партией итти на развитие революции буржуазной в пролетарскую, напряжение всех сил именно на этом фронте".

В период, когда шла только подготовка решающего боя, по мнению Лебедя, „подменить лозунг классовой борьбы лозунгом национального освобождения или даже ослабить значение первого было бы не революционным, а следовательно, и чуждым большевизму делом". По утверждению Лебедя, национальная проблема должна была концентрировать внимание революционных сил „именно в тот момент, когда вопросы национально-культурного развития встали как вопросы закрепления завоеваний пролетарской революции на Украине".

Однако подготовка Октября должна была выдвинуть со всей силой необходимость связаться с селянством. И тут без определенного разрешения национальной проблемы обойтись никак нельзя было. По этому вопросу среди отдельных украинских организаций не было единства. На VI съезде партии, состоявшемся 26 июля — 3 августа 1917 года, т.-е. незадолго до Октября, присутствовали делегаты Донбасса, „Юга России", Правобережной Украины [1]), но единой всеукраинской делегации не было. Между тем, национально-

[1]) Полтава была зарегистрирована вне всяких групп.

буржуазный всеукраинский центр в лице Киевской Рады существовал с первых же дней Февральской революции. Трудно согласиться с тем, как утверждают отдельные авторы, что если бы партия своевременно обратила внимание на украинский вопрос, в указанном выше смысле, то подпала бы под влияние крестьянской стихии и перестала бы быть рабочей партией. Напротив, можно утверждать, что в этом случае Октябрь на Украине прошел бы более гладко. Но, конечно, тут дело не в ошибках лиц, а в объективных условиях, которые затрудняли до поры, до времени координацию действий отдельных организаций и создание краевого объединения. Э. Квиринг[1]) делает попытку объяснить разъединенность организаций на Украине различием обстановки гражданской войны в разных местах в период 1917—18 годов.

Помимо общих соображений, приводимых Э. Квирингом о том, что „Украину рабочие Левобережья в то время понимали как петлюровское начинание и лозунг Советской Украины ничего не говорил их сердцу", тут играло роль понятное опасение „правых" коммунистов, что левые используют всеукраинские центры для срыва Брестского мира и всей ленинской тактики.

Борьба между правыми и левыми коммунистами на Украине происходила в своеобразной обстановке в виду отказа Германии предоставить Советской Украине передышку. Этим объясняется то, что прямолинейно развитая позиция невтягивания России в войну из-за Украины и боязнь срыва передышки приводила к позиции отказа от власти советов на Украине (предложение в этом роде было оформлено во время Екатеринославского съезда советов, который состоялся в марте 1918 г.).

Другой вопрос, который надлежит выяснить, это вопрос о том, насколько левые коммунисты овладели положением в рассматриваемый период. По этому поводу В. Затонский замечает:

„Прежде всего, „правые" и „левые" украинские, это—не совсем то же, что „правые" и „левые" российские коммунисты.

„По крайней мере, среди левых украинских были такие (я сам в том числе), что в российском масштабе считались правыми (отстаивали подписание Брестского мира и пр.). Среди правых украинских далеко не все, особенно из рядовых, были правыми до прямого оппортунизма в стиле т. Эпштейна (Яковлева)".

В. Затонский был после II съезда советов Украины (март 1918 г.) председателем Центрального Исполнительного Комитета Советов Украины. Как он сам замечает о себе, он не был „левым" комму-

[1]) См. „Наши разногласия" в сбор. „I съезд КП(б)У". Госиздат Украины.

нистом в российском понимании. Н. Скрыпник занимал левую позицию в вопросе о создании всеукраинских центров (советского и партийного) и одновременно „правую" позицию в вопросе о Бресте. После Полтавы из Народного Секретариата вышли самые ответственные представители левых — Ю. Пятаков, Евг. Бош, а затем Шахрай. Екатеринославский съезд советов высказался за подписание Брестского мира Российской федерацией и даже за подписание мира с немцами на условиях, принятых Центральной Радой, если немцы уберут свои войска и оставят советы в покое. Эти условия не были немцами приняты, так как они предпочли иметь дело с Центральной Радой. Таким образом правые, в российском смысле слова, украинские коммунисты стали в значительной мере „левыми поневоле". Этой категории левых нельзя забывать при анализе внутрипартийных группировок. Значит ли это, что подлинные левые коммунисты (пятаковцы) не пытались превратить Украину в плацдарм „революционной войны" против немцев и не питали никаких надежд втянуть в эту войну и Россию?

Отнюдь нет.

Затонский отмечает, что „среди украинских левых стремление к созданию единого движения и единых руководящих центров для Украины питалось не только сознанием неизбежности и необходимости существования в дальнейшем Советской Украины, не только желанием использовать для пролетарской революции развертывающееся на Украине крестьянское движение, но отчасти у некоторых и соображениями левокоммунистическими (в российском смысле этого слова)".

Отмечая „русотяпство у правых" и „левокоммунистические соображения у левых", В. Затонский указывает как на основной момент разногласий в тот период „разное понимание задач рабочего класса на Украине в переживаемый тогда кошмарно-тяжелый период разгрома пролетарского движения".

„Что правые представляли собою пролетарские организации нашей партии, слов нет; более того: они имели самое сильное влияние как-раз в рабочих районах, кстати сказать, наиболее разгромленных реакцией, но выражали они собой в значительной мере пролетарскую усталость, упадочность того периода. Левые иначе оценивали разгорающийся пожар крестьянских волнений и ставили задачей партии не сохранение пролетарской чистоты своих риз во что бы то ни стало, а овладение стихийным повстанческим движением".

По утверждению Э. Квиринга, основное разногласие (между правыми в левыми) сводилось к тому, могут ли украинские про-

летариат и крестьянство своими внутренними силами победить империалистскую армию.

Квиринг отмечает, что „историческая правда на стороне „правых", но не скрывает того, что „мы должны признать ряд ошибок „правых" и „левых". В. Затонский иначе оценивает уроки прошлого. „События показали, — пишет он, — что, несмотря на отдельные ошибки, излишнюю подчас нетерпеливость, даже неверные (у части) левокоммунистические предпосылки, расчет левых оказался верен и на ближайший период бурных 1918—20 годов и даже на дальнейшее в смысле сохранения и укрепления Украины как целого".

Не признавая за собой коренных ошибок в прошлом, Э. Квиринг, В. Затонский и Н. Скрыпник единодушно указывают, что упомянутые разногласия в настоящее время имеют только чисто историческое значение.

ГЛАВА I.

ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В КИЕВЕ.

Политическая обстановка в Киеве после февральских дней была сложнее, чем где бы то ни было на Украине. Октябрьские бои против керенщины и воинствующей националистической организации мелкобуржуазных украинских партий (Центральной Рады) носили здесь решающий характер, в виду положения Киева как краевого центра. На долю местной большевистской партийной организации выпала наибольшая политическая ответственность в период борьбы за захват власти. Сложнейшие взаимоотношения с радовцами находили свое осуществление как бы ощупью, при весьма плохой связи с Петроградом. Если при этом иметь в виду малочисленность киевской партийной организации, ее относительную слабость, отражавшую слабость киевского пролетариата, то станет ясно, что отдельные ошибки киевлян были неизбежны.

Партийная организация находилась среди бушующей националистической стихии. Малочисленный киевский пролетариат, более чем кто-либо, чувствовал на себе влияние этой стихии. Естественно, что при таких условиях огромного труда стоило нащупать верную линию в борьбе с керенщиной и одновременно с политическими центрами украинского шовинизма. Не потому, чтобы с самого начала нельзя было раскусить социальную сущность Центральной Рады. Раде никогда не удавалось вводить в обман киевскую партийную организацию окрашиванием в защитные советские цвета. Но благодаря своей осторожной политике Раде удалось создать видимость борьбы против керенщины и видимость блока с большевиками и ввести на этот счет в заблуждение крестьянские массы и прежде всего солдат-украинцев. Таким образом, борьба против Рады могла вылиться в открытые формы только после Октябрьской победы в Петрограде, которая убрала со сцены керенщину и поставила лицом к лицу Раду и вновь народившуюся рабоче-крестьянскую власть. До этого момента Рада боялась открыто показать свое лицо. Да и большевики считали главным своим врагом в этот период

буржуазную власть Керенского, в борьбе с которой радовцы были в известной мере попутчиками. Что касается руководителей Рады, то они, в свою очередь, считали своими попутчиками большевиков.

После этого беглого замечания перейдем к обзору событий в Киеве.

Киевская соц.-демократическая организация была весьма малочисленна в первые недели после Февральского переворота: в ней насчитывалось всего 200 членов. В подпольи организация была объединенной. Поэтому первое легальное собрание организации (6 марта 1917 г. в Народной аудитории по Бульварно-Кудрявской) было объединенным с меньшевиками. Председателем собрания был Майоров, секретарем Исаак Крейсберг, только-что освобожденный из тюрьмы.

После первого же собрания большевики и меньшевики выделились в отдельные организации.

В первый легальный общегородской комитет большевистской организации оказались избранными Ватин (Быстрянский), Петров (Савельев), Майоров (Майор), Дора Иткинд („Дора"), Исаак Исаков (Крейсберг), Хабинский, Сивцов, Н. Н. Лебедев, Павленко, Кугель и Ермаков[1]). Последний оказался впоследствии провокатором. Со стороны меньшевиков-интернационалистов была сделана попытка вновь наладить объединение обеих „фракций", но эта попытка не привела ни к чему, так как большевиками было предложено меньшевикам, стоящим на интернационалистской позиции, войти в организацию без всяких предварительных условий.

С первых же дней революции начал выходить орган киевского комитета большевиков „Голос Социал-Демократа". В редакционную коллегию газеты вошли Н. Лебедев, Р. Гальперин и М. Зарницын.

На собрании 6 марта был заслушан доклад Быстрянского, но прения по докладу были перенесены на 8 марта.

Резолюция, принятая на вторичном собрании партийной организации (70 голосами при 9 воздержавшихся), является тем документом, в котором линия организации в тот момент нашла свое отражение. В принятой резолюции говорится о необходимости „раздвинуть рамки буржуазной революции, отвоевать у буржуазии возможно более широкую базу для борьбы за свое окончательное освобо-

[1]) Н. Н. Лебедев умер в Киеве от тифа в 1919 г. Исаков был расстрелян в начале 1919 г. петлюровцами, находясь на подпольной партийной работе в Полтавщине. Кугель вышел из партии в 1921 г. Между прочим, М. Равич-Черкасский и А. Иванов называют в числе членов комитета Ластовского, не упоминаемого ни у И. Кулика, ни у Майорова.

жение". Февральская революция знаменует собою „буржуазно-демократический переворот", но партийная организация в указанной резолюции еще не ставит перед собой задачи борьбы против выдвинутой Февральским переворотом власти. Организация выступает в оппозиционном духе—не более. Она считает, что „реализация лозунгов 1905 года — демократической республики, восьмичасового рабочего дня и конфискация помещичьих земель — вот задачи дальнейшего развития революции".

Характеризуя Февральскую революцию как „демократическую революцию", резолюция отмечает роль европейского пролетариата в углублении революции: „Российская социал-демократия должна стремиться к тому, чтобы демократическая революция в России послужила сигналом к пролетарской революции на Западе, и обратиться к интернационалистам всех воюющих стран с призывом к координации своих действий для борьбы против капитализма".

Резолюция в этом виде была положена в основу платформы Киевского комитета РСДРП. Трудно согласиться с И. Куликом, что киевская организация уже в отмеченной резолюции „конкретно ставила перед собою задачу превращения ее (Февральской революции) в революцию пролетарскую и международную" и что „так же ясно (в ней) ставится вопрос об отношении к социал-патриотам и к буржуазному министерству". Даже после приезда в Киев Ю. Пятакова и Евгении Бош [1]) политическая линия некоторое время оставалась недостаточно четкой.

Одно время довольно остро продолжал стоять вопрос о слиянии с меньшевиками-интернационалистами. На общем собрании 6 апреля Довнар-Запольский выступил с резолюцией студенческой фракции, в которой говорилось: „Мы находим, что объединение с меньшевиками-интернационалистами в основе необходимо".

Точку зрения студенческой фракции поддерживали Н. Лебедев, М. Зарницын, Чекеруль-Куш [2]). Но Киевский комитет (а впоследствии также окружной и областной) высказался решительно против объединения.

Еще более серьезные испытания встали перед организацией в связи с ленинскими апрельскими тезисами. Киевский комитет не одобрял этих тезисов, найдя их „в общем неприемлемыми".

Предложенная на одобрение общегородской организации резолюция комитета натолкнулась на протесты. Общее собрание

[1]) Евгения Богдановна Бош скончалась в Москве 5 января 1925 г.

[2]) Зарницын впоследствии был расстрелян чехо-словаками в Сызрани в 1918 г. Чекеруль-Куш вышел из партии.

(15 апреля) вынесло уклончивую резолюцию: „Считая вопросы, выдвинутые т. Лениным, очень важными и сложными, общее собрание Киевской организации РСДРП не находит возможным принять без детального обсуждения определенную резолюцию о своем отношении к ним, почему и назначает особое собрание в ближайшее же время".

После этого комитет хотел выйти в отставку, но конфликт окончился победой комитета. На партийную конференцию в Петроград были избраны четыре делегата, выражавшие мнение комитета, среди них Евг. Бош. Следует отметить, что киевский Социалистический союз молодежи, в отличие от партийной организации, одобрил с самого начала ленинские тезисы.

Партийная работа в Киеве оживилась с возвращением из ссылки Рафаила (Фарбмана), Чернявского и Горбачева. Однако большевистская организация еще долго уступала по численности и влиянию меньшевистской организации. Из активистов киевской организации следует назвать Лаврентия (Картвелишвили), В. Введенского, Хабинского, Мальчикова, М. Ратманского (в городском районе), Е. Эдельштейна (в Новостроенском), А. Горовица, В. Затонского, В. Примакова, Андрея Иванова, Нусбаума (в Печерском), Яна Гамарника (Яна), Ливера, Кугеля, Логинова (в Подольском), Довнар-Запольского (в Шулявском).

Первый состав общегородского комитета, избранного еще в марте, просуществовал до 21 мая. В новый комитет вошли Ю. Пятаков, А. Горовиц, М. Зарицын, Евг. Бош, И. Крейсберг, Р. Фарбман, В. Затонский, М. Кугель, Ливер, Нусбаум, В. Примаков, Логинов (Павел), С. Шрейбер, М. Реут и Довнар-Запольский.

Влияние партийной организации как среди рабочей массы, так и среди солдат быстро росло. Киевская организация насчитывала к этому моменту в своих рядах 4.000, а вместе с периферией около 5.000 членов. Арсенал (оружейный завод) был сравнительно скоро и прочно завоеван большевиками.

В профсоюзах большевистское влияние до летних стачек в 1917 г. было невелико, исключая союз портных, о котором И. Кулик сообщает, что „как это ни странно, союз портных являлся наиболее революционным из профсоюзов в этот период"; в союзе металлистов председателем правления был избран большевик Горбачев, но меньшевистское правление только постепенно вытеснялось большевиками; вслед за металлистами на революционную позицию начали переходить деревообделочники и др.; однако профдвижение, особенно до мая — июня, не находилось еще под большевистским

руководством. В Киевское центральное бюро профсоюзов большевики входили в меньшинстве, только немногие большевики были делегированы на областную и III всероссийскую конференцию профсоюзов. В Совете рабочих депутатов большевики в этот период были представлены в небольшом количестве. Среди солдат же влияние большевиков было весьма заметно. Вполне большевистскими частями был 3-й авиационный парк на Печерске, понтонный батальон, телеграфная рота, 146-я и 147-я Воронежские дружины и др. Солдаты выделяли из своей среды крупных работников: Богданова, И. Кудрина, А. Карпенка, Свистуна, Селюка. Настроение солдат проявилось особенно наглядно 27 мая, когда митинг киевского гарнизона вынес резолюцию протеста против Киевского совета (тогда меньшевистско-эсеровского), не пожелавшего предоставить ни одного места большевикам на I Всероссийский съезд советов, и 4 июня у памятника Искре и Кочубею после выступления комиссара XI армии И. Кириенка, призывавшего к поддержке Временного правительства, солдаты большинством 357 голосов против 225 приняли резолюцию большевиков.

В доказательство значительного влияния большевиков на солдат можно привести известный эпизод с полуботьковцами [1]), который говорит о том, что большевизированные части подчинялись директивам Киевского комитета. И. Кулик рисует дело так, будто украинизированный полк полуботьковцев, желая пограбить, предложил и Киевскому комитету большевиков вступить с ними в контакт и поддержать их выступление. Однако Киевский комитет раскусил сущность намерений полуботьковцев и отказался от каких бы то ни было сношений с ними.

Иное освещение событий мы находим у Майорова [2]).

В этом выступлении, по утверждению Майорова, надо видеть определенную провокацию со стороны Рады, которая, учитывая неизбежность будущих боев, пыталась покончить с большевиками заблаговременно. С этой целью Рада толкает полуботьковский полк на выступление, и последний неожиданно в ночь с 4 на 5 июля захватывает государственный банк, почту, арсенал, квартиру полковника Оберучева (начальника Киевского военного округа) и производит в городе ряд самочинных арестов. Вначале можно было думать, что полк поднял восстание лично против Оберучева, требовавшего отправки полка на фронт. Однако при расследовании

[1]) Точное название полка было такое: „Имени гетмана наказного Павла Полуботько".

[2]) Майоров: „Из истории революционной борьбы на Украине", стр. 47.

поведения полка выяснилось, что какая-то рука направляет его действия и что у кого-то имеется определенный расчет на то, что большевистские части поддержат полуботьковцев и выступят против Керенского. Рада же стремилась совместно с штабом Киевского военного округа раздавить большевиков, и, может-быть, разгромить Киевский совет. Эта затея, однако, сорвалась. После того, как полк полуботьковцев залег в окопах возле Сырца и послал своих людей к большевикам,—им было предложено отказаться от восстания, вызванного провокацией Рады. Одновременно киевская партийная организация обратилась в штаб с требованием не наказывать восставших. И, благодаря вмешательству большевиков, полуботьковцы поплатились только отправкой на фронт Характерно, что полуботьковцы быстро согласились на предложение большевиков прекратить стрельбу.

Выступление полуботьковцев показывало, что радовцев следует и впредь опасаться, что они ведут двойную игру. Тем не менее разрыв с ними в тот момент еще не назрел. Киевские большевики первое время, просто, не замечали Рады. Исходя из этого, нетрудно понять, почему на апрельской партийной конференции Ю. Пятаков и Евг. Бош были в числе тех, кто отвергал ленинскую формулу — „право наций на самоопределение вплоть до отделения", предлагая заменить ее формулой „право трудящихся наций на самоопределение". Первое краткое выступление большевиков по национальному вопросу состоялось в Киеве только 9 июня на объединенном собрании Совета рабочих и солдатских депутатов.

Речь М. Зарницына на этом собрании воспроизводится нами ниже по отчету в „Голосе Социал-Демократа" (№ 45 от 13 июня):

„То, что происходит теперь в Киеве и, в частности, в Совете рабочих депутатов,— начал он свою речь,— явление грозное. Вместо лозунга „Пролетарии всех стран, соединяйтесь", здесь выдвигается лозунг: „Пролетарии, объединяйтесь со своей буржуазией против других наций". Высказывавшиеся ораторы стоят на точке зрения объединения со своей буржуазией. Правы украинцы в том месте, когда они критикуют меньшевиков и бундовцев, посылающих своих представителей в буржуазное министерство, запрещающее съезды подобно старому правительству. Но они близоруки, когда не видят, что это империалистическая политика, близоруки, когда блокируются со своей, тоже империалистической, буржуазией. Чтобы размежеваться с империалистами, мы и выставляем право наций на самоопределение, право народа самому решать свою судьбу, путем всенародного голосования. Но мы указываем, что в рамках

капиталистического строя полное освобождение малых национальностей недостижимо. Только когда власть перейдет в руки пролетариев и полупролетариев, будут гарантированы права меньшинств. Для украинцев мы выдвигаем требования широкой областной автономии. Мы поддерживаем выдвигаемое украинцами захватное право на время революции".

Свою речь Зарницыну не удалось закончить, так как истек предоставленный ему десятиминутный срок.

Небезынтересны также прения по национальному вопросу на общегородской конференции, приводимые ниже по отчету в „Голосе Социал-Демократа" (№ 78 от 23 июля). Касаясь права наций на самоопределение, Ю. Пятаков утверждал, что „нам нельзя отъиграться на одной этой формуле, так как, говоря угнетенным национальностям: вы имеете право отделяться, но мы вам не рекомендуем, — мы ставим себя в смешное положение; относительно демократизации строя разногласий быть не может, но уничтожение национального гнета возможно только с уничтожением империализма, ибо национальный гнет — его наследие, поэтому борьба с национальным угнетением есть борьба за социализм: когда не будет классового гнета, то не будет и национального".

К. К. Чекеруль-Куш развивал ту же мысль, что и Пятаков. По его мнению, нация это анахронизм, идеология прошлого, превзойденная ступень, одна из тех „святынь", которые пролетариат должен сметать; если мы признали, что с точки зрения экономической стремление к отделению части государства — анахронизм, а с политической — утопия, то нам нечего бояться того, что пролетариат угнетенной нации заподозрит нас в великодержавных тенденциях; эта боязнь — психология царского гнета. Мы должны бороться с захватническими стремлениями крупных государств, должны бороться против способа слияния малых государств, но против самого слияния мы ничего не имеем, ибо ведь в Швейцарии слияние кантонов оказалось выгодным для всех них.

Тов. Горовиц, отвечая двум предыдущим ораторам, разъяснял, что лозунг „право наций на отделение" надо рассматривать как способ революционного воспитания масс, как метод борьбы с великодержавной буржуазией. Нужно указывать конкретные пути борьбы с национализмом и социал-национализмом. Стоя за то, что каждый имеет право исповедывать свою религию, мы не навязываем буддизма или христианства; таким образом, точно так же отстаивая право наций на отделение, мы этим самым не навязываем вовсе отделения, а рекомендуем обратное. Тов. Зарницын находит, что

все выставленные против него обвинения направлены не по адресу. „Так, указывалось, что стремление к созданию национальных государств реакционно. Но никто такого требования не выдвигал здесь: ведь поддержка „прав" на определение не есть выставление программы на отделение и образование самостоятельных государств. „Право" на определение не указывает вовсе на способ разрешения национального вопроса. Пока существует империалистская буржуазия, это требование необходимо выставлять. Ведь не будут же возражавшие здесь поддерживать правительство в его политике удержания Финляндии, Украины и др. Тогда надо это сказать в своей программе. Национальная рознь еще существует, буржуазии еще удается обманывать рабочих и создавать единение с ними на почве национальных требований, следовательно, отмахиваться от этого вопроса нельзя, а предложенное товарищами — противниками формулы „права" на самоопределение — решение вопроса есть отмахивание от него".

Киевскую партийную организацию рассматриваемого периода принято считать „левой" по сравнению с „правой" — харьковской, донбассовской или екатеринославской. Но надо сказать, что киевская организация, как всякая другая организация, имела в свою очередь внутренние группировки. Между Киевским общегородским комитетом и областным комитетом партии бывали неоднократные трения, в виду различной оценки текущего момента. В октябре эти разногласия приняли весьма острый характер (по вопросу о вхождении в „Комитет спасения революции", об отношении к Раде и созыве Всеукраинского съезда советов и т. д.).

По определению Евг. Бош, позиция „правого" большинства Киевского комитета (или, как она пишет, „киевлян" — в отличие от областников, входивших в областной, а впоследствии краевой партийный комитет) была более „мягкой" по сравнению с позицией „левого" меньшинства. „Киевляне считали необходимым более мягкую политику в отношении мелкобуржуазных партий — предоставить „социалистам" свободу выступления как на собраниях, так и в прессе. Считали необходимым сохранение городской думы и решительно возражали против репрессий в отношении лиц из „социалистических" партий, ведущих открытую организационную и агитационную работу против советской власти".

Впоследствии, в период пребывания в Киеве Всеукраинского советского правительства „киевские товарищи сосредоточили свое внимание не столько на борьбе с контр-революцией, сколько на действиях и распоряжениях Народного Секретариата. В связи с

этим масса времени уходила на советы с киевлянами, и, вместо экономии сил для творческой работы, получилась хищническая трата времени на бесконечные заседания, споры и протесты".

Тут идет речь о трениях между киевлянами и некоторыми членами Секретариата из бывшей „левой" оппозиции Киевскому комитету, прежде всего самой Евгении Бош.

В отношении к Раде между „правыми" и „левыми" были разногласия тактического характера. Если коротко охарактеризоват позицию каждой из этих групп, то можно сказать, что правые „лавировали" в отношении к Раде, а левые считали нужным резко оборвать с ней отношения.

Евг. Бош со своей „фракционной" точки зрения так определяет разногласия между правыми и левыми в отношении к Раде:

„Большинство членов комитета видело в Центральной Раде организацию, созданную нацией, стремящейся к свержению национального гнета, и отсюда делало вывод: раз мы поддерживаем стремление нации к освобождению, мы должны поддерживать Центральную Раду, единственную национальную организацию, но так как Центральная Рада есть коалиция городской мелкой буржуазии и деревенского кулачества и ее политика враждебна рабочему классу, то само собой навязывалось решение борьбы с ней... И тут вопрос о формах борьбы являлся непреодолимым препятствием и камнем преткновения в работах Киевского комитета. По существу, спор шел тот же, что во всей России после Февральского переворота: там об отношении к Временному правительству, здесь — к Раде".

Насколько верно обвинение Киевского комитета в „сговоре с национальной мелкой буржуазией", как пишет Евг. Бош в другом месте своих воспоминаний („Год борьбы" [1]), это мы увидим, когда ближе присмотримся к этапам революционного движения в Киеве.

Руководящими партийными органами в Киеве были общегородской и областной комитеты.

Областной комитет был создан при следующих обстоятельствах.

По инициативе Киевского партийного комитета еще в апреле было создано организационное бюро по созыву областной конференции из представителей парторганизаций семи губерний: Киевской, Черниговской, Волынской, Полтавской, Херсонской и Екатеринославской. Но представители последних трех губерний не прибыли

[1]) Эта же точка зрения Евг. Бош нашла отражение в ее статье „Областной партийный комитет с.-д. большевиков Юго-Западного края (1917 г.)", см. журнал „Пролетарская Революция", № 5, 1924 год.

на совещание и не прислали никакого ответа на приглашение оргбюро. В виду этого первая областная конференция была признана только окружной, т.-е. объединяющей парторганизации Киевского округа.

Конференция обсудила два вопроса: 1) какие губернии должна охватить областная конференция и 2) можно ли включить в областное объединение не чисто большевистские организации, а объединенные с социал-демократами-интернационалистами. Конференция решила включить в состав объединения Киевскую, Черниговскую, Подольскую, Волынскую, Полтавскую и Херсонскую губ., допуская прием объединенных организаций только в том случае, если большевики в них имеют численный перевес. Конференция избрала окружной комитет в следующем составе: Тарногродский, Неровня, Ю. Пятаков, Цырлин и Евг. Бош (секретарем).

Через короткое время (в конце мая или в начале июня) в Киеве собралась II областная партийная конференция. На конференцию прибыли делегаты киевской, черниговской, подольской, волынской и гомельской организаций. В областной комитет были избраны Тарногродский, Евг. Бош, Гриневич, Цырлин, Неровня, Гншвалинер („Парижанин"); одно место было предоставлено киевской партийной организации. Областком выделил из своей среды секретариат из трех лиц: Евг. Бош (председателем), Гриневича (секретарем) и секретаря киевской партийной организации.

В конце июля в Киеве состоялась III областная партийная конференция. Прибыли делегаты от Киевской, Черниговской, Подольской и Волынской губерний, а также (в неполном составе) Херсонской губ. Одесса, где организация оставалась объединенной, послала делегата с совещательным голосом [1]); от Полтавской губ. был делегат кременчугской организации.

В новый областной комитет вошли, помимо семи прежних членов, два новых. Конференция поручила областкому попрежнему работать над созданием областного партийного объединения.

IV областная конференция собралась в средних числах сентября. На конференции присутствовали делегаты от всех губерний Юго-Западного края, а также делегат от Донецко-Криворожского областного комитета [2]) (с совещательным голосом) и делегат от военных партийных организаций фронта — Чудновский.

[1]) По утверждению Евг. Бош, делегат Одессы не был допущен на конференцию, в виду имевшихся против него материалов о неблаговидных поступках.

[2]) Всего на Украине в этот момент было формально два областных объединения: Донецко-Криворожское и Юго-Западное.

Последний развивал ту мысль, что Учредительное собрание сможет существовать параллельно с советами, являясь своего рода предварительной инстанцией по разработке законопроектов. На конференции никто не поддержал этой точки зрения.

Киевляне на конференции активно не выступали, отношения между киевской партийной организацией и областным комитетом, как мы уже упомянули, были с самого начала и вплоть до декабрьского съезда советов чрезвычайно обостренными. Особенно резкие разногласия между киевлянами и областниками или, по терминологии областников, между правыми и левыми [1]) возникли в связи с созывом краевой партийной конференции.

На конференции, наименовавшей себя I краевым съездом партии, были представлены наиболее полно киевская городская и губернская организации, Черниговщина и Подолия; далее идут Полтавская губерния (1 делегат от Полтавы и 1 от Кременчуга), Екатеринославская (1 от 4.000 членов партии), Херсонская (1 от Елисаветграда), Волынская (1 от Житомира); Харьков своих делегатов не прислал; Артем, вопреки обещанию, на съезд не приехал. Председателем съезда был избран Г. Лапчинский, товарищами председателя Ауссем и Затонский, секретарем Вера Бухарцева.

Совещание обсудило четыре вопроса: 1) об отношении к Центральной Раде и Учредительному собранию; 2) о центральной власти на Украине; 3) о работе в крае и краевом партийном органе, и 4) об ультиматуме Совнаркома Центральной Раде.

Докладчиком по вопросу об отношении к Раде и Учредительному собранию (первоначально предполагались два отдельных доклада — о Раде и об Учредилке, но они были объединены для экономии времени) выступил В. Затонский. Краевой съезд принял резолюцию Затонского и Горовица, в которой говорилось, что, „разоблачая реакционную шовинистическую политику Рады, затемняющую сознание пролетариата, партия всеми мерами будет бороться против нынешнего состава Центральной Рады и будет стремиться на Украине, как и по всей России, создать действительно революционную власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов".

Съезд постановил „принять самое активное участие в выборах в Учредительное собрание" и выступить на выборах с самостоятельным списком.

[1]) По этой терминологии Ю. Пятаков оказывается „правым", в то время как он был впоследствии „левым" по ряду вопросов. Затонский — „неопределившимся", Леонид Пятаков — „колеблющимся" и т. д.

С докладом о центральной власти на Украине выступила Бош. Судя по некоторым данным, не вполне точным, съезд утвердил по докладу Бош следующие положения, внесенные Александровым: 1) признать факт Украинской республики, 2) признать, но не приветствовать федерации, 3) признать недопустимой федерацию в экономическом отношении, 4) продолжать внутри Украины классовую политику[1]. Бош, Валявко, Гилинский высказывались против выделения Украины в отдельную государственную единицу; за образование Украинской Советской республики высказались Шахрай, Горовиц, Лапчинский.

По вопросу о партийном объединении во всеукраинском масштабе выступил Шахрай, предложивший немедленное образование краевой партийной организации. Это предложение встретило некоторые возражения со стороны Бош, Александрова и Люксембурга. Некоторые делегаты высказались против переименования партийной организации на Украине и за перенесение центра из Киева в крупный пролетарский центр (Люксембург называл Екатеринослав). Шахрай предлагал утвердить временно, до съезда, название РСДРП (большевиков) на Украине; Лапчинский предлагал другое наименование — РСДРП — украинский союз коммунистов, Люксембург — украинская организация СДРП (большевиков), Горовиц — социал-демократия Украины. По предложению Пятакова и Затонского съезд утвердил название — „РСДРП (большевиков) социал-демократов Украины“ [2]).

Ультиматум Совнаркома Украинской Раде взбудоражил съезд, но после некоторой растерянности съезд одобрил меру Совнаркома, отметив предательскую роль Рады, выразившуюся в том, что 1) Рада вошла в сношения с Калединым с целью образования якобы однородного социалистического правительства, 2) пропускала с фронта казачьи части, 3) одновременно не пропускала революционных частей, шедших в помощь Совнаркому, и 4) разоружила революционные „неукраинские“ войсковые части.

[1]) См. протокол съезда („Лет. Революции“, № 5, 1926 г.); Г. Лапчинский утверждает, что подобная резолюция не была принята.

[2]) Еще до съезда киевляне выпустили листовку на украинском языке, написанную Затонским и Куликом по поручению Киевского комитета партии, за подписью „социал-демократия большевиков Украины“. Затонский припоминает, что в листовке содержался призыв к всеукраинскому объединению большевиков и указывалось, что украинские большевики „не москали“. Съезд выразил порицание киевлянам за выпуск листовки от имени „социал-демократии Украины“, не имевшим формально права выступать от имени всеукраинского объединения партии, тогда еще не существовавшего.

В Главный, или Краевой, комитет вошли Ауссем, Шахрай, Лапчинский, Бош, Затонский, Александров, Кулик, Гриневич и Горовиц; кандидатами — Люксембург, Гамарник, Гальперин, Ю. Пятаков [1]; секретарем Главкома был избран Лапчинский. Краевой съезд имеет некоторое историческое значение, как первая попытка заложить основание всеукраинской партийной организации. Отдельные авторы (напр., С. Шрейбер) даже полагают, что „официальную историю КП(б)У следует начинать не с первого съезда и не с Таганрогского совещания, а как-раз с этой малоизвестной пробы по созданию всеукраинского объединения, от которой никаких почти следов в истории нашей партии не осталось", не считая протокола, найденного только в 1926 году. Однако надо подчеркнуть, что Главный, или Краевой, комитет не имел впоследствии никакого авторитета и к тому же, в виду дальнейшего развития событий, ни разу после выборов полностью не собирался и незаметно прекратил существование. Два раза, как уверяет Евг. Бош, пленум комитета в неполном составе собирался, а затем члены его погрузились с головой в советскую работу и не имели достаточно времени для других дел. Этот период был, по остроумному выражению И. Кулика, периодом „советизации партийной работы".

В дальнейшем конференции областного или краевого масштаба не созывались впредь до Таганрогского совещания в апреле 1918 года.

Соотношение классовых сил связано теснейшим образом с борьбой политических партий и группировок между собой. Мы считаем необходимым поэтому остановиться хотя бы бегло на важнейших партийных организациях на Украине, всплывших на открытую арену или сформировавшихся в процессе расслоения социальных группировок.

УСДРП. Ее колыбель — РУП (революционная украинская партия). Отдельные революционые демократические группы возникли еще в конце девяностых годов. Партия переменила название в 1905 году. РУП вскоре распалась. Одна часть ушла в „Спилку" (украинская секция РСДРП), другая составила УСДРП. Умеренные элементы слились с демократами.

[1]) Бош, полагаясь на память, приводит в своей книге „Год борьбы" неверный список членов Главного комитета; столь же ошибочны данные о краевой конференции в „Очерке истории КП(б)У" И. Кулика и М. Яворского. Последние авторы утверждают, что в состав Краевого комитета входил Артем — явное заблуждение. В ложном свете передана позиция киевлян и работа краевого съезда в хронике украинской революции, составленной Лейкиной (см. „Пролетарская Революция", № 12, за 1926 г.).

УПСР — сформировалась в апреле 1917 года[1]).

Обе партии называли себя социалистическими, но на деле были типично-радикальными партиями украинской мелкой буржуазии. УПСР была пестрее, разношерстнее, чем УСДРП, и сравнительно быстро стала расслаиваться.

Среди лидеров УСДРП были отдельные лица, хорошо знакомые с марксизмом и ссылавшиеся на него в оправдание соглашательской политики. Из них назовем В. Винниченка, впоследствии председателя Генерального Секретариата и министра внутренних дел; Садовского, примыкавшего к крайне правому крылу, Ткаченка и Порша — оба были в оппозиции, и Антоновича. В левом крыле был Евгений Касьяненко (Ларик), впоследствии перешедший к большевикам, и Евгений Неронович, один из лидеров левых незалежных (независимых) украинских с.-д.

Большинство из лидеров были для революции людьми случайными. Впоследствии Винниченко в „Новой Добе“ спрашивал не без ехидства: „Где были (до революции) такие „вожди“ социал-демократии, как Порш, Матюшенко, Мартос, Левицкий, Мазепа, Шадлук, Михайлов и Понятенко, Еремеев, Супрун, Скнар, Меленовский, Голицынский,— словом все те, кто занял теперь такие ответственные посты и представляет всю социал-демократию, и кто направлял и направляет всю политику последних дней? Были ли они в революционных подпольных партийных организациях? Ни одного из этих господ там не было“. В УПСР, как и в УСДРП, не исключая Винниченка, не было ни одного крупного государственного человека.

Украинские социал-демократы объявили ближайшею целью создание буржуазно-демократической Украины, и Винниченко впоследствии открыто писал: „Мы понимаем революцию как буржуазно-демократическую. Мы не производили сами никакого покушения на буржуазно-демократический строй“ („Відродження нації“, т. I).

Украинские эсэры плелись в хвосте за социал-демократами, хотя последние постоянно были в Центральной Раде в меньшинстве.

Во главе партии украинских социалистов-революционеров стояли Н. Ковалевский, М. Шаповал, П. Христюк, а потом Голубович и Салтан. На процессе украинских эсэров (Голубовича и др.) в Киеве в 1921 году один из свидетелей, бывший член ЦК УПСР, так охарактеризовал головку этой партии: „Центральный Комитет представлял жалкое явление; исключая, может-быть, некоторых

[1]) В Вене были до революции группы украинских эсэров, на Украине были отдельные кружки.

лиц левого крыла, все остальные были люди без принципов, без какого-нибудь, так сказать, политического основания — фундамента".

Помимо „социалистических" украинских партий, были еще буржуазно-демократические: украинские социалисты-федералисты и правые самостийнические группы („Союз украинской державности"). К украинским социалистам-федералистам принадлежал вначале председатель Центральной Рады профессор М. Грушевский, впоследствии называвший себя внепартийным украинским эсэром. Во главе партии стояли А. Никовский, С. Ефремов, Митюк и др.

УПСФ (Украинская партия социалистов-федералистов) вышла из ТУП (Товариство українських поступiвцiв — прогрессистов), образовавшегося в 1907 году. Желая отдать дань времени, либерально-буржуазные украинские интеллигенты переименовались в социалистов-федералистов [1]).

Винниченко охарактеризовал эту группу следующим образом:

„Туповцы на смех себе самим и другим произвели этот маскарад (переименование в социалистов-федералистов) и все время ходили с красным плащиком, который вовсе не подходил ни к их идеологии, ни к темпераменту, ни к психологии газетных кабинетных людей. И как не имели они никогда влияния на широкие политические массы, так и с плащиком его не добыли" [2]).

Значительно позднее (перед гетманщиной) сформировались партии *социалистов-самостийников, хлеборобов-державников, хлеборобов-демократов* и др., о которых тот же Винниченко отзывался как о „преимущественно военном „атаманском" элементе без ясной социальной программы, без всякого политического образования, но с ясным националистическим темпераментом, который служил им и программой, и тактикой, и аргументами".

Из неукраинских партий назовем

правых монархистов, во главе с В. Шульгиным, издававшим „Киевлянина";

[1]) Ко времени выделения из РУП демократов относится возрождение радикально-демократической партии, слившейся в 1907 г. с демократами. Во главе радикально-демократической партии стоял упомянутый А. Никовский.

[2]) С. Пилипенко не согласен с этой оценкой В. Винниченка. Он полагает, что украинские социал-федералисты, хотя никогда и не имели непосредственной связи с рабочими и крестьянами Украины, никогда не насчитывали в своих организациях больше десятка членов, но имели огромное влияние на культурно-национальное движение — „большее, чем все иные организации вместе взятые". Едва ли тут нет перегиба у С. Пилипенко под влиянием полемического азарта (см. „Знамя Коммунизма", Харьков, 1923. № 1 — 2).

реакционных конституционалистов: а) *кадетов* (конституционных демократов), б) *польских клерикалов* и в) *польских национал-демократов;*

буржуазных демократов: а) *еврейская народ. партия* („Фолькспартей"), б) *польский демократический центр;*

мелкобуржуазных социалистов: а) *РСДРП* (меньшевики), б) *Бунд,* в) *„Единство",* г) е. с. и с.-с. (еврейская социалистическая и сиониостско-социалистическая партия, д) *ППС* (польская социалистическая партия), е) *Поалей-Цион* и ж) *эсэры*[1]).

[1]) Мы не перечисляем всех партий. В Киеве насчитывалось до двух десятков одних национальных социалистических организаций.

ГЛАВА II.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАДА.

Зарождение Центральной Рады следует относить к 7 марта 1917 года, когда три десятка тупистов образовали организационно-политический центр. Еще до этого, 4 марта, украинским кружкам была разослана телеграмма: „Время не ждет. Надо взяться за работу. Высылайте депутатов к правительству. Домогайтесь удовлетворения требований украинского народа: украинских школ, гимназий, университета, украинского языка в правительственных учреждениях, возвращения сосланных галичан. Восстанавливайте и образуйте просветительные кружки! Раздавайте прокламации! Организуйте сбор на национальный фонд, основанный в Киеве!"

Надо отметить любопытное заявление В. Шульгина при образовании Рады, что он не будет мешать ей, но после, при случае, скажет: „Умела воровать — умей и ответ держать".

6 апреля в Киеве собрался I украинский национальный конгресс, на котором было до 300 представителей самых разнообразных организаций: партийных, кооперативных и др., вплоть до союзов куроводства и мелкого животноводства. Национальный конгресс выделил Центральную Раду, которая стала выпускать печатный орган „Вісти Української Центральної Ради". Во главе Центральной Рады оказались М. Грушевский, В. Винниченко, В. Антонович, В. Садовский, Ткаченко, Ковалевский, Голубович, а потом Порш и др.

Помимо партийных национальных группировок и отдельных общественных деятелей, в организации Рады приняли участие представители так называемых национальных меньшинств на Украине — великороссов, евреев, поляков и др. Украинская Центральная Рада составилась в конечном счете из представителей следующих организаций: от национального съезда — 3 делегата, Всеукраинской Рады крестьянских депутатов — 212, Всеукраинской Рады военных депутатов — 158, Всеукраинской Рады рабочих депутатов — 100, Морской генеральной Рады — 20, от губерний, больших горо-

дов — 90, от украинских политических партий — 20, украинских просветительных и экономических организаций — 21, от Советов солдатских и рабочих депутатов — 50, Российской партии эсэров — 20, Российской социал-демократической рабочей партии — 20, партии народных социалистов — 4, от Всеобщего еврейского союза („Бунд") —13, объединенной еврейской социалистической рабочей партии (с.-с. и е. с.) — 13, народной партии (польской партии) — 2, польского демократического центра — 5, от левицы—7, польской социалистической партии (правица)— 14, социал-демократии Польши — 4, от молдаван — 4, немцев и татар — по 3, греков, белоруссов, чехов болгар и меннонитов — по 1 и от разных общественных организаций — 10.

Одновременно с национальным конгрессом в Киеве заседала партийная конференция УСДРП. На этой конференции партия резко скатывается к шовинизму. Партия старается отгородиться от русского рабочего класса и его партии и порывает с тактикой 1905 года. По утверждению М. Равича, „во время революционного подъема (в 1905 г.) в УСДРП были сдерживающие центры в лице хотя и отсталого пролетариата, ими организованного. В 1917 г. разнузданная шовинистическая интеллигенция является единоличным хозяином этой конференции, куда прибыли делегаты из Киева, Полтавы, Екатеринослава, Черкас, Одессы, Харькова, Бердянска и Новоград-Волынска, а также из Москвы и Петрограда. Если до революции украинские с.-д. настойчиво сами добивались объединения с российскими с.-д., посылая для этого специального делегата — Миколу Порша — на Стокгольмский объединительный съезд РСДРП, то теперь они допускают в некоторых случаях соглашение с отдельными организациями РСДРП, и то при условии признания с их стороны национальных требований у. с.-д."

Центральная Рада росла и крепла, главным образом благодаря войсковым съездам национальных украинских частей. Первый украинский полк составился из так называемых богдановцев (имени Богдана Хмельницкого) 15 мая в количестве 3.000 штыков. В связи с украинизацией фронта между Радой и командованием Юго-Западного фронта возник любопытный инцидент. На запрос Киевского военного округа, утвердить ли самочинно организовавшийся полк, генерал Брусилов, командовавший тогда Юго-Западным фронтом, ответил: „Меня удивляет, что исполнительный комитет депутатов Киевского военного округа ничего не делает. В киевском военном гарнизоне достаточно военной силы, чтобы главный начальник округа вместе с вами мог прекратить беспорядки".

Характерно, что, не будучи в силах воспрепятствовать этому движению, Брусилов впоследствии не только дал согласие на украинское формирование, как рассказывает Деникин в своих мемуарах[1]), но просил верховного главнокомандующего „не отменять разрешения и не подрывать тем его авторитета".

Всего за короткое время было сформировано только три специальных украинских корпуса, главным образом на Юго-Западном фронте и отчасти на Румынском. На последнем фронте в период Февральской революции существовали национальные кружки, немало содействовавшие пропаганде в пользу украинизации фронта. С ноября 1917 года при штабе Румынского фронта был образован фронтовой комитет национальных комиссий, противопоставленный большевистскому ревкому. В конце декабря члены ревкома — большевики — были захвачены контр-революционным штабом; комиссар фронта, Рошаль, был убит при условиях, еще недостаточно выясненных. Еще большее значение, нежели Румынский, имел Юго-Западный фронт в деле формирования украинских частей; здесь в армиях 11-й, 7-й и Особой создавались украинские батальоны смерти, с ориентацией на Центральную Раду.

Деникин отмечает серьезные результаты, „несомненно отрицательные в смысле целости армии", как он добавляет, украинских, польских и отчасти кавказских формирований.

И, однако же, стремление к национальным формированиям было настолько непреодолимо, что незадолго до Октябрьского переворота генерал Щербачев, главнокомандующий Румынским фронтом, открыто приступил к созданию национальных частей.

Временное правительство относилось к украинизации враждебно. Верховный главнокомандующий Алексеев противился украинским формированиям, но поощрял польские и чехо-словацкие. Киевский совет вначале (в апреле) высказался против украинизации частей.

Забегая вперед, нужно сказать, что только после Октябрьского переворота вопрос был решен окончательно в смысле допущения национализации частей.

Образование национальных отрядов в советской армии допускалось на территории данной национальности, а полки или отряды из беженцев (напр., польские, литовские и т. д.) допускались при гарантии, что данные отряды не попадут в руки националистов.

На I войсковом съезде (18—20 мая 1917 г.), на котором председательствовал Грушевский, с приветствием выступил начальник Киевского военного округа полковник К. Оберучев, ставленник

[1]) „Очерки русской смуты", т. I.

Керенского; на съезде участвовали Симон Петлюра, Письменный, Михновский, Винниченко и др.; съезд представлял формально 900.000 солдат-украинцев.

Была вынесена резолюция о признании украинской автономии и Центральной Раде было предложено провести это постановление в жизнь.

С этой целью специальная комиссия Центральной Рады выехала в Петроград к Временному правительству. Это была вторая делегация. Первая была в Питере еще в марте у князя Львова. Делегация Центральной Рады в Питере успеха не имела.

Уклончивое поведение Временного правительства вызвало взрыв негодования среди широких слоев украинского населения.

Генеральный войсковой комитет поспешил созвать II войсковой съезд.

Съезд собрался 17—18 июня. Вопреки запрещению Керенского, он собрался самочинно, при чем ему предшествовал протест I Всеукраинского крестьянского съезда, собравшегося в Киеве одновременно с войсковым съездом.

На крестьянском съезде была оглашена телеграмма Керенского о запрещении войскового съезда. Крестьянский съезд бурно реагировал на это, признав действия Керенского нарушением свободы собраний по отношению к украинцам.

II войсковой съезд представлял формально 1.600.000 солдат-украинцев (2.300 депутатов). Со стороны киевских властей были попытки не допустить делегатов к занятиям. Начальник киевской милиции Лепарский и начальник округа Оберучев расставили по городу караулы. Это еще более накалило атмосферу съезда, решившего не клянчить у Временного правительства права на автономию, а поручить Центральной Раде провести ее самостоятельно в жизнь. Центральная Рада осуществила это пожелание съезда в первом универсале. Но на полный разрыв с Временным правительством Рада все же не решалась.

Петлюра, ставший после II войскового съезда председателем Генерального войскового комитета, выделенного съездом, как высшая национальная военная власть, не потерял надежды сговориться с правительством Керенского и русским генералитетом могилевской ставки.

У Деникина мы находим любопытный рассказ о ходе переговоров между Петлюрой и ставкой. „Петлюра разослал своих агентов, — к сожалению, русских офицеров, — по всем фронтам в качестве военных представителей комитета. Помню, — рассказывает

Деникин, — такой полковник — не то Павленко, не то Василенко — был в ставке и неоднократно обращался ко мне, скрывая свое официальное назначение, за разрешением украинских формирований, вкрадчиво уверяя, что он только русский офицер, глубоко предан идее русской государственности и вместе со своими единомышленниками стремится лишь ввести в надлежащее русло „стихийное народное стремление к самоопределению" и дать русской армии здоровые части. Другие агенты разъезжали по фронту, организуя в войсках украинские громады и комитеты, проводя постановления, резолюции о переводе в украинские части, с нежеланием итти на фронт под предлогом „удушения Украины" и т. д. К октябрю Украинский комитет Западного фронта призвал уже к вооруженному воздействию на правительство для немедленного заключения мира.

„В качестве главнокомандующего Западным и Юго-Западным фронтами (июнь—сентябрь), я категорически запретил начальствующим лицам входить в какие-либо сношения с „войсковым генеральным комитетом" и его агентами. Но работа комитета продолжалась почти официально, помимо и параллельно командованию, внеся неизмеримые затруднения в мобилизацию, комплектование, перевозку и перемещение войск".

На I крестьянском съезде, созванном Радой, основные вопросы того времени — о власти, мире и земле — получили обычное для соглашателей разрешение, с некоторыми оговорками. Съезд высказался за мир без аннексий и контрибуций, „общий со всеми союзниками", и принял явно-оборонческую поправку следующего содержания: „в виду того, что разгром русской армии угрожает гибелью Украине, съезд считает необходимым помогать всеми мерами армии в целях дальнейшей защиты родной страны". Аграрная позиция съезда была более решительной, нежели позиция русских советов, руководимых эсерами и меньшевиками. Селянский съезд признавал необходимым переход всей земли к крестьянству без выкупа (и не дожидаясь Учредительного собрания), первый пункт резолюции говорил о недопустимости самочинных захватов и порубок лесов.

Съезд выразил крайнее недовольство нетерпимостью Временного правительства и нежеланием его пойти навстречу домоганиям Украины. В связи с переговорами делегации Рады с Временным правительством съезд принял постановление:

„Заслушав доклад о переговорах с Российским Временным правительством, I Всеукраинский крестьянский съезд постановил: присоединиться к требованиям Украинской Центральной Рады,

объявленным в ее декларации, и добиваться от Временного правительства немедленного удовлетворения всех требований".

Характерным, однако, явилось выступление В. Винниченка на съезде.

„Кое-кто говорит: почему нам сейчас не завести своей республики?.. Я скажу откровенно: дорога восстания для нас невозможна. Если бы началось восстание, то наши крупнейшие города не пошли бы за нами. Они будут нашими через два-три года. Сейчас мы имели бы силу только на селах и довели бы страну до резни, до анархии. А этого мы не должны допускать. Лишь для того, чтобы на один год раньше добыть то, что мы и так получим, мы этого не сделаем. Если прозеваем, то уже не на один год".

На данной стадии Рада довольствовалась автономией и искала ее путем соглашения с Временным правительством.

Следующим после крестьянского съезда в политическом отношении важным был первый „Рабочий съезд", созванный в июле. Следует сказать, что делегатов на „Рабочий съезд" выбирали не все рабочие, а только националистические группы на предприятиях, при чем при выборе депутатов принималось в расчет общее количество рабочих на данном предприятии, а не только количество националистически настроенных рабочих.

Как любопытный штрих, можно отметить, что „Рабочий съезд" вывесил на том здании, где происходили его занятия, в отличие от других киевских съездов, красные знамена, а не желто-голубые.

Все эти съезды, несомненно, способствовали поднятию авторитета Рады, а войсковые съезды, помимо всего, являлись для нее внушительной охраной. Каждый из трех войсковых съездов знаменовал упрочение позиций Центральной Рады и вынуждал национальных лидеров брать решительный тон в переговорах с Временным правительством. Это обстоятельство следует подчеркнуть. В то время, как в представлении широких трудовых масс Украины национальная идея сливалась с идеей большевизма и под первой разумелся украинский большевизм, правящие круги — верхи Центральной Рады смотрели на дело иначе. Украинская социал-демократия, фактическая руководительница всего национального движения, стремилась лишь к буржуазно-демократической государственности, не ставя перед собой других задач. Даже значительно позже Винниченко и украинские социал-демократы высказывались против разрыва с Временным правительством. Ссылаясь на свою брошюру „Наши ориентации", Винниченко говорил:

„Тогда самостийность была мифом, идеей вредной. Теперь несколько иначе, но до необходимости независимости мы еще не дошли. С Россией имеется связь экономическая и историческая, и, если отделиться от России, то Украина может попасть в объятия другой сильной империалистической державы".

„Первый универсал", изданныйй 24 мая, явившийся ответом на великодержавную политику Временного правительства, подчеркивал все же необходимость сохранения связи между Украиной и буржуазной Россией.

На бурном и торжественном заседании Центральной Рады, на котором был принят универсал, было брошено летучее словечко: „украинский министр", встреченное аплодисментами. Грушевский не разделял этих восторгов.

— Мы,— сказал он,— решительно отвергаем попытки самочинного осуществления автономной Украины до созыва Учредительного собрания.

Этот же умеренный тон характеризует первый универсал.

Требования Рады в тот момент были довольно скромны. Можно смело сказать, что если бы составившееся к тому времени первое коалиционное Временное правительство не третировало свысока Центральной Рады, то соглашение между ними, без сомнения, наладилось бы на более или менее продолжительный срок. Рада в сущности требовала меньше, чем автономии.

Мы уже отметили выше, каково было отношение РСДРП (большевиков[1]) к универсалу Центральной Рады. Ленин называл „скромнейшее и законнейшее" требование автономии Украины „столь же скромным, как и два остальных":

1) чтобы Украина выбирала от местного населения одного представителя центрального российского правительства, и

2) чтобы на Украине был „избранный местным населением один представитель центрального российского правительства".

Ленин указывал на то, что по численности украинцы могли бы просить не одного министра из шестнадцати, а четырех, так как великороссов в России считалось в 1897 году 43%, а украинцев — 17% (Ленин, XIX том, 223 стр.).

Временное правительство было крайне недовольно „самостийнической" тенденцией Рады, и последняя пошла на уступки.

29 июня в Киев прибыла комиссия Временного правительства для изучения украинского вопроса на месте, а 3 июля Временное правительство выпускает декларацию по украинскому вопросу,

[1]) Большевики тогда еще именовались социал-демократами.

которая официально признает автономию Украины и утверждает Центральную Раду краевым органом власти, но окончательное решение вопроса откладывает до Учредительного собрания. Комплектование украинских частей — по соглашению — допускалось постольку, поскольку такая мера, по определению военного министра, будет представляться возможной с технической стороны и без ущерба для боеспособности армии.

Это „соглашение 30 июня" обнаружило два характерных момента: с одной стороны, страх керенщины перед украинской национальной стихией, под влиянием чего Временное правительство шло на уступки в украинском вопросе только по необходимости, „медленным шагом и робким зигзагом", и, с другой стороны, готовность Рады сговориться с керенщиной из опасения перед выходившей на арену новой силой — большевизмом. Во всяком случае это соглашение, как и второй универсал Рады, изданный 15 июня при участии Церетелли, был для Рады шагом назад по сравнению с первым универсалом.

Буржуазная пресса приветствовала успех Временного правительства, выразившийся в ограничении украинской национальной автономии.

Накануне июньского соглашения Рада, в качестве краевого органа власти, выделяет исполнительный орган, первый Генеральный Секретариат. Вначале Секретариат составился из украинских социал-демократов и четырех представителей других партий (украинские эсэры, социалисты-федералисты, селянская спилка и беспартийные[1]), но после некоторой реорганизации он составился из следующих лиц: председателя и секретаря внутренних дел Винниченка (у. с.-д.), труда — М. Порша (у. с.-д.), земледелия — Савченка-Бельского (у. с.-р.), юстиции — Ткаченка (у. с.-д.), торговли — Линниченка (у. с.-р.), военных дел — Петлюры (у. с.-д.), путей сообщения — Ющенка (у. с.-р.), просвещения — Стешенка (у. с.-д.), национальных дел — А. Шульгина[2]) (у. с.-ф.), финансов — Туган-Барановского (у. с.-ф.), продовольствия — Ковалевского (у. с.-р.), генерального писаря Лотоцкого, секретаря по великорусским делам — Одинца (н. с.), почт и телеграфов — Зарубина (рос. эсэр), государственного контролера — Рафеса (Бунд), заместитель — Золотарев, по еврейским делам — Зимельфарба

[1]) В Секретариат вошли из украинских с.-д.: Винниченко, Петлюра, Садовский, Стешенко и Мартос, из других партий: П. Христюк С. Ефремов (у. с.-р.), Х. Барановский (бесп.) и М. Стасюк (сел. спилка).

[2]) Не смешивать с русским монархистом В. Шульгиным.

(объед. Евр. соц. партия), польским делам — Мицкевича (Польский демократический центр).

Для текущей законодательной работы Украинская Центральная Рада выделила так называемую Малую Раду, пополненную представителями закончившего как-раз свою работу в это время „Рабочего съезда".

Прошел всего месяц — и взаимоотношения между Временным правительством и Радой резко ухудшились. Дело в том, что вслед за „декларацией 3 июля" должна была быть выработана особая правительственная инструкция, которая бы уточнила права и обязанности Генерального Секретариата.

И вот „инструкция 4 августа", полученная после долгой проволочки, почти аннулировала соглашение 30 июня.

Она признавала на этот раз за Центральной Радой права лишь на пять губерний (Киевскую, Волынскую, Подольскую, Полтавскую и Черниговскую без 4 уездов). Военные дела, железные дороги изымались из ведения Рады.

Несмотря на это, радовцы продолжают считать момент неблагоприятным для открытого разрыва с Временным правительством.

— Мы еще не готовы к войне с Россией и пока предпочитаем соглашение,— обмолвился Винниченко.

Поэтому, соглашаясь на инструкцию 4 августа, Винниченко ограничился пустой комедией: выходом из Генерального Секретариата и образованием нового Генерального Секретариата... опять под своим председательством.

Политика Временного правительства, шедшего на уступки только в последнюю минуту, с большим запозданием, и всячески стеснявшего проведение украинской автономии, продолжала вызывать, естественно, большое недовольство среди широких слоев населения, особенно среди крестьянства. Это недовольство проскальзывало все сильнее и сильнее на заседаниях Малой Рады, где лидер украинских эсэров А. Севрюк незаметно для себя вынужден был заговорить „большевистским языком".

— Мы уже не раз заявляли,— сказал он, — что коалиция ведет к гибели. Теперь, после ряда осуществившихся экспериментов, мы решительно отбрасываем этот принцип. Мы требуем немедленного окончания войны, конфискации земель и передачи их в руки земельных комитетов, полного контроля над промышленностью и распределением, самой широкой децентрализации объединения украинских областей, учредительных собраний всех народов, которые этого требуют.

На этом же заседании Малой Рады после вызова Временному правительству был признан необходимым созыв суверенного Украинского Учредительного собрания. Шаповал (украинский эсэр) поставил точку над i, обмолвившись знаменательной фразой:

— Нечего бояться гражданской войны; наш главный враг — руссоцентризм.

Характерно, что украинские социал-демократы в данной стадии взаимоотношений с Временным правительством считали необходимым воздержаться от голосования по вопросу Учредительного собрания, отдав дань опасениям быть обвиненными в руссофобии, впоследствии они отбросили всякую щепетильность и стали главными поставщиками самостийной „идеологии".

Декларация Генерального Секретариата о созыве Украинского Учредительного собрания, выпущенная 30 сентября, гласила: „Для наиболее справедливого выявления воли демократии Украины должно быть созвано Всенародное Украинское Учредительное собрание; Генеральный Секретариат для этого немедленно приступит к составлению соответствующего законопроекта".

Малая Рада одобрила деятельность Генерального Секретариата, направленную к созыву Украинского Учредительного собрания, в следующей „формуле перехода":

„Заслушав разъяснения Генерального Секретариата и еще раз подтверждая необходимость единства Российской Федеративной республики, Малая Рада признает, что воля народов Украины к самоопределению может быть выражена только через Украинское Учредительное собрание, что эта таким образом выявленная воля будет согласована с волей других народов России, которая найдет свое выражение во Всероссийском Учредительном собрании. Глубоко убежденная в том, что права народов Украины будут обеспечены во Всероссийском Учредительном собрании, Малая Рада переходит к очередным делам" [1]).

В связи с декларацией 30 сентября Временное правительство затребовало от Центральной Рады объяснений и собиралось предать Генеральный Секретариат... суду. Вся украинская пресса бурно реагировала на постановление Временного правительства о расследовании прокуратурой действий Генерального Секретариата. „Робітнича Газета", орган украинской социал-демократии, поместила статью: „Не жартуйте, панове", в которой спрашивала:

[1]) Впоследствии выборы в Украинское Учредительное собрание были назначены на 2 февраля 1918 г. Октябрьский переворот сделал излишним созыв Украинского Учредительного собрания.

„Кто, панове из Временного правительства, дал вам право привлекать к ответственности людей, которых мы поставили во главе украинского правительства?“

В таком же роде были статьи и в других украинских газетах („Нова Рада“ и др.)

Тем не менее Винниченко и Стешенко собирались выехать в Петроград, чтобы там объясняться, но дожидались III войскового съезда, который должен был открыться в октябре. А в это время быстрыми шагами надвигалась Октябрьская революция и, когда прозвучали первые выстрелы у Зимнего,— вопрос о прокуратуре Керенского и о поездке Винниченка и Стешенка в Петроград с „повинной“ был решен в неожиданном для обеих сторон смысле.

Новая власть в лице Всероссийского съезда советов стала хозяином страны[1]).

[1]) Деятельность Центральной Рады после Октябрьской революции освещается нами ниже в соответствующих главах.

ГЛАВА III.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАДА И БУНД.

(Опыт мелкобуржуазной коалиции).

Бунд занимал по отношению к Центральной Раде самостоятельную позицию, отличную от меньшевистской. Тут сказывались, с одной стороны, эволюция, хотя и медленная, Бунда в сторону отказа от коалиции с крупной буржуазией и, с другой стороны, интерес к лозунгу национально-культурной автономии. В сентябре 1917 г., к моменту созыва Всероссийского предпарламента, Бунд уже определенно отказывается от коалиции с буржуазией и становится на позицию „левого блока".

Рафес так определяет эту эволюцию:

„Эта новая позиция Бунда не является в истории его чем-то исключительным. Надо вспомнить, что во время первой революции 1905—1906 г.г. Бунд отнюдь не был сторонником поддержки лозунга кадетского министерства и стоял на точке зрения „левого блока", т.-е. союза пролетариата и крестьянства для проведения буржуазно-демократической революции. И сейчас, разочаровавшись в буржуазии, Бунд отказывается от обще-меньшевистской линии и переходит на точку зрения „левого блока", что приближает его к позиции интернационалистов мартовского типа" [1]).

Впрочем, на эту позицию Бунд становится после долгих колебаний.

Августовская резолюция южной конференции Бунда в 1917 г., состоявшейся в Киеве, отразила эти колебания внутри Бунда. В ней имеются пункты, явившиеся результатом компромисса между оборонцами и интернационалистами. Первый универсал Рады, встреченный большевистской прессой одобрительно, был встречен Бундом скорее враждебно, чем сочувственно [2]). Резолюция южного областного комитета Бунда свидетельствует об определен-

[1]) М. Рафес: „Очерки по истории Бунда", стр. 258.

[2]) Об этом см. у А. Золотарева: „Из истории Центральной Украинской Рады" (1917 г.), Госиздат Украины, 1922 г.

ном стремлении Бунда помирить Центральную Раду с Временным правительством.

Но постепенно, будучи вынужден выбрать между Временным правительством и Радой, Бунд выбирает Раду, в коалиции с которой думает осуществить „левый блок".

Последовательное развитие этой позиции привело Бунд к ориентации на Раду и к активному сотрудничеству с ней сначала против Временного правительства, а затем против Советов.

Даже после Октябрьских боев, когда Рада, в противовес Советам, становится полновластным краевым органом, Бунд имеет своего представителя в Генеральном Секретариате и тем самым принимает на себя политическую ответственность за дальнейшие контр-революционные действия Центральной Рады. В телеграмме, разосланной по всем организациям Бунда, спустя несколько дней после выделения нового состава Генерального Секретариата, южный областной комитет Бунда так определял свою позицию к Раде и к Октябрьской революции:

„После четырехдневной кровавой борьбы между военными частями штаба округа, украинскими, казацкими и большевистскими, вся власть перешла к Генеральному Секретариату Центральной Рады; штаб бежал, а частью арестован украинским войсковым комитетом. Генеральный Секретариат пополнен комиссарами по всем отраслям государственной жизни и распространяет свою власть на территорию всей Украины. Власть Генерального Секретариата признана помощником комиссара при штабе округа, киевской городской думой. Среди других представителей неукраинских организаций в состав Генерального Секретариата вступил также и представитель Бунда — Золотарев. Большевики прекратили забастовку. В городе тихо.

„Необходимо самым резким образом отмежеваться от большевистской диктатуры в центре и на местах. В центре власть должна быть революционно-демократической в составе представителей всех социалистических партий от пэ-эсов до большевиков без всякой коалиции с кадетами и крупной буржуазией. На Украине необходимо поддержать Генеральный Секретариат Центральной Рады, который построен на этой же основе и будет стремиться к признанию его центральной властью, лишь только последняя сорганизуется".

Представители Бунда оставались в Секретариате вплоть до сепаратного мира Рады с немцами, даже после VIII съезда Бунда, вопреки предложению Центрального Комитета Бунда областному

комитету занять „нейтральную“ позицию в войне между Радой и Советами и, в случае невозможности примирения обеих сторон, выйти из состава украинского правительства. Бунд резко осуждал позицию и предательскую роль Рады в Бресте, но еще в январе, выбирая между восставшим киевским пролетариатом и Радой, он поддерживал Раду против арсенальцев и продолжал антибольшевистскую политику и после переезда в Киев центрального всеукраинского советского правительства. Брест внес трещину в „левый блок“, в коалицию Бунда (мнившего себя пролетарской партией) с национальной мелкой буржуазией. Эта коалиция, как и на севере, была обречена на слом.

Надо отметить характерное явление: в первые недели после Октябрьского переворота антибольшевистские группировки пытаются использовать Центральную Раду для борьбы с Советами, при чем украинским шовинизмом неожиданно заражаются элементы, дотоле неизменно выступавшие против „украинского сепаратизма“ и мечтавшие об „единой и неделимой“. Но Рада мало подходила к роли, которую ей хотели навязать, и попытки превратить Раду в основной антибольшевистский центр особого успеха не имели. Генеральско-помещичья контр-революция облюбовала себе скоро другие опорные пункты.

Рада могла в течение сравнительно продолжительного времени быть в союзе с Бундом против большевиков, но дальнейшие пути Рады и Бунда (после Бреста) разошлись. В общем опыт коалиции (без участия крупной буржуазии) на Украине провалился с таким же треском и позором, как все прежние коалиции времен Керенского.

ГЛАВА IV.

ФЕВРАЛЬ В ХАРЬКОВЕ.

27 февраля в Харькове было получено первое официальное сообщение о „беспорядках в Петрограде", и собственный корреспондент местной буржуазной газеты „Южный Край" сообщал, что „во время столкновения толпы демонстрантов с полицией есть пострадавшие". 1 марта „Южный Край" вышел сильно плешивым. Информация о развернувшихся в столицах событиях ограничивалась краткими телефонограммами из Москвы. В последних „наш корреспондент" сообщал, во-первых, что „в Москве тихо", а, во-вторых, что он „получал в течение всего вчерашнего вечера сведения из Петербурга". О самих сведениях — ни слова, так как их, повидимому, не пропускала цензура. Только 3 марта в газетах появилось воззвание Временного комитета государственной думы.

Но о революции, конечно, узнали раньше. Еще 27 февраля вечером в редакции „Южного Края" происходило совещание буржуазных „общественных деятелей", занявшихся организацией „общественного порядка" в городе. На другой день, 28 февраля, должно было состояться экстренное заседание городской думы, но, в виду запрещения управляющего губернией Н. А. Астафьева, состоялось только совещание гласных в кабинете городского головы. Совещание решило „на всякий случай, выделить из своей среды „городской общественный комитет", пополненный затем представителями разных организаций, в том числе и советов.

В комитет вошли виднейшие представители буржуазной общественности: профессора, промышленники, адвокаты, земцы-помещики.

Общественный комитет претендовал на полноту представительства всех слоев населения губернии. Даже евангелисты-христиане имели в нем своего особого представителя [1]). Председателем ко-

[1]) Приводим, как историческую справку, первый состав городского общественного комитета, выделенного вечером 28 февраля в кабинете городского головы: А. Н. Анцыферов, Р. Ю. Будберг, И. К. Грищенко, П. П. Добросельский, А. П. Егоров, М. И. Игнатищев, И. Г. Ковалевский, А. Н. Корытин, И. А. Красусский,

митета был избран А. Н. Корытин, товарищем председателя — Н. Н. Ковалевский (одно место товарища председателя цензовики „любезно" соглашались дать рабочим), секретарями — представители „демократии": Б. С. Одер (кооператор) и М. И. Иваницкий.

Общественный комитет выделил исполнительный комитет в составе 8 представителей от общественного комитета, 7 от рабочих, 1 от Земского союза и 1 от студенчества [1]).

Так был сконструирован „высший орган власти" в Харькове и губернии. Удивительно ли, что эту власть считали *своей* такие солидные буржуазные организации, как биржевой комитет и купеческое общество?

Законно ли Временное правительство? Об этом говорили с серьезным видом, приводя доказательства за и против.

Присяжный поверенный Б. П. Куликов, очевидец петербургских событий, выступал повсюду с докладами, в которых доказывал, что Временное правительство образовалось вполне „законным" путем, так как Николай II отказался, „хотя и под давлением, но добровольно" от престола в пользу Михаила Александровича, передавшего разрешение вопроса Учредительному собранию.

Раз Временное правительство есть „законный" орган власти, то ему следует подчиняться, — убеждали адвокаты. Любопытно, что председатель биржевого комитета П. Рыжов счел нужным подчеркнуть в своей приветственной телеграмме, отправленной М. В. Родзянко и министру торговли и промышленности, что биржевой комитет „присоединяется к призыву нового правительства беспрекословно исполнять его *законные* распоряжения"...

Купеческий староста. М. Игнатищев, приветствовал государственную думу „и созданное ею новое правительство, которое поведет нашу многострадальную матушку-Россию прежде всего *к победе над врагом* и вместе с тем к светлому будущему". Совет съезда горнопромышленников Юга России давал обещание приложить все свои силы „для служения горячо любимой обновленной России" и напрячь „все усилия для поддержания в порядке про-

С. М. Кузнецов, А. М. Ливицкий, Е. А. Москов, А. А. Поддубный, А. М. Порхаев, С. А. Раевский, А. В. Рутченко, И. Е. Трескин, А. И. Фенин, И. Г. Сергеев; от „Союза городов" в комитет вошли М. А. Френкель, А. Н. Переверзев, В. В. Фавр и другие. Городской общественный комитет кооптировал в свой состав Н. Н. Ковалевского (бывшего члена государственной думы), Г. М. Линтварева, П. Р. Богуславского и В. Т. Окунева; в состав комитета вошли председатель общества фабрикантов и заводчиков, купеческий староста, горнопромышленники.

[1]) Впоследствии состав исполнительного комитета менялся несколько раз.

мышленности, поколебленной тягостными условиями последнего времени"— обещание, которое горнопромышленники так блестяще „сдержали", как это показала локаутная политика в течение всего дальнейшего периода. Итак, купцы, горнопромышленники, профессора, адвокаты — весь цвет буржуазии и буржуазной интеллигенции перешел безболезненно в лагерь „революции". Самодержавие повисло в воздухе. От него отвернулись чересчур уж поспешно даже полицейские и жандармы. Общее собрание полицейских *во главе с полицеймейстером фон-дер-Ховеном*, последовав общему примеру, решило приветствовать „новое Временное правительство, избранное из числа народных представителей, облеченных доверием всей страны". В распоряжение Харьковского городского общественного комитета отдал себя *жандармский подполковник* Рахманинов и с ним 53 жандармских унтер-офицера. Следует отметить, что бывший помощник полицеймейстера И. Шостенко долго оставался во главе харьковской милиции по приглашению общественного комитета.

Даже высшие чины старого режима спешили скорее припасть к стопам нового хозяина — буржуазии и созданного ею городского общественного комитета. 3—4 марта городской общественный комитет принужден был под давлением требований рабочих произвести ряд арестов наиболее одиозных фигур павшего режима, в частности пресловутого И. Э. Грегуса (он же Марковский), известного рижского охранника[1]).

Характерно, что впоследствии все арестованные были выпущены на свободу, при чем полковник Горбанев был выпущен по приказу командующего Московским округом полковника Верховского, *несмотря на противодействие Харьковского совета.*

Общее настроение новых хозяев выразил купец И. В. Семененко в своей речи 11 марта в ответ на выступление представителя городского общественного комитета Москова. Обращаясь к последнему, Семененко подчеркнул: „*У старой власти мы были на задворках, новая же власть с нами*".

Во главе новообразованных комиссариатов в тот момент были следующие лица: комиссаром по делам армии — А. Поддубный (помощник — В. А. Десятов), по делам почты и телеграфа — инженер

[1]) Еще 1 марта представители рабочих требовали на заседании общественного комитета решительных мер по обеспечению переворота, а том числе ареста губернатора и полицеймейстера. *Предложение было отвергнуто*. Е. Москов возражал представителям рабочих ссылкой на опыт революции 1905 г. (!) „Мы помним 1905 г.", говорил Москов, сваливая неудачу первой революции на крайних левых. Через два дня тот же Москов, как комиссар полиции, *должен был* распорядиться об аресте вице-губернатора.

Н. Винокуров, по делам телефона — инженер Черкесс, печати — М. Ф. Кузнецов (впоследствии С. М. Кузнецов, помощник — *владелец типографии* А. Жмудский), по тюремному ведомству — Л. Н. Переверзев (помощник — Бабков-Бассов), по продовольствию — И. Г. Сергеев.

Затем были учреждены новые комиссариаты: по делам фабрик и заводов (комиссар — *председатель общества фабрикантов и заводчиков* Трескин) и другие.

Комиссаром полиции был Е. Москов (этот комиссариат был упразднен с уходом Е. Москова).

Теперь обратимся к тому, что творилось в первые революционные дни среди солдат и рабочих.

К революции примкнули без колебаний все воинские части: 4-й запасный артиллерийский дивизион, 1-й и 2-й запасные саперные батальоны, железнодорожный батальон, команды выздоравливающих и дружины.

Руководство солдатскими организациями захватили вначале офицеры и вольноопределяющиеся.

На почве разногласий по вопросу об отношении к войне между офицерами и солдатами создалась глубокая пропасть. Совет солдатских депутатов, существовавший сначала отдельно, слился с Советом рабочих депутатов.

Совет крестьянских депутатов существовал некоторое время отдельно даже после Октябрьской революции. Но совместные заседания исполнительных комитетов обоих советов (крестьянского и рабоче-солдатского) происходили уже с июня 1917 года (первое совместное заседание состоялось 12 июня). Существовал еще одно время совет крестьянских депутатов-солдат, но он распался очень быстро.

Что касается Совета рабочих депутатов, то он был образован уже 2 марта. 28 февраля на заводах происходили первые крупные митинги. Полиция не вмешивалась. На заводе Шиманского рабочие задержали околоточного и несколько полицейских. Задержанных вскоре отпустили. На заводе ВЭК (Всеобщей электрической компании) рабочие собрались 28 февраля в количестве 4.000 человек и решили приступить к выборам рабочих депутатов. 1 марта состоялось частное совещание небольшого числа работников в рабочей среде (главным образом, меньшевиков) и рабочих, образовавших „Рабочий комитет“. На учредительном собрании Харьковского совета, состоявшемся 2 марта в здании городской думы (площадь Тевелева, бывш. Николаевская), присутствовали 69 представителей

от 38 заводов, фабрик и рабочих организаций. Председателем совета был избран меньшевик Лазько, товарищем председателя— большевик Романович.

Первый номер харьковских „Известий Совета рабочих депутатов" вышел 4 марта.

Исполнительный орган совета был сконструирован 20 марта; в исполком вошли 15 рабочих и 14 солдат.

Меньшевики и эсэры составляли в исполкоме подавляющее большинство.

Вот состав *первого* Харьковского исполкома.

От рабочих Гуревич (Бэр), Соколовский, Букреев, Поляков, Живов, Куликов, Лазько, Брук, Никитченко, Макаровский, Кин, Калашников, Иванов, Алексеев, Махров и Боярков; от солдат: Стефанович, Нефедов, Червяков, Бабанин, Омельченко, Сихарилидзе, Житник, Введенский, Светлов, Биценко, Шоров, Назаров, Тома и Смосенко.

Исполком не был властью, но он брал на себя поневоле функции органа власти, как, например, в деле с реквизицией типографии Жмудского (об этом ниже) и в других случаях, когда трудно было сказать, кто же вершит судьбами города и губернии — общественный ли комитет или совет?

Социальные противоречия вскоре всплыли наружу с неслыханной силой. Стала просыпаться деревня. Временное правительство не хотело и не могло приступить к правильному разрешению земельного вопроса.

14 марта в Харькове происходило губернское совещание крестьянской кооперации. *Большевику* на этом совещании не дали сказать ни слова.

Но большевистские речи раздавались на этом совещании из уст крестьян, хотя они сами себя не считали большевиками.

На местах в первые же дни после переворота происходили столкновения между массами и комиссарами Временного правительства. В Балаклее и Савинцах солдаты устроили форменные восстания, будучи возмущены поведением новых властей. В Савинцах же солдаты устранили самовольно от должности начальника гарнизона. В Святых Горах была даже попытка образовать „Святогорскую республику".

Предстояла борьба за углубление и расширение революции. И уже 6 марта Харьковский комитет большевиков выпустил листовку [1]) с призывом к гражданской войне.

[1]) „Пролетарий", газета харьковских большевиков, стал выходить с 16 марта.

Листовка прогремела как удар среди ясного неба для меньшевиков, всячески раздувавших слухи, будто питерские большевики заодно с меньшевиками выразили доверие Временному правительству.

В первом же номере „Социал-Демократа" от 11 марта меньшевики писали:

„С особой радостью приходится отметить единение и согласие подавляющего большинства социал-демократии разных течений по главным партийным и политическим вопросам. Приходится особо отметить лишь листок, подписанный Харьковским комитетом РСДРП. Этот листок содержит в себе призыв к гражданской войне, к борьбе теперь же с более молодым, чем павший царизм, врагом,— русской буржуазией, олицетворяемой Милюковым и Родзянко, и капитализмом. Нельзя не отметить, что этот листок вызвал некоторое смущение как в рабочей, так и солдатской среде".

Большевистский листок с призывом к гражданской войне подействовал, как взрывчатый снаряд.

Меньшевики страшились пуще всего возможных трений между буржуазией и пролетариатом, а гражданскую войну относили в разряд „контр-революции". Грехопадение меньшевиков скрывалось уже в пресловутой формуле „постольку, постольку", знаменовавшей соглашение между буржуазией и „революционной демократией". Тут сказывалось старое разногласие между большевизмом и меньшевизмом, всплывшее особенно наглядно накануне 1905 года и в дальнейших спорах.

„Медовый месяц" Февральской революции ознаменовался в Харькове попытками создать „единую социал-демократическую организацию без различия фракций".

15 марта вопрос об объединении „фракций" обсуждался на общем собрании меньшевиков (на собрание были допущены социал-демократы „всех направлений"). Точка зрения меньшевиков была представлена в докладе так называемого „организационного комитета". Сущность доклада: „Слияние на основе программы партии". В прениях участвовали отдельные большевики, выступавшие за свой страх и риск и примыкавшие в общем к официальной точке зрения меньшевиков[1]), а также „правые" меньшевики, осуждавшие линию своего комитета.

[1]) За объединение с меньшевиками на основе партийной программы высказывались Лугановский (Портигейс) и его крохотная „группка", не пользовавшаяся абсолютно никаким влиянием в харьковской организации. О попытке Лугановского объединить организации упоминает также И. Жуковский (Миров Трубный) (см. „Летопись Революции" № 1 за 1926 год).

Большевики, утверждали они, перестали быть социал-демократами и стали анархо-синдикалистами. С большевиками нельзя заключать никаких соглашений.

Правые меньшевики были по-своему правы. Большевики к тому времени действительно перестали быть *социал-демократами*, хотя еще некоторое время удерживали за собой старое название: они стали *коммунистами*.

Меньшевики полагали возможным объединение „социал-демократии" на основе *старой* партийной программы. Они полагали, что „объединение повелительно диктуется условиями момента и что старые разногласия отступают на задний план перед вопросами, выдвинутыми настоящим (т.-е. в марте 1917 года) историческим моментом": что „линии разногласий теперь уже не совпадают со старыми фракционными делениями". Из этих соображений общее собрание меньшевиков поручило организационному комитету войти немедленно в переговоры о слиянии с Харьковским комитетом большевиков. На этом собрании меньшевиков выступал, между прочим, представитель украинских социал-демократов (УСДРП), отметивший в своей речи, что украинская социал-демократия не защищает лозунга федеративного союза Украины и России, а ограничивается требованием *автономии* для Украины.

26 марта временный организационный комитет принял следующую резолюцию: „Заслушав доклад о переговорах с Харьковским большевистским комитетом, Харьковский временный организационный комитет выражает сожаление по поводу неуспешности попыток и продолжает свою работу по созданию в Харькове единой организации РСДРП. В частности временный организационный комитет считает необходимым обращение к широким массам с целью разъяснить, что Харьковский временный организационный комитет является органом организации, объединяющей социал-демократов Харькова без различия фракций и течений". Переговоры с большевиками были сорваны, и „Социал-Демократ" констатировал с грустью, что „товарищи большевики, ведшие переговоры с комиссией организационного комитета, никем на ведение этих переговоров не были уполномочены, а, будучи сторонниками объединения, действовали на свой страх и риск".

„Объединенные" организации были созданы лишь в немногих пунктах области: в Юзовке (впоследствии распалась, образовалась чисто меньшевистская организация), в Мариуполе и Бахмуте. Остальные организации, входившие в областное объединение, были чисто меньшевистскими.

С первого момента переворота обнаружились коренные разногласия между большевиками и меньшевиками (от оборонцев до интернационалистов — включительно).

Мы говорим — „коренные", так как речь шла не о мелочах, а о расхождении по важнейшим политическим вопросам. В первую голову сюда следует отнести две радикальнейшие проблемы Февральского переворота: 1) о конструкции новой власти и 2) об отношении к войне.

В первом же номере харьковского „Социал-Демократа" был брошен призыв о поддержке правительства кн. Львова. „Перед рабочими — социал-демократами встает важный и серьезный вопрос, — писал „Социал-Демократ", — как следует отнестись к новому правительству, какую позицию по отношению к нему занять? Может-быть, надо с самого начала стать к нему в непримиримую оппозицию и вступить с ним в борьбу?" Вступить с ним в борьбу означало бы вступить на путь разрыва с либеральной буржуазией. „...Такое решение было бы слишком прямолинейно и вызывает большие сомнения..."

В апреле, накануне известного выступления против Милюкова и Гучкова, меньшевики остаются при старом лозунге „постольку, поскольку".

Поддерживать ли Временное правительство или взрывать его, взяв курс на рабоче-крестьянское революционное правительство?

„Одни говорили, что Временное правительство во всех своих действиях должно быть свободным от всякого влияния и воздействия со стороны Советов рабочих и солдатских депутатов. Другие доказывали, наоборот, что власть принадлежит только совету, а Временное правительство должно только поддерживать его. Это перегибание палки в другую сторону. *А мы стоим на средней позиции*".

Так писали в „Социал-Демократе" Л. Намарский (И. Трахтенберг, впоследствии ушедший от меньшевиков, но не дошедший целиком к большевикам), И. Бер (Гуревич), лидер „интернационалистского" крыла социал-демократии на Украине. Лидер харьковских меньшевиков, Сан (Девдариани), председатель комитета, призывал к „единству" социал-демократии и буржуазной демократии, обрушиваясь попутно на большевиков, эти „горячие головы и неповинующиеся языки". „Кое-где,— писал с сокрушением Сан,— слышны крики: „Да здравствует социальная революция!" Это называется левее здравого смысла, *это опасность слева. Мы предпочитаем стоять на почтительном расстоянии от такой*

левизны. Революция сейчас буржуазная и еще не пришло время, когда мы можем сказать буржуазным партиям: „Прощайте, нам больше не по пути“. Пока же будем искать согласованности сил“.

Меньшевиков всех толков объединяла *борьба с большевизмом.* Харьковские меньшевики делали долго вид, что они *против коалиции* с буржуазией. Они были против *формальной* коалиции, будучи фактически в тесном союзе с буржуазией.

Мы подробно остановились на позиции харьковских меньшевиков, так как она характеризует отношение к Временному правительству и прочих „социалистических“ организаций в Харькове — эсэров и других.

Украинские партии занимали своеобразное положение (об этом речь впереди), но не было ни одной партии, *кроме большевиков,* которая открыто боролась бы *против* Временного правительства.

Отношение к Временному правительству было первым основным пунктом расхождения между большевиками и другими „социалистами“, в том числе и с „центром“, т.-е. меньшевиками-„интернационалистами“, и соответственными группами социалистов-революционеров.

Другое основное разногласие вытекало из отношения к войне.

Особенно рельефно сказалось разномыслие в этом отношении между офицерами и солдатами. Офицеры сорганизовались довольно энергично. В первые же дни переворота, 5 марта, они выделили при начальнике гарнизона особый „военный совет“, а затем, 11 марта, совет офицерских депутатов. Последний пытался овладеть идейно и организационно солдатской массой, настаивая на слиянии офицерского и солдатского советов. По инициативе „господ офицеров“ 29 марта состоялось объединенное заседание обоих советов.

Нашлись, конечно, и среди солдат защитники офицерской точки зрения, но подавляющая масса солдат склонялась явно к лозунгу „мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов“. Офицерам не удалась затея с „объединением“ советов. Солдаты отказались дать ответ на предложение офицеров без предварительного обсуждения вопроса в Совете солдатских депутатов. Объединенное заседание 29 марта окончилось ничем. На заседании Совета солдатских депутатов, состоявшемся после этого, предложение офицеров провалилось с треском.

Когда собрание офицеров, врачей и чиновников приняло 21 июля какую-то контр-революционную резолюцию, солдаты потребовали

разгона совета офицерских депутатов. Точно так же солдатская секция совета отнеслась к образованному при офицерском содействии *совету солдатских депутатов-крестьян*, во главе которого стоял штабс-капитан Ладнов.

Естественной смертью умер *клуб военных республиканцев* (тоже детище офицеров и вольноопределяющихся), возникший 5 апреля. С помощью этого клуба офицеры хотели захватить идейное господство над солдатами. Вышло два номера „Война Республиканца", органа клуба. Журнал был ярко-оборонческим и трактовал о взаимоотношениях между солдатами и офицерами *под углом зрения сохранения дисциплины* в армии.

Харьковские офицеры признали, после долгих споров, целесообразной формой правления „демократическую республику", но что разумелось ими под „демократической республикой", видно из следующей резолюции, принятой советом офицерских депутатов в разъяснение его позиции по вопросу о войне:

„Совет офицерских депутатов высказывается за „народовластие", но считает, что препятствиями к осуществлению народовластия в данный момент являются: 1) германский милитаризм, „увлекающий за собой большую часть населения Германии"; 2) „темные силы", еще не придушенные и ждущие удобного момента для перехода в наступление против революции; 3) „обострение классовой борьбы", т.-е. борьба большевиков против Временного правительства; 4) недостаточность политического опыта массы. Поэтому Совет офицерских депутатов считает необходимым: а) признание Временного правительства облеченным всей полнотой власти вплоть до Учредительного собрания; б) войну до победы с Германией; в) „доведение производительности труда и капитала(!) до крайних возможных пределов"; г) агитацию против классовой борьбы.

Такова была политическая физиономия офицерства.

На этой же позиции, по существу, стояло оборонческое крыло социал-демократии (меньшевиков) и эсэров. Южно-русская конференция эсэров (происходила 2—5 апреля) полагала, что „в настоящий момент, поскольку современная война может включать в себе элементы посягательства на добытую революцией свободу... партия социалистов-революционеров вынуждена не препятствовать напряжению всех сил страны для защиты в интересах международной демократии завоеваний революции от посягательств извне".

Между меньшевиками и эсэрами нашлось значительно больше точек соприкосновения, чем между большевиками и теми же меньшевиками и эсэрами. Водораздел проходил, как мы видели, по

линии отношения к Временному правительству[1]), с одной стороны, и к войне, с другой стороны. Оборонцы составляли самую яркую и, по-своему, цельную группу среди обеих командных партий „демократии“. На противоположном полюсе стояла партия открытой борьбы с Временным правительством, *партия борьбы за мир* — РСДРП (большевиков).

Какую позицию занимали центровые группы: „интернационалисты“ типа Мартова и Чернова?

— Не нужно искать преждевременного расхождения (с Временным правительством),— утверждал Сан.

„Такова наша внутренняя политика“,— писал далее в „Социал-Демократе“ лидер харьковских меньшевиков,— „но,— замечал он,— вопросы, связанные с внешним фронтом, осложняют и затрудняют ее“ (т. е. политику).

Как видно из этого признания, меньшевики-интернационалисты сами замечали *противоречие* между позицией поддержки *правительства войны* и *непризнанием* империалистской *войны*, сами видели и предвидели трудность и сложность согласования „своих“ действий с буржуазией.

Меньшевики-интернационалисты *ничего* не делали для мира, для борьбы *со своими* империалистами; даже более: они объективно *помогали империалистам*, прикрывали их лоскутками своей „социалистической“ фразеологии, не разрывали с оборонцами, *составляя с ними одну партию* и пр.

Характерно, что вначале, когда меньшевики надеялись еще „объединиться“ с большевиками, они считали своим долгом покровительственно защищать их от нападок буржуазии. „Руки прочь!“ грозно восклицал И. Бэр („Социал-Демократ“ от 16 марта), обращаясь к буржуазии и „обрушиваясь“ на нее за травлю „известных

[1]) Упомянутая южно-русская конференция эсеров стояла, подобно меньшевикам, на позиции условной поддержки Временного правительства. Принятая конференцией по этому вопросу резолюция гласила: „В задачи партии социалистов-революционеров входит расширение и углубление в революционный момент тех социальных перемен, с которыми должно быть связано низвержение самодержавия“, а потому,— утверждали эсеры в подражание французской конституции якобинцев (1793 года),— „в случае отказа Временного правительства от выполнения требований демократии, революционный народ должен свергнуть Временное правительство и на его развалинах создать Временное Революционное правительство“.

Если вспомнить, что эсеры высказались *за войну*, обещав „не препятствовать направлению всех сил страны“ для борьбы с Германией, то несерьезный характер угроз по адресу Временного правительства со стороны конференции становится очевидным. *Социал-оборончество* не могло не быть по своей природе *социал-соглашательством*.

течений в рядах пролетариата и социал-демократии". И. Бэр великодушно поучал, что стыдно пользоваться „отдельными нетактичными выступлениями, речами или статьями" (большевиков). А когда большевизм несколько укрепился, „внутренняя политика" меньшевиков взяла окончательно верх над „внешней", и „Социал-Демократ" (№ 72 от 11 июня), отмечая с грустью значительный успех максимализма „*во всех его видах*", уже прямо обличал большевизм во всех смертных грехах. „Бунт еще господствует и давит и душит революцию" — брюзжал орган социал-демократии.

Или война должна была съесть революцию или, наоборот, революция должна была съесть войну.

Петербургские рабочие и солдаты проявили свою волю к миру известной апрельской демонстрацией, вызвавшей уход Милюкова и Гучкова из Временного правительства.

Отношение к апрельским событиям вызвало горячие дебаты в Харьковском совете.

Против Временного правительства выступили эсэры, занимавшие самую крайнюю позицию в своей партии: Алгасов[1]) и Живов.

Меньшевики (Штерн) возражали указанием на „буржуазный характер" революции. Совет принял резолюцию, в которой начал с того, что поставил „на очередь" вопрос о дальнейшем пребывании Милюкова в составе Временного правительства, а закончил требованием, чтобы „Временное правительство немедленно опубликовало все международные договоры, заключенные от имени российского самодержавного правительства с другими державами".

Но только большевики знали, как надо действовать для того, чтобы такая резолюция не осталась „благим пожеланием": они обращались *к массам* и организовывали массы для генерального штурма.

Все остальные партии, реакционные, помещичьи, буржуазные и *мелкобуржуазные*, составляли, по существу, *единый* контр-революционный *блок*. Нужно было вырвать массу рабочих из политического плена социал-соглашательских идей, из болота оппортунизма, перебросить мост в массы крестьянства *через голову эсэровщины*, а на Украине еще одолеть национал-„социалистов", — все это составило историческую задачу большевизма в рассматриваемый период революции.

Какие организации проявляли жизнедеятельность в Харькове в этот период революции? Проще всего рассмотреть списки кандидатов гласных в городскую думу, выборы в которую происходили

[1]) Теперь коммунист. В качестве левого эсэра входил после Октябрьского переворота в Совнарком РСФСР.

в июле. Эти списки отражают до известной степени силы, как они сложились к тому моменту.

Партия помещичья, монархическая, реакционная *своего списка не имела*, поддерживала кадетов (список № 1), самостоятельно выступила позже при выборах в Учредительное собрание. Имела свой печатный орган „Русскую Жизнь" (позже „Жизнь России"), группировалась вокруг профессора А. Погодина (редактора названной газеты) и поповской камарильи („Русская Жизнь" субсидировалась церковно-приходскими общинами [1]).

Партии буржуазные. Группы *правее* кадетов не показывались на поверхности. Надо думать, что они поддерживали партию „Народной свободы", партию промышленной буржуазии и интеллигенции.

Кадеты шли под знаменем „единой и неделимой" России, как партия *русского империализма*.

Отдельно группировались *украинские буржуа* (список № 7). Еврейские националисты-буржуа (сионисты, главным образом) выставили своих кандидатов также отдельно (список № 12) и вели свою агитацию, главным образом, против большевиков и Бунда.

В апреле сионисты устроили грандиозный митинг в Муссури, самом большом театре в Харькове. На этом митинге от большевиков выступил рабочий Буздалин (был после товарищем председателя Харьковского комитета партии). Его речь, пропитанная желчью к изысканной публике, занимавшей места за столом президиума, вызвала страшное возбуждение.

Польская группа „общественных деятелей" (никому неведомых, между прочим) имела свой особый список (№ 13).

Отдельно надо упомянуть об *обывательских списках*, отражавших, по существу, политическую дряблость отдельных *мещанских и буржуазных* групп. Сюда относятся списки №№ 6, 9 и 11.

Список № 6. Квартиронаниматели. Организатором „квартиронанимателей" явился некий *поручик* Гутовский. Пройдя в думу, он занял место рядом с эсэрами.

Список № 9. Почтово-телеграфные чиновники. Представитель этой группы вскоре перестал даже посещать заседания думы.

Список № 11. „Ортодоксальные евреи". Реакционнейшая часть еврейства; провела одного представителя, последний на заседаниях думы *не бывал*.

[1]) Во главе поповской черной сотни стоял в Харькове небезызвестный архиепископ Антоний, гонитель украинского языка. Губернский украинский съезд (далеко не революционный) настаивал на удалении этого ревнителя царской церкви, как „врага украинского народа".

Партии мелкобуржуазные. Список № 10. Народные социалисты. Партия городских и земских служащих, радикальных адвокатов, средних служащих в банках, вообще нечиновной *интеллигенции*, не чуждой социалистической *фразеологии*.

Эсэры. В одном списке (№ 5) шли вместе три партии: 1) эсэров (без различия течений), 2) украинских эсэров и 3) серповцев (объединенная еврейская социалистическая партия, составившаяся из двух еврейских партий: сионистов-социалистов и еврейских социалистов).

Этот список имел головокружительный успех, что видно по данным выборов в городскую думу.

Всего приняло участие в выборах 80.975 избирателей. За список № 5 было подано 37.371 голос; таким образом, из 116 мест в думе эсэры получили 54, кадеты — 16, меньшевики (блок) — 14, большевики — 11, народные социалисты — 8, остальные списки получили от 4 до 1 места.

В партию эсэров записывались генералы, офицеры, солдаты, не окончившие образования гимназисты и гимназистки, кооператоры, домовладельцы, часть отсталых рабочих (эсэровский завод был Гельферих-Саде), связанных с деревней больше, чем с городом.

Украинские эсэры прошли впоследствии через испытание огнем революции: часть из них ушла безраздельно в национально-буржуазную контр-революцию, а другая часть пришла извилистым путем — к коммунизму. Разложение не миновало впоследствии и объединенной еврейской социалистической партии, лучшие элементы которой влились в так называемый „Фарбанд", а затем в КП(б)У.

Из национальных партийных групп латыши входили в партию большевиков, ППС (левица) имела точки соприкосновения с большевиками, в июне или июле окрепла харьковская группа с.-д. Польши и Литвы, слабую группу представляли литовцы-большевики.

Меньшевики. Социал-демократический блок (список № 2) включал в себе три группы: РСДРП, Бунд и „Единение" (партия польского мещанства).

Меньшевики (в том числе и Бунд) объединяли вокруг себя демократическую *интеллигенцию* и две группы рабочих: с одной стороны, самых отсталых, а с другой—оторвавшиеся от масс *„верхушки"*.

Надо еще упомянуть о еврейской соц.-демократической рабочей партии (Поалей-Цион), которая шла на выборах в городскую думу под самостоятельным флагом (список № 8). Эта партия, как

все мелкобуржуазные партии, впоследствии разложилась. В городской думе представитель Поалей-Цион, этой „самой умной еврейской партии" (по ядовитому замечанию Рафеса), вел себя прекомично, голосуя как попало и выступая с длинными бесцветными „декларациями".

Отдельно надо остановиться на харьковской организации *украинских* социал-демократов. В городскую думу эта партия провела двух кандидатов: Лободу Н. М. и Тимошенко С. П. Вокруг харьковской организации группировалась, главным образом, часть украинской демократической *интеллигенции*.

Харьковская организация партии вышла из подполья и приступила к работе уже в первые дни после переворота. Когда в Харькове возник украинский организационный комитет, украинские социал-демократы отказались войти в него, *хотя и не отказали ему в поддержке*.

Считая украинский комитет буржуазной организацией, украинские социал-демократы, в противоположность „просто украинцам", так излагали свою позицию:

„Мы, украинские социал-демократы, разделяем программу международной социал-демократии и добиваемся как политического, так и социального и *национального* освобождения украинского народа.

„В то же время мы ясно видим, что революция явилась следствием солидарных усилий рабочих всех национальностей и что наша сила заключается в этой солидарности,— а потому мы отказываемся вступить в организационную связь с „просто украинцами", *но будем поддерживать* все их демократические лозунги".

Украинские социал-демократы недолго были последовательны, и, когда в Харькове образовалась „просвіта" (украинская культурно-просветительная организация), служившая оплотом для „просто украинцев", они не только вступили в „организационную связь" с „просвітой", но прямо вошли в нее, правда, с той целью, как они утверждали, чтобы овладеть ею изнутри.

Украинские социал-демократы боролись против *войны*, но по другим мотивам, чем большевики. Большевики объявили *войну империалистской войне, как последовательные интернационалисты*, обязанные бороться со своими капиталистами в собственной стране. Украинские социал-демократы были против войны, *так как были против Временного правительства*, которое третировало Украину не хуже царского правительства.

Губернская рада была составлена из национальных элементов, раздираемых внутренними противоречиями.

Партия рабочего класса.—Большевики. К моменту Февральской революции, будучи в подпольи, организация насчитывала, по утверждению Киркижа, одного из активнейших харьковских работников того периода, 150 членов партии, из них много латышей, которые приехали из Риги (оттуда эвакуировался завод Всеобщей электрической компании). Условия подпольной работы мешали членам партии узнать поближе друг друга. В виду этого при выборах в совет первого созыва большевики не проявили должной организованности и не смогли выдвинуть своих депутатов в достаточном количестве.

Мы выше упомянули, что листовка Харьковского комитета, выпущенная 6 марта, призывала открыто к гражданской войне. В связи с этой листовкой впервые на легальной почве раскрылись разногласия внутри партийной организации.

Первое собрание после переворота состоялось в Медицинском обществе. Против листовки, которая резко прокладывала грань между большевиками и меньшевиками, выступил Лугановский, и, как замечает Киркиж, „отчасти" Иванов Алексей, Тиняков и Николай Бесчетвертной. Большинство все-таки высказалось за листовку, которая и была выпущена. В первый комитет были избраны Сурик (Емельянов), тогда еще студент-медик, Буздалин, Покко, который еще в подпольи считался официальным представителем комитета, и др. [1]).

Вслед за этим внутри организации выявились новые разногласия по упомянутому выше вопросу об объединении с меньшевиками. Правая группа во главе с Лугановским, Ивановым Алексеем и Тиняковым стояла за объединение, левая во главе с Суриком, Судиком и Буздалиным, Покко и др.—против. К первой группе присоединился Кин. Вторая группа одержала верх. При выборах в городскую думу сторонники объединения с меньшевиками на основе старой партийной программы (новой не было) снова выдвинули вопрос о совместном списке с меньшевиками. После поражения в комитете объединители перенесли вопрос на общее собрание городской организации, но и там, правда, незначительным большинством, прошла резолюция группы Сурика и др. левых. Деление на „правых" и „левых" внутри харьковской организации сохранялось все время до эвакуации Харькова в 1918 году.

[1]) Киркиж указывает в числе комитетчиков первого состава Артема (Сергеева). Это неверно. Артем приехал в Харьков значительно позже.

Впрочем, дальше сам Киркиж утверждает, что Артем прибыл в Харьков только в июле. Другой активный харьковский работник, Буздалин, свидетельствует, что Артем прибыл на Украину несколько раньше, в июне.

С приездом Артема, который сумел объединить вокруг себя всю организацию, „фракционность“ потеряла свою прежнюю остроту. Партийная организация быстро росла. В марте у большевиков был только один завод с влиятельной партийной ячейкой, а именно ВЭК. В подпольи на этом заводе было всего 17 членов партии. В марте число членов возросло до 200, перед июльскими днями на этом заводе было уже 600 членов; на Паровозостроительном — 160, на заводе Гельферих-Саде—30, в Петинском районе, наиболее важном, было до 1.000 членов партии: на втором месте стоял Ивановский район (железнодорожный). В рассматриваемый период большевики простирали свое влияние почти исключительно на рабочую массу, хотя большевизмом были „заражены“ и воинские части. Влияние большевизма на крестьянство шло первое время, главным образом, через солдатскую среду („солдатский большевизм“, как презрительно говорили меньшевики и эсары). Борьба за организационное овладение деревней началась значительно позже.

Гражданская война на селе в развитой форме относится уже к пооктябрьскому периоду.

Живые нити между городом и губернией, не говоря уже об области, были очень слабы, что обусловливалось, отчасти, общим распадом старых отношений. В этой связи мы должны коснуться одной из интереснейших проблем развязывания революции; мы имеем в виду так называемую „власть на местах“. Децентрализация аппарата, характерная для начальных периодов всякой революции, затрагивала не только административную сторону; она должна была сказаться также и на партийном строительстве, это не подлежит сомнению. Достаточно сказать, что (как видно из протоколов Харьковского комитета партии) решение о созыве первой губернской конференции партии было принято только 20 декабря 1917 года, т.-е. через два месяца после Октябрьской революции [1]).

Первая партийная конференция Донецко-Криворожского бассейна собралась, правда, значительно раньше: в конце июля в Екатеринославе. От харьковской организации туда были посланы Муранов (бывший член государственной думы, был короткое время в Харькове), Буздалин и Артем [2]). На конференции присутствовало

[1]) Для созыва конференции была выбрана „тройка“, куда входили Сербиченко, Буздалин и Эрде.

[2]) Последний был делегирован также в Киев, где происходила партийная конференция Юго-Западной области.

29 делегатов (от 13 организаций) с решающим и 5 делегатов с совещательным голосом, представлявших вместе 17.000 членов партии.

Областной центр решено было учредить в Харькове. „Пролетарий", орган Харьковского комитета, становился областным органом под названием „Донецкого Пролетария".

В первый областной комитет партии вошли: Артем, Ватин (В. Быстрянский), Копылов, А. Каменский, Квиринг, Острогорский и Залманов. Комитет выделил бюро из трех лиц: Артема (секретаря), Копылова и Ватина.

Огромный завод Всеобщей компании электричества был оплотом большевизма с самого начала революции; там вели работу Пастер, Киркиж и Покко. То же нужно сказать о влиятельном и огромном профессиональном союзе „Металлист", руководство которым захватили большевики: Боярков (А. Гольцман), Романович, Плахотников, Люль. На заводах влияние большевиков росло с каждым днем. На Паровозостроительном заводе пользовались влиянием Сапельник, Романович; на заводе Шиманского — Алексей Иванов, на Русско-французском заводе—Буздалин, среди железнодорожников— Скороход, Сербиченко, среди трамвайщиков — Ефименко и Кабаненко, среди наборщиков — Голенищев, среди портных — Тинияков, Прейс, среди деревообделочников — Моргунов и т. д.

— · —

ГЛАВА V.

СООТНОШЕНИЕ СИЛ В ХАРЬКОВЕ В ИЮЛЬСКИЕ ДНИ.

Рабочие завода Всеобщей компании электричества встретили революцию с ликованием и собирали анкеты о материальном положении рабочих, надеясь добиться реальных завоеваний в экономической области. Введение восьмичасового рабочего дня было первым испытанием сил. Солдатам внушалась мысль, что рабочие „не хотят работать", что крестьянин работает, не разгибая спины, с раннего утра до поздней ночи, а рабочий „лодырничает" и т. д. и т. п.

И, когда Совет рабочих и солдатских депутатов поставил 20 марта на обсуждение вопрос о введении в Харькове восьмичасового рабочего дня, в речах некоторых солдат послышались неприязненные нотки. „Ждите Учредительного собрания", — советовал рабочим солдат Лебедев.

На это ему И. Светлов (меньшевик) удачно возразил: „Если мы придем в Учредительное собрание с пустыми руками, то с пустыми руками и уйдем".

Надо заметить, что первое время харьковские меньшевики как-будто понимали ту простую истину, что Учредительное собрание важно не само по себе, а как орудие закрепления революционных завоеваний. По крайней мере, в „Социал-демократе", № 3, от 14 марта, мы читаем: „Рабочий класс объединяется и организуется не только для Учредительного собрания, но и для борьбы за свои классовые требования, для борьбы за развитие революции и достижение поставленных перед пролетариатом задач".

После отмеченных выше прений *за* резолюцию о восьмичасовом рабочем дне голосовало 121 рабочий и 96 солдат, *против—18 солдат* (1 рабочий воздержался).

Другой маневр промышленников сводился к распространению (муссированию) слухов о, якобы, колоссальных заработках рабочих.

В письме, напечатанном в „Южном Крае", промышленники (в лице Обсофаза, т.-е. областного союза фабрикантов и заводчиков) клялись, что больше они не в состоянии пойти ни на какие уступки.

Капиталисты указывали, что, „отдавши рабочим все, что имели, предприятия в дальнейшем повышении цен и в вопросе об источниках оплаты предоставляют решающее слово правительству".

Не удовлетворяясь локаутной политикой, промышленники нередко открыто клеветали на рабочих. В упомянутом письме, помещенном в „Южном Крае", промышленники уверяли, что „на одном из крупнейших заводов средний заработок всех рабочих, считая в том числе и неквалифицированных, равняется 3.150 руб. в год без сверхурочных работ, а заработок квалифицированных рабочих в отдельных случаях достигает 42 руб. за восьмичасовой рабочий день".

42 рубля в день! Летом 1917 года! Надо сознаться, что клевета была ловко пущена в ход. Правление союза „Металлист" поместило опровержение и просило автора письма заводчиков „сообщить союзу „Металлист", на каком именно заводе существует такой высокий заработок".

Тов. М. Сапельник, знакомый с положением на Паровозостроительном заводе, как служащий этого завода, поместил в „Пролетарии" *фактическую справку* о заработках рабочих на указанном заводе.

Промышленники указывали на средний заработок 3.150 руб. в год, что составляет около *11 руб.* дневного заработка. В действительности, заработок рабочих на Паровозостроительном заводе был таков: за январь 3 руб. 71 коп. (в день), за февраль 4 руб. 10 коп., за март 4 руб. 05 коп., за апрель 6 руб. 86 коп., за май 6 руб. 50 коп., за июнь 6 руб. 26 коп.

После Февральского переворота масса на заводах и фабриках зашевелилась, заговорила, стала требовательной, „дерзкой" (с точки зрения иерархического „порядка" благоустроенного буржуазного общества). Буржуазия сначала только нервничала и апеллировала к авторитету Временного правительства, ища поддержки у социал-соглашателей, но чем острее и многочисленнее становились конфликты на заводах, тем планомернее и решительнее контр-революция готовилась нанести удар.

Меньшевики лезли из кожи вон, силясь наложить заплаты на треснувший Тришкин кафтан капитализма. И с первого же месяца переворота примирительная камера и согласительная комиссия сменяют друг друга.

В Харькове еще в марте роль „честного маклера" взял на себя городской общественный комитет, образовав согласительную комиссию для решения спорных экономических вопросов из 7 лиц: в комиссию входили 3 представителя „от рабочих", 3 — от фабри-

кантов и заводчиков и 1 — от общественного комитета. Позже общественный комитет выделил „комиссариат по делам фабрик и заводов", передав его *представителю промышленников.*

Тушить социальные конфликты такими средствами значило *тушить огонь керосином,* и буржуазия скоро обнаружила свою неспособность понять действительное положение вещей.

Волна стачечного движения чернорабочих на крупнейших харьковских заводах опрокинула карточный домик соглашательства. Класс открыто становился против класса. Чернорабочие предъявили промышленникам требование: минимум 5 рублей мужчине, 3 руб. 50 коп. работнице. Промышленники отказались удовлетворить это требование.

Угрозы забастовкой (и частичные забастовки на отдельных заводах) не напугали промышленников, подготовлявших локаут.

Фабрично-заводские комитеты понимали, что забастовка в сложившихся в тот момент условиях играла бы в руку капиталистам. Какой был другой выход?

Чернорабочие совершили с самого начала, несомненно, ошибку, организовав отдельный, независимый от союза „Металлист", профессиональный союз [1]), и сами же ослабили таким образом свою позицию. Но чернорабочим быстро пришли на помощь организованные рабочие Харькова. Конференция фабрично-заводских комитетов нашла требование чернорабочих справедливым. Желая избежать преждевременного обострения отношений с капиталистами, конференция уполномочила трех своих представителей сделать попытку убедить капиталистов в справедливости требования чернорабочих. Напрасно! Через 2 дня снова созывается конференция фабрично-заводских комитетов совместно с центральным бюро профессиональных союзов, союзом чернорабочих и союзом „Металлист". Рабочие решают обратиться в Совет рабочих и солдатских депутатов, настаивая, чтобы он *своей властью* обязал фабрикантов и заводчиков удовлетворить требование чернорабочих. Исполнительный комитет соглашается с мнением рабочих и требует от предпринимателей удовлетворения интересов рабочих. *Промышленники вновь отвечают отказом.*

8 июля представители фабрикантов и заводчиков в примирительной камере подали следующее заявление:

1. Заработок чернорабочих увеличивается до 4 рублей в день. Означенная прибавка относится к чернорабочим-мужчинам старше

[1]) На это указывал неоднократно Я. Боярков (Гольцман), председатель союза „Металлист".

18 лет, работающим до настоящего времени не менее двух месяцев. Прибавка не касается категорий сторожей, кучеров, дворников, садовников и прочей заводской прислуги.

2. *Вновь принимаемые чернорабочие могут быть оплачиваемы и ниже означенной нормы.*

3. Заработок женщинам и подросткам остается прежний.

Таков был ответ капиталистов. Пять недель рабочие искали мирных путей к улажению конфликта. „Пролетарий" был прав, когда писал, что ответ этот произвел крайне возбуждающее впечатление на заводах. „Можно смело сказать, что заводчики как медлительностью и затягиванием конфликта, так и ответом провоцировали рабочих на уличное выступление".

Терпение рабочих готово было лопнуть: пять недель упорной борьбы с капиталистами привели к такому убогому результату.

Надо иметь в виду, что первоначальное требование чернорабочих было выше: 6 руб. мужчине, 4 руб. женщине. Фабрично-заводские комитеты и исполнительный комитет понизили это требование до 5 р. мужчине и 3 р. 50 к. женщине. Когда вспыхнули частичные забастовки на заводах, правительственная комиссия по обследованию Донецкого бассейна, во главе с комиссаром министерства труда И. О. Сипайло, приложила все усилия к тому, чтобы убедить рабочих стать на работу. 23 июня рабочие завода Всеобщей компании электричества решили приступить к работе; „признавая своим государственным долгом всемерное противодействие прекращению работ на заводах", рабочие поручили вместе с тем И. О. Сипайло „настаивать перед заводчиками на удовлетворении требований чернорабочих". Рабочие соглашались даже на то, чтобы вопрос об уплате за забастовочные дни был решен в примирительной камере. Даже исполнительное бюро губернского общественного комитета поддержало требование чернорабочих. 23 июля заводчики обсудили все эти заявления и пришли к решению считать требование рабочих „необоснованным" и „остаться для Харькова при существующей плате".

Рабочие отказывались верить тому, что предприятия приносят убыток, и считали, что предприниматели не соглашаются на удовлетворение требований рабочих *по политическим причинам.*

Фабрично-заводские комитеты в своих обращениях к совету настаивали „обязать харьковских заводчиков удовлетворить требование чернорабочих до выяснения результатов обследования доходности предприятий, *так как доходность предприятий не подлежит никакому сомнению*".

Нужно было изыскать меры для немедленного удовлетворения требования чернорабочих. Предприниматели отказались от мирного улаживания конфликта. Рабочие решают заговорить другим языком. Не чувствуя за собой поддержки ни со стороны соглашательского совета, ни со стороны правительственной комиссии, подталкиваемая стихийным движением чернорабочих, конференция фабрично-заводских комитетов решает „удовлетворить справедливые требования чернорабочих своей революционной *властью*" и, в случае если фабриканты и заводчики откажутся удовлетворить требования чернорабочих *в течение 5 дней*, директоров удалить и заменить выборными инженерами.

28 июня Совет рабочих и солдатских депутатов обсуждал на экстренном заседании создавшееся положение и признал, что „необходимо изменить... решение совещания заводских комитетов и поступить немедленно по инструкции правительственной комиссии". В заключение совет отделывался назиданием, что „необходимо создать авторитетную примирительную камеру и через нее оказывать организованное воздействие на предпринимателей". Даже меньшевистский совет, однако, не мог не констатировать, что „неудовлетворение требований товарищей чернорабочих является *одним из многих случаев* возмутительного отказа промышленников считаться с интересами рабочих во всей области".

Представители рабочих в примирительной камере предложили капиталистам заключить коллективный договор с профессиональным союзом „Металлист".

На это директор завода Гельферих-Саде, гр. Бекле, ответил, что заключение коллективного договора возможно „только в Англии, но не в России".

Словом, со стороны промышленников было открытое желание разжечь конфликт, разозлить рабочих, заставить их решиться на какую-нибудь крайность. Промышленники, повидимому, стремились вызвать преждевременное выступление рабочих на улицу, вызвать (как мы бы сейчас сказали) *июльские дни*.

Положение в Харькове отражало общую картину в Донецком бассейне и в России. Такая же борьба, как между харьковскими рабочими (и особенно чернорабочими) и областным союзом фабрикантов и заводчиков, происходила между горнорабочими и горнопромышленниками по всей Украине. Комиссия Сипайло, присланная из Петербурга, должна была прежде всего уладить конфликт между горнорабочими и союзом горнопромышленников, так как обостренная борьба между рабочими и капиталистами не могла не отразиться на

добыче угля и состоянии металлургической промышленности бассейна, а *главное — грозила устоям буржуазного „порядка"*.

Приезд Сипайло в Харьков (в июне) потянул за собою серию бесконечных „согласительных" разговоров и переговоров, которые так ни к чему и не привели вплоть до Октябрьской революции [1]).

Для примирения враждующих сторон уже вскоре после Февраля была двинута в ход тяжелая артиллерия в лице членов государственной думы В. Лашкевича, А. А. Добровольского и Н. И. Тулякова [2]), меньшевика. Последние участвовали на конференции горнорабочих и горнопромышленников, происходившей в конце марта. Двенадцатого апреля в Екатеринославе состоялась конференция директоров металлургических заводов и представителей рабочих Донбасса [3]). Но особенно остро стал вопрос после южнорусской конференции Советов рабочих и солдатских депутатов, открывшейся в Харьков 27 апреля [4]). В работах конференции принимали участие члены государственной думы Н. И. Туляков и Сайко (член II государственной думы). Как-раз в это же время в Харькове происходила конференция промышленников юга России (закрылась 6 мая). Рабочие обратились к конференции промышленников с изложением своих требований. *Промышленники ответили отказом* [5]). Тогда конференция советов „Юга России" решила апеллировать к петербургским властям; промышленникам же было послано письмо, в котором рабочие заявляли, что отказ промышленников находят „необоснованным", а потому рабочий класс получает „полную свободу действий".

После июльского выступления в Петрограде потянулись самые тяжелые для революции дни; революция должна была перейти

[1]) Уже после Октябрьского переворота в Донбассе продолжала свою „работу" соглосительная комиссия под руководством Орлова, „товарища министра торговли и промышленности" *не существовавшего уже правительства Керенского. Орлов открыто устанавливал связь с Калединым.* Меньшевики, входившие в комиссию в качестве представителей „от рабочих", не отказывались сидеть рядом с Орловым и его К° (состоявшей из 12 человек). Из рабочих представителей С. Лапин покинул комиссию.

[2]) Погиб в 1918 году в Донбассе от руки бандитов.

[3]) Харьковские горнопромышленники действовали в тесном союзе с екатеринославскими, согласуя свои решения и действия.

[4]) Объединение советов Донбасса происходило раньше. 15. 16 и 17 марта в Бахмуте состоялась конференция советов Донбасса. Присутствовало 138 делегатов, представлявших 187.000 рабочих.

[5]) Характерно, что наиболее упорное сопротивление введению 8-часового рабочего дня оказали именно донецкие предприниматели (см. Я. Яковлев. „Из подготовительных работ по истории Октябр. революции", „Красная Новь", № 1, 1925 г.)

от наступления к обороне; в Петербурге, Киеве и других местах большевики на время ушли почти совсем в подполье. Начались аресты, обыски, погромы, провокация стала плесть свою тонкую паутину.

Многим казалось, что победа склоняется на сторону реакции [1]).

Какова была позиция большевиков в эти дни в Харькове? Поддержать чем возможно выступление питерских рабочих и солдат. Разоблачить гнусную роль клеветников Алексинских и К°. Разъяснить смысл развернувшихся событий.

Харьковский комитет обращался к рабочим с словом гневного протеста против политики „десяти буржуа и пяти меньшевиков", составлявших коалиционное правительство Керенского. Коалиция не оправдала надежд, которые возлагались на нее рабочими и крестьянами. Она обанкротилась. Дала ли она народу мир? „Война продолжается и даже ведется наступление тогда, когда грабительские цели войны остаются прежними; хозяйственная и продовольственная разруха еще более усиливается и ускоряется капиталистами-локаутчиками; контр-революция от слов перешла к делу, открыто ведя погромную агитацию и организуясь при благосклонном попустительстве власти. Нет хлеба, нет мира. Свободе угрожает опасность". Вот следствие контр-революционной политики правительства Керенского. Удивительно ли, что „пролетариат и солдаты революционного Петрограда вышли снова на улицу для того, чтобы своим вмешательством спасти революцию, для того, чтобы указать должное место буржуазии, не в меру зарвавшейся, и плетущимся у ней в хвосте меньшевикам и народникам?"

Иначе не могло быть. „Большинство петроградских рабочих и солдат пришли к тому выводу, к которому они рано или поздно должны были прийти, к которому их должна была привести жизнь, и они его сделали".

Что заставило петербургских рабочих и солдат выйти вооруженными на улицу? „Сознание, что кончить империалистическую войну, положить предел хозяйственной разрухе может только сам народ *в лице советов*".

[1]) На ночном партийном собрании ответственных работников, созванном Харьковским комитетом сейчас же по получении известий о „беспорядках" в Питере, царило до известной степени подавленное настроение. Лугановский чуть ли не пел отходную революции. Артем отделывался незначительными фразами. Бодрые нотки звучали (и это характерно) в речах рядовых рабочих, у которых накипело чувство страстного озлобления против соглашателей и буржуазии, и которым хотелось открыто помериться силами. Июльские дни были для них известным испытанием, генеральной репетицией.

Позиция меньшевиков и эсэров (а значит, и Совета рабочих и солдатских депутатов) была выжидательной, бесцветной.

Мы говорим „выжидательной“, но этого не нужно понимать в том смысле, что меньшевики и эсэры готовы были изменить свою позицию, занятую ими с первых же дней революции и заключавшуюся в сотрудничестве с буржуазией. Меньшевики и эсэры оставались верны самим себе, когда осуждали „дезорганизующие“ выступления „зараженных большевизмом“ рабочих. Но в Харькове приходилось считаться с тем фактом, что большевики держали крепко в своих руках центр фабрично-заводских комитетов, завод Всеобщей компании электричества и такие воинские части, как 30-й полк, переведенный незадолго до июльских дней из Тулы.

Во главе революционных солдат полка стояли: Руднев (впоследствии убитый под Царицыном в бою с красновцами, талантливый полководец, помощник Ворошилова и Рухимовича), Петриковский (впоследствии отличился, как соратник Дыбенко в крымских боях с Деникиным; носил кличку Петренко), Глаголев и другие.

В тревожные дни Руднев завладел ключами от оружейного цейхгауза полка, полк отдал себя целиком в распоряжение Харьковского комитета большевиков.

Военная организация при Харьковском комитете большевиков была организована в августе. В первый комитет военной организации вошли: Рухимович, Глаголев, Руднев, Спура, Левченко, Коваленко и Брунько.

3—5 июля в Питере разыгрывались исторические события, а 6 июля Харьковские исполнительные комитеты (рабочих, солдатских и крестьянских депутатов) постановили образовать революционный центр (или штаб) как высший исполнительный орган демократии в губернии. В штаб вошли: 3 представителя от областного комитета советов [1]), 3 представителя от рабочих депутатов [2]), 3 представителя от солдат [3]), 3 представителя от крестьян [4]) и по одному представителю от 8 социалистических партий: 1) эсэров, 2) меньшевиков, 3) большевиков, 4) Бунда, 5) украинских эсэров, 6) украинских социал-демократов, 7) „Серпа“ и 8) польского объединения.

В тот же вечер, 6 июля, состоялось объединенное заседание партийных комитетов *меньшевиков, большевиков, Бунда и объеди-*

[1]) Туляков, Вознесенский и Цукублин (ни одного большевика).

[2]) Гуревич (И. Бэр)—меньшевик, Иванов А.—большевик и Поляков—меньшевик.

[3]) Бищенко — меньшевик, Сихарулидзе — эсэр и Светлов — меньшевик.

[4]) Лоднов, Козлов (оба эсэры) и Тимошенко (украинский с.-д.).

ненных [1]). Заседание носило информационный характер. Прийти к соглашению на *таком* собрании было немыслимо.

Шестнадцатого июля тот же вопрос (неизменный „текущий момент“) обсуждался на заседании совета. Докладчиком выступил Карелин.

Его позиция: не нужно коалиции с кадетами, борьба за мир, но... *не власть советов*. Меньшевики высказались определеннее *за поддержку Временного правительства*.

Левая группа эсэров [2]) во главе с Алгасовым стояла почти на большевистской позиции. Алгасов был очевидцем июльских событий в Питере и выступал в Харькове с ярким докладом о виденном и слышанном, всецело оправдывая позицию, занятую большевиками.

Отвечая одному приезжему депутату-оборонцу (Николаевского совета) на его выпады по адресу большевиков, Алгасов подчеркнул, что „*отношение к большевикам — вот тот оселок, на котором можно испытать революционность*“ [3]).

Выступление оборонца было для Харьковского совета интересным и редким „номером“.

Позиция большевиков в совете в те дни отличалась некоторой расплывчатостью, так как звучный и ясный лозунг „Вся власть советам“ был после июльских дней снят.

Большевики требовали организации такой власти, которая обеспечила бы всю ее полноту действительным представителям революционной демократии, „*ответственным перед советами*“, немедленного принятия самых решительных мер против „контр-революционных промышленных и аграрных кругов“, „передачи земли крестьянам путем разрешения земельного вопроса на местах земельными комитетами“, разгона государственной думы и государственного совета, а также съездов землевладельцев и промышленников, отмены ограничений свобод, „противозаконных мероприятий военного министра и генералитета по отношению к действующей армии“; для достижения мира большевики требовали „декларативного обращения ко всем воюющим народам“ „с предложением демократического мира“ и „призыва под революционные знамена

[1]) Председателем собрания был избран Гуревич (меньшевик), товарищем председателя — Муранов (большевик).

[2]) Не те „левые“, которые впоследствии стали „активными“, т.-е. сторонниками вооруженного свержения советской власти, а те, которые впоследствии перешли в ряды большевиков.

[3]) Тот факт, что в июльские дни эсэр выступает в защиту большевиков, производил огромное впечатление на рабочих, и не только на рабочих.

всех, кто действительно заинтересован в революции, для обороны и революционного наступления во имя мировой революции и борьбы международного пролетариата против мирового господства империалистической буржуазии всех стран".

Необходимо коснуться также резолюции, принятой на заседании 16 июля, которая констатировала нарушение правительством Керенского „революционно-демократических гарантий" при арестах (большевиков) и усматривала в ряде действий Временного правительства, как то: в восстановлении смертной казни, массовых арестах, арестах членов центрального исполнительного комитета без расследования предъявленных им обвинений самим центральным исполнительным комитетом, в новых правилах о печати, разгромах рабочих организаций, восстановлении 129 ст. Уголовного Уложения и прочее,— во всем этом „капитуляцию перед контр-революцией". Харьковский совет призывал рабочих, революционную армию и всю демократию сплотиться вокруг советов, как „правомочных органов революционной демократии", и „добиваться выпрямления линии поведения центрального исполнительного комитета в сторону, более чем сейчас соответствующую интересам революции и демократии".

Харьковский совет требовал образования революционно-демократического правительства из представителей социалистических партий, опирающегося на все элементы демократии, которое осуществляло бы под действительным контролем ответственных органов революционной демократии программу, намеченную последним съездом советов.

Поправка Кина об ответственности правительства перед советами была принята всеми против 9 голосов. Резолюция (без поправки Кина) получила предварительно в исполкоме 28 голосов против 14.

ГЛАВА VI.

ХАРЬКОВ. ПРЕДОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ.

После июльских дней большевистские газеты были закрыты в Питере и на фронте. Пресловутый циркуляр о печати должен был заткнуть рот большевикам, и вся буржуазная пресса уже предвкушала удовольствие увидеть полную гибель революционной прессы. „Южный Край", с законной ненавистью взиравший на „Пролетария", одобрительно кивал на циркуляр о печати и находил, что „таким путем будет прекращена преступная агитация, подобная той, какая велась различными органами большевиков".

Харьковский „Пролетарий" испытал на себе все прелести „свободы печати" Керенского. Правда, газета не была закрыта по постановлению буржуазных властей даже после июльских дней и, с юридической точки зрения, могла печататься где и как угодно, но подобная „свобода печати" еще очень мало устраивала. *Нужны были деньги, деньги и деньги*: без денег не печатали, не давали бумаги, не доставляли газет на место назначения, — словом, ничего не делали. А средства были очень скудны. Приходилось печатать изо дня в день такие широчайшие „ленты" вдоль всего номера газеты:

„Товарищи! Наша газета переживает острую нужду в деньгах. Если вы немедленно не придете на помощь, *она должна будет погибнуть на-днях*".

„Нам нужны деньги!"

„Нам нужно много денег — 75.000 руб.".

Эту цифру нужно было собрать в 2 недели для того, чтобы уплатить за типографию, на приобретение которой был заключен контракт, 15—20 тысяч рублей нужны были для оборудования типографии.

Вначале „Пролетарий" печатался в частной типографии, по Рыбной № 38, у В. М. Шенберга. Бесконечные денежные заминки вызвали ряд „перебоев" в выходе газеты. Приходилось вести форменные „дипломатические" переговоры с хозяином типографии (эта

обязанность выпадала большей частью на автора этих строк), чтобы убедить его дать разрешение выпустить очередной номер „займы". В конце концов „дипломатические переговоры" были прерваны.

Приобретенная комитетом в собственность типография была оборудована под руководством старого большевика Семена Шварца по Вознесенской ул. № 3.

Типография нужна была не только потому, что она по расчетам сильно понижала убыточность издания (убытки достигали в месяц 10.000 руб.), но еще и потому, что *типографы неохотно соглашались печатать большевистскую газету*, и можно было в любую минуту остаться без печатного органа. Денег не было — деньги *нужно было* собрать.

И вот с трудом, но изрядная сумма была собрана за несколько месяцев. Часть денег была собрана по разверстке с членов партии (по 20 коп. с каждого), другая часть в виде *паевых взносов* в издательство „Звезда" (пай — 6 рублей), часть суммы была взята заимообразно у союза „Металлист" (1.000 руб.) и у завода Всеобщей компании электричества. В виду недостатка средств, „Пролетарий" выходил с перерывами, на скверной бумаге, неряшливо отпечатанный, как настоящий пасынок прессы, не в пример „Соц.-Демократу", который всегда имел солидную, почти буржуазную внешность.

После переворота 27—28 февраля для всех стало ясно, что прежние цензовые органы самоуправления (думы и земства) необходимо реорганизовать. На короткое время органы самоуправления в прежнем своем составе (домовладельцы и купцы) заняли было первенствующее положение. По приказу князя Львова, первого председателя „революционного" правительства, губернаторами назначались председатели губернских земских управ (*не переизбраны*). Харьковский председатель губернской земской управы, однако, предупредительно отказался от свалившейся ему, как снег на голову, сановной должности, для чего пришлось даже дипломатически „заболеть".

Оставался товарищ председателя управы П. П. Добросельский, и 6 апреля городской общественный комитет утвердил губернским комиссаром П. П. Добросельского, а его помощниками — С. М. Кузнецова и С. С. Жилкина [1]).

У власти очутились цензовики. Но, чтобы хоть отчасти удовлетворить естественную тягу демократических кругов к власти, думу и земство решено было „демократизировать", чему, кстати сказать,

[1]) Представители совета в городском общественном комитете заявили, что участия в выборах не принимают.

предшествовали ожесточенные споры среди самих цензовиков (ссылались больше на то, что „все равно скоро будут выборы в настоящую думу", на основе всеобщего, прямого и т. п. голосования). Однако решение „демократизировать" думу было все же принято, в виду того, что выборы в настоящую думу, как и в Учредительное собрание, затянулись.

В демократизированной думе 30 мест было предоставлено Совету рабочих и солдатских депутатов, 2 — большевикам, 2 — меньшевикам, 2 — эсэрам, 1 — Бунду, 1 — украинским социал-демократам, 1—„Серпу", 1—польскому объединению, 1—латышскому кооперативному обществу, 1— кооперативу „Самодеятельность", 1— еврейской рабочей столовой, 11 — профсоюзам. В земство получили доступ крепкие хозяйчики.

По существу, ничего в этих органах не изменилось. Партии мелкобуржуазной демократии, меньшевики и эсэры, игравшие командную роль в советах, не использовали органов самоуправления даже в качестве трибуны; большевики же были еще слишком слабы; не хватало сил для работы на заводах и в совете. К моменту выборов в „настоящую" городскую думу большевики были уже значительно сильнее, организация обросла рабочей массой,— но выборы в настоящую думу происходили 9 июля (как-раз *сейчас же вслед за июльским разгромом*), и эти переломные дни наложили свой отпечаток на результаты выборов и вообще на обстановку предвыборной агитации.

Надо еще удивляться тому, как при *таких* условиях большевики получили в думе 11 мест, на 3 места менее, нежели меньшевики.

В конечном итоге в думу оказались избранными по большевистскому списку (№ 3) Муранов М. К., Иванов А., Сурик, Пастер А. (рабочий Всеобщей компании электричества), С. Ф. Буздалин, Скороход А. Г. (железнодорожник, в 1919 г. покончил с собой), Плакотников А. П. (товарищ председателя союза „Металлист"), Картозия С., Лугановский Э. В., Бунякин И. (железнодорожник) и Томашевский К. В. (член Харьковского комитета). На место выбывших в Думу попали Г. Г. Ефименко, Данилевский, Кин и Рухимович.

На первом же заседании думы (26 июля) партийные группы выступили со своими декларациями. Характерную картину представляли выборы первого председателя новой городской думы. Записками были намечены В. Карелин (эсэр), А. Поддубный (меньшевик) и А. Ю. Вегнер (народный социалист). Последние двое отказались баллотироваться. Остался один — В. Карелин. И вот

перед баллотировкой любопытная сцена: один за другим выходят представители списков 1, 2, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 12 и 13[1]) и заявляют о том, что при выборах председателя думы они воздержатся от голосования. В. Карелин оказался избранным голосами эсэров: 44 избирательных, 2 неизбирательных.

В ответ на бесцветную („и нашим, и вашим") декларацию эсэров, им обещали поддержку только украинские эсэры (Соколовский), „Серп" (Шапиро), литовцы-эсэры, латыши-эсэры и мусульмане. Меньшевики ограничились словесной полемикой с кадетами, этими „большевиками справа", как выразился Сан (Девдариани).

Резко и определенно поставили основной вопрос о власти большевики. От лица гласных большевиков С. Картозия огласил декларацию, в которой большевики обращались через голову думы к населению Харькова со словами: „мы не хотим обманывать население, говоря ему, что можно спасти страну от гибели, *не добившись прекращения войны* и не ведя беспощадной классовой борьбы с капиталистами". Покуда у власти стоит буржуазия, не может быть и речи об удовлетворении основных нужд трудящихся. „Никакие задачи революционной демократии не будут осуществлены, ни на какое спасение страны от гибели нельзя надеяться, если власть, захваченная теперь буржуазией в свои руки, *благодаря трусливой и предательской политике меньшевиков-оборонцев* и эсэров-оборонцев[2]), до сих пор смеющих прикрываться социалистическим знаменем,— не перейдет в руки советов". Только советы могут спасти страну от гибели. Когда советы возьмут власть в свои руки, они явятся подлинными выразителями интересов широких масс населения. И—„ни Временное правительство, ни государственная дума, *ни городские думы* не имеют права считать себя выразителями воли революционного народа".

Поколебленное в июльские дни положение быстро восстанавливалось. Этому способствовали, между прочим, конечно, невольно, сами же капиталисты, продолжавшие после июльских дней политику локаута.

Сговориться с локаутчиками не было никакой возможности: в ответ на самые скромные требования рабочих капиталисты закры-

[1]) В том же порядке: кадеты, меньшевики, большевики, украинские социал-демократы, „квартиронаниматели", украинские буржуа, „почтово-телеграфные чиновники", народные социалисты, сионисты и польские буржуа. Представители списков №№ 8 и 11 (Поалей-Цион и ортодоксальных евреев) не были вовсе на заседании.

[2]) С левыми группами меньшевиков большевики местами даже блокировались при выборах в городскую думу.

вали одно предприятие за другим полностью или частично. Мы уже видели, как воинственно вели себя капиталисты, когда чернорабочие предъявили им требования, *поддержанные всеми общественными организациями*, в том числе и губернским общественным комитетом.

Революционный штаб, образованный в Харькове после июльских дней, оказался беспомощным (или просто не хотел помочь рабочим) и перекладывал всю ответственность на пресловутую „комиссию Сипайло".

7 августа вспыхнула экономическая забастовка на Паровозостроительном заводе. Сдерживать расходившиеся страсти стало невозможно, и в тот же день, 7 августа, конференция фабрично-заводских комитетов сняла с себя ответственность за дальнейшие события. 8 августа в думе выступил Боярков: „Мы обращаемся к вам, — сказал он, — не потому, что боимся катастрофы, она неминуема, и вина за нее ляжет не на наши плечи, но мы хотим знать, какая фракция посмеет не пойти нам навстречу".

Дума отделалась ничего не значащей резолюцией.

Положение становилось день ото дня все обостреннее. Вслед за Паровозостроительным заводом волнения прокатились по остальным предприятиям.

На Русско-французском заводе, где чернорабочие составляли половину общего числа рабочих, решено было сначала объявить забастовку, но заводской комитет вынес этот вопрос на разрешение общего собрания; решили объявить *итальянскую забастовку*. На заводе Шиманского, несмотря на личное посещение завода Сипайло, чернорабочие отказывались стать на работу. Чернорабочие Всеобщей компании электричества присоединились к паровозникам. Чернорабочие завода Мельгозе — тоже.

При поддержке все того же „Металлиста", рабочие Харькова решили организовать внушительную демонстрацию, назначили день: 29 августа. Но неожиданно грянула *корниловщина*, — и харьковскому пролетариату было, конечно, не до демонстрации. Демонстрация 29 августа не состоялась.

Локаутчики между тем не сдавались.

Вслед за Паровозостроительным заводом они закрыли („на два месяца") завод Герлях и Пульст.

Рабочие ответили стихийной вспышкой: арестовали администрацию завода Всеобщей компании электричества, *„привели в порядок"* боевую дружину завода, арестовали директора завода Герлях и Пульст.

Это было каплей, переполнившей чашу.

Объединенный революционный комитет, высший орган власти в губернии, после корниловских дней вмешался, наконец, в „экономический" конфликт и заявил, что „берет на себя разрешение конфликта, не останавливаясь перед самыми решительными мерами,— *вплоть до ареста всего союза фабрикантов и заводчиков, если то потребуется*".

Забастовка стала более ненужной. Рабочие одержали верх в этой тяжелой борьбе. Быстро назревший после корниловщины Октябрьский переворот довершил победу, жизнь была переведена на новые рельсы [1]).

Меньшевики быстро теряли свой авторитет. Эсэры, благодаря расплывчатости своей позиции, еще держались на отсталых заводах *и в мелких мастерских*. Это показали перевыборы Харьковского совета в августе. Результаты были весьма интересны: *меньшевики еле получили 35—40 мест*, эсэры—130—150, большевики—120. Положение большевиков в совете заметно укрепилось: *фракция почти учетверилась* и заняла второе место после эсэров. Скромную оппозицию составила группка меньшевиков. *Выросла объединенная фракция украинских социалистов* (с.-р. и с.-д.). Последние в то время еще оказывали нередко поддержку большевикам и склоняли чашу весов влево.

Позиция „левых" эсэров, пробравшихся в совет, не отличалась яркостью, фракция была неоднородной в политическом смысле. Нечего и говорить, что *такой* совет, с такой пестрой политической физиономией, был лишен всякой принципиальной твердости и революционной последовательности. В исполнительный комитет совета вошло 15 эсэров, 12 большевиков [2]), 6 меньшевиков, 4 украинских социалиста [3]), 2 беспартийных и 1 анархист. Председателем исполкома был избран Кин (большевик), товарищами председателя—

[1]) Мы остановились только на важнейших этапах стачечной борьбы, главным образом чернорабочих, в этот период. Следовало бы еще указать на мощное стачечное движение печатников, иголочников и др. Во главе печатников стояли меньшевики, и этим объясняется характерный факт: отказ печатать большевистскую газету „Пролетарий" во время забастовки...

[2]) Артем, Руднев, Кин, Коваленко, Плахотников, Буздалин, Сапельников, Тиняков и др. От Харьковского комитета большевиков в исполком входили Рухимович и Мартьянов.

[3]) Павлюк, Медведев (будущий председатель ЦИКУК), Андрющенко и Мартьяненко. Представителями партии входили в исполком Петренко (украинский с.-д.) и Северо-Одоевский (украинский эсэр). Последний прибыл в июне в Харьков, как полномочный представитель Центральной Рады.

Светлов (меньшевик), Черневский (эсэр) и Северо-Одоевский (украинский эсэр), секретарями — Ерухимович (эсэр) и Мартьянов (большевик).

Редакторами советских „Известий“ *избрали одного меньшевика, одного большевика и одного эсэра.*

Благодаря нестойкому фракционному составу совета, постановления его нередко расходились с решениями исполкома, и наоборот. В исполкоме соглашательским духом веяло больше, чем в совете, так как эсэры и меньшевики бывали неаккуратно на собраниях совета, а украинцы, как мы уже упомянули, нередко поддерживали большевиков.

Таков был Харьковский совет во время *корниловщины.*

Разногласия наметились на городской конференции большевиков по вопросу об отношении к Московскому совещанию. Мартьянов сравнивал Московское совещание с государственной думой и утверждал: раз мы шли в государственную думу, почему бы нам не пойти на контр-революционное совещание?

Другие (Сурик, Эрдэ), возражали Мартьянову. В I государственную думу мы не посылали своих депутатов. Бывают, значит, такие условия, когда мы *не должны итти* „в хлев“ распространять свои идеи. Московское „государственное совещание“—„хлев“.

Принимать участие в подобном совещании значит ослабить готовность масс решить *по-иному* вопрос о судьбе революции. Мы накануне нового переворота.

Такова была позиция большинства харьковской организации. Эту же точку зрения защищали наши гласные в думе. Большевики отказались принимать участие в посылке делегатов на совещание, где соберутся „все организованные группы контр-революции, начиная с обломка романовско-столыпинских дум и кончая организациями локаутов и спекулянтов“.

Дума послала на совещание 3 эсэров (Карелина, Голубовского и Ладнова) и 2 меньшевиков (Маркова и Махрова).

От большевиков в думе выступил Картозия. „У нас есть другой путь для борьбы с контр-революцией,— сказал Картозия.— Мирная фаза русской революции окончилась. Надо вырвать власть из рук буржуазии“.

В конце августа, по получении известий из Петрограда о корниловском мятеже, исполком выделил из своей среды временное революционное бюро из 11 человек, поручив ему созвать широкое собрание революционных и демократических организаций. Военная власть перешла от начальника гарнизона, полковника Курилко,

к военному совету при начальнике гарнизона, куда входили меньшевики, эсэры и два большевика (Кин и Коваленко).

Исполком и временное революционное бюро, поверив сообщениям Керенского, выпустили воззвание „к гражданам г. Харькова", в котором утверждали, что „правительство стало, наконец, на путь борьбы с контр-революцией" и что „в этом оно встретит поддержку демократии". „Контр-революция,—говорилось в воззвании,—выявила свое черное лицо и с ней нужно бороться, бороться ожесточенно, а не демонстрировать против нее".

Демонстрация, назначенная ранее на 29 августа, поэтому отменялась. В виду чрезвычайной важности момента большевистский комитет призвал членов партии в боевые дружины и выделил „пятерку", наделив ее полнотой власти. В пятерку вошли: Сурик, Покко, Картозия, Ярослав и Эрдэ.

Снова, как после июльских дней, был созван чрезвычайный орган власти в губернии, так называемый революционный штаб или ревком, выделенный на собрании следующих организаций: исполкомов (обоих), областного комитета советов, губернской украинской рады, украинской войсковой рады, военного совета, центра заводских комитетов, центрального бюро профсоюзов, представителей полковых комитетов и комитетов социалистических партий.

После некоторой заминки в революционный штаб были допущены представители городской думы. Украинцы выделили особый украинский революционный штаб, но заявили на пленуме совета 29 августа, что будут действовать в полном контакте с революционным штабом.

В этот момент в городе и губернии было очень много самых разнообразных властей:

1. Исполнительный комитет рабочих и солдатских депутатов.
2. Исполнительный комитет крестьянских депутатов.
3. Объединенный революционный комитет.
4. Революционный штаб.
5. Областной комитет советов.
6. Губернская украинская Рада.
7. Украинский революционный штаб.
8. Губернская украинская войсковая Рада [1]).
9. Городская дума.
10. Губернский общественный комитет.
11. Губернский комиссар.
12. Военный совет при начальнике гарнизона.

[1]) Этот список далеко не полон. Свои „власти" были еще на железных дорогах, на телеграфе и пр. и пр.

И все эти „власти" претендовали на полноту, мешая друг другу, сплетаясь в один хаотический клубок, из которого трудно было найти выход, так как эсэры и меньшевики, наговорившись досыта, всегда кончали тем, что отвергали принцип советской власти, а это был единственный выход из лабиринта. Нужны были меры решительные, без оглядки назад, последовательно-революционные, те, которые намечались большевиками:

1. Вооружение революционных полков и рабочих.
2. Разоружение и расформирование контр-революционных частей.
3. Выборность командного состава.
4. Арест контр-революционеров.
5. Закрытие контр-революционных газет и реквизиция их типографий.
6. Реорганизация милиции на выборных началах.
7. Реквизиция нужных помещений для устранения жилищной нужды.
8. Реорганизация отделов труда, продовольствия и т. д.

Предстояла серьезная борьба с генеральско-помещичьей реакцией. Этого не могли не признавать даже меньшевики и эсэры. Поэтому, когда Керенский потребовал самороспуска чрезвычайных штабов, созданнных в момент корниловской авантюры, харьковский объединенный ревком решил *не подчиниться* приказу Керенского.

Но, когда большевики требовали в ясной форме, чтобы Харьковский совет объявил себя властью, мелкобуржуазная природа радикальствующих эсэров и меньшевиков неизменно выпирала наружу. Так было в конце августа или начале сентября, когда совет обсуждал „текущий момент" в связи с корниловским выступлением. Казалось, что в ответ эсэры (Ширяев, Качинский) признают свою ошибку и скажут: „Да, правы большевики. Вся власть советам!" Северо-Одоевский утверждал прямо, что „украинская демократия всегда поддерживала лозунги большевиков".

Но когда большевики поставили на голосование свою резолюцию („вся власть советам!"), она собрала 77 голосов *против* 90. Только малая группа украинских социалистов во главе с Медведевым голосовала вместе с большевиками. Петренко, Северо-Одоевский и другие голосовали *вместе с эсэрами*.

То же повторилось 12 сентября, когда совет должен был открыть свое лицо в связи с демонстрацией, назначенной на 14 сентября.

Большевики предложили следующие лозунги:

„Вся власть советам!"

„Долой войну!"

„Вся земля трудовому крестьянству — немедленно и без выкупа!“ и др.

Характерный инцидент произошел при обсуждении лозунга „Земля крестьянству!“

Когда Артем задал вопрос: „кто против этой резолюции, пусть скажет открыто?“ — раздался голос:

„Я против. Землю нужно дать крестьянам организованно“.

Это был Северо-Одоевский. Эсэры дружным голосованием *отвергли лозунг* „земля крестьянству — *немедленно* и без выкупа“.

В июне харьковские эсэры понимали (по крайней мере, на словах), что земельный вопрос нужно урегулировать *до Учредительного собрания*, в сентябре они утверждали иное.

Той же участи подвергся лозунг „Вся власть советам!“ (75 голосов *за*, 86 *против*).

Революционный штаб был не властью, а какой-то примирительной камерой. Там хозяйничали все, кому было не лень: эсэры, меньшевики, „украинцы“ и, отчасти, большевики.

Случайное большинство в совете или исполкоме давало перевес той или другой стороне. Власть валялась на улице.

ГЛАВА VII.

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ В КИЕВЕ.

В Октябрьские дни в Киеве заседали большие съезды—казачий и III всеукраинский войсковой. Оба съезда в момент Октябрьского переворота в Петрограде объявили себя боевыми единицами и сыграли немаловажную роль в киевских Октябрьских событиях.

Кроме военных украинских частей, сочувствующих большевикам, и юнкеров и казаков, верных Керенскому, в Киеве были еще чехо-словацкие отряды, настроенные выжидательно.

Рада кидалась от штаба к совету, от юнкеров и казаков к большевикам. Обычно принято изображать дело так, что Рада ловко провела большевиков 23 октября, убедив их в этот день вступить в Украинский революционный комитет (точное его название было „Краевой комитет спасения революции"), где на 20 украинцев приходилось 2 большевика[1]) и где составился своеобразный блок из украинцев, большевиков и даже казаков.

Рада еще не решалась и не могла открыто провозгласить свою власть. И не только Рада. Наличие „треугольника", т.-е. трех участников борьбы—штаба, Рады и ревкома,—затрудняло правильную ориентировку. „Треугольник" сковывал на известном этапе борьбы всех ее участников по рукам и ногам. Оглядываясь сейчас назад, трудно не согласиться с В. Затонским, что Рада тогда еще боялась разрыва, открытой схватки. Она хотела использовать обе стороны. Она не рисковала слишком поспешно расстаться с большевиками, хорошо понимая, что штаб расправится с украинцами после победы над советом. С другой стороны, страшно было итти против штаба, так как это значило поддержать рабочий класс, которого Рада боялась никак не меньше, а больше, чем „русоцентризма" Временного правительства.

Но тут возникает вопрос: почему же все-таки большевики

[1]) См. статью В. Затонского в газете „Коммунист" от 7 ноября 1924 года; там же говорится о причинах, побудивших представителей большевиков выйти впоследствии из Малой Рады.

„поймались на удочку“ и пошли в объединенный ревком, а затем после победы над штабом, как увидим ниже, добровольно уступили власть Раде. Как это могло случиться? Неужели можно было поверить в то, что Рада не предаст, не обманет?

Так нельзя ставить вопрос. Большевики были слишком слабы еще, чтобы в условиях „треугольника“ (забывать этого не следует) быстро добиться победы. Наконец, то, что теперь ясно после нескольких лет богатейшего опыта гражданской войны, было не совсем ясно в дни бури и натиска, когда соотношение сил менялось буквально каждый час. При этом не следует забывать еще одного обстоятельства, а именно, что важнейшей задачей, стоявшей в тот момент перед киевской большевистской организацией и пролетариатом, было оградить центр и север от эшелонов с Румынского и Юго-Западного фронтов, которые могли прийти на помощь Керенскому. В соглашении между большевиками и Радой было на этот счет ясно сказано, что Рада не пропустит ни одного эшелона на Москву, взамен чего большевики дали обещание воздержаться от выступления. На случай же, если бы казаки и штаб выступили с агрессивными целями, Рада и большевики по соглашению (тайному) должны были друг другу активно помогать. Но все это соглашение, как после оказалось, было построено на песке. Казаки вынудили Раду открыто выступить против Октябрьской революции. Золотарев отмечает, что когда вопрос об отношении к Октябрьскому перевороту в Петрограде был поставлен в Малой Раде, то „к великому смущению Грушевского и Ткаченка“, большинство, составившееся из правых украинских с.-д., социалистов-федералистов, других правых украинских и неукраинских фракций соглашательских партий, приняло резолюцию осуждения Октябрьского переворота.

После этого большевики демонстративно покинули „Краевой комитет спасения революции“ и Малую Раду, куда вошли только накануне после своего соглашения с радовцами. Еще до этого, примерно, 16—18 октября, большевики вышли из объединенного меньшевистско-эсэровского ревкома.

Вечером 25 октября накануне заседания Киевского совета, на котором должен был быть поставлен вопрос о власти, Рада издала приказ о соблюдении „нейтралитета“ в борьбе между штабом и большевиками. Борьба эта была неизбежна, и обе стороны готовились к ней открыто.

Толчок к восстанию был дан на историческом заседании совета 26 октября, на котором был избран новый ревком почти целиком из большевиков с небольшим представительством левых эсэров.

К этому же времени относится выпуск первой большевистской листовки на украинском языке, направленной против Рады. Штаб Киевского военного округа, чувствуя неизбежность восстания, начал тайно укреплять дворы в районе Банковской, Левашевской, Ольшевской, Кругло-Университетской и прилегающих улиц Печерска (самая возвышенная часть города, населенная зажиточными элементами).

В свою очередь ревком, выделенный Киевским советом, во главе с Ю. Пятаковым, перебрался на второй же день после избрания в Александровский дворец, который должен был стать опорной базой в борьбе против штаба. Но предоставим слово И. Кулику, дающему описание дальнейших перипетий борьбы не в качестве историка, а в качестве личного участника событий:

„Военно-революционный комитет приступил к работе. Важно было выяснить настроение украинских воинских частей, — и меня (как говорящего по-украински) с сочувствовавшим нам украинским эсдеком (не помню его фамилии) отправили на заседание III всеукраинского войскового съезда „для приветствия". Помню, цирк был переполнен серыми шинелями, но в президиуме блестели золотые погоны. На мой вопрос, с кем украинские солдаты — с Керенским или с Лениным, — раздался единодушный крик: „с Лениным, с Лениным!" Но президиум сумел вопросами об отношении большевиков к Центральной Раде и т. п. восстановить съезд против нас, и закончить речь мне не удалось, а моему спутнику и вовсе не дали говорить (между прочим, председательствовал на съезде тов. Микола Лебединец, был в президиуме и тов. Дудник — тогда украинские эсэры, а теперь члены нашей партии). Однако, когда мы вышли в фойе, нас окружила внушительная толпа солдат и матросов, обещая поддержку большевикам в случае вооруженного восстания. Действительно, весь день во дворец являлись представители различных воинских частей с заявлениями, что признают военревком и, несмотря на запрещение со стороны Центральной Рады, выступят под его руководством. Впрочем, большой поддержки эти части нам не оказали; да и неспособны были к активному участию в гражданской войне части, выделенные из развалившейся царской армии и составленные почти сплошь из украинских крестьян, пассивных в начале революции.

Работа военревкома велась не только в военной области. Помню, как отправили меня с покойным тов. Ник. Ник. Лебедевым к печатникам, чтобы при их помощи подчинить прессу контролю военревкома. Меньшевики мобилизовали свои лучшие силы и закатывали форменные истерики, однако печатники почти едино-

гласно приняли нашу резолюцию. Особенно горячо защищали эту резолюцию из печатников т.т. Перепечко и Клименко.

Правда, долго вести эту работу военревкому не пришлось. Уже 28 октября с утра начались события. По городу шла отрывочная стрельба, иногда взрывались гранаты, но никто толком не знал, в чем дело. После обеда подступы к дворцу стали заниматься юнкерами, казаками, офицерами. Красная гвардия, которою тогда руководили „нейтральные“ и „аполитичные“ элементы, стала понемногу оставлять дворец. Во дворце остался лишь военно-революционный комитет, партийный комитет и человек 200 солдат 148 пехотной воронежской дружины и, кажется, 1 Сибирского корпуса при двух пулеметах [1]). Странным казалось то, что и комитет эсэров (левых) остался в своей комнате во дворце.

Вечером, когда дворец был уже окружен со всех сторон врагами, прибыла туда делегация, составленная из представителей Украинской Центральной Рады, Генерального Секретариата, городской думы и „миролюбивых партий“: меньшевиков, эсэров, бундовцев и т. п. Тут стало понятным, почему комитет эсэров остался во дворце. „Видите, мы избавим вас от кровопролития“, — заявляли, торжествуя, эти „избавители“ [2]). Делегация обратилась к нам с предложением сдать оружие и дворец, после чего всем будут гарантированы („под честное слово“) свободный выход из дворца и полная неприкосновенность, при чем от нас даже не требуется обязательства прекратить борьбу против керенщины.

Тов. Ю. Пятаков при обсуждении этого вопроса в комитете высказал такие соображения: фактически, принимая эти условия, мы ничего не теряем, кроме 200 винтовок и дворца, который все равно ведь не годится, как опорная база; защищать дворец при таких ничтожных силах, какими мы тогда располагали, — бессмысленно. А приняв поставленные нам условия, мы сможем изменить свою базу, избрать ею, предположим, арсенал (оружейный завод) на Печерске (окраина Киева) и продолжать борьбу.

Скрепя сердце, мы выразили согласие на условия комиссии. Караул из 12 юнкеров (согласно условия) вошел во дворец, чтобы забрать сдаваемое нами оружие. Помню, как тяжело было расставаться с винтовками, на которые возлагалось столько надежд, как больно было признаваться самим себе в первой неудаче...

[1]) К тому же без оперативного руководителя, так как назначенный таковым тов. Пуике (тогда прапорщик) был по дороге во дворец арестован казаками.

[2]) Между прочим, был среди них и покойный тов. В. Александров (Амхаицкий), впоследствии — преданный и ответственный коммунист.

— Да, неудачную вы базу избрали, — говорил мне покойный уэсдек Ткаченко, присутствовавший при этом, как представитель Центральной Рады, — вам бы обосноваться на Печерске, еще Петром Великим избранном, как место „командующих высот“.

Поздние советы — думалось...

Между тем, юнкера вели себя почти провокационно, совали в карманы вещи, которые отнюдь не относились к вооружению, бросали оскорбительные остроты и т. п.

Вдруг ворвалась во дворец огромная пьяная толпа вооруженных казаков, офицеров, юнкеров и с угрожающим воем стала уничтожать все, что попадалось под руку:

— Бей большевика, убить Пятакова! — слышались выкрики.

Юрия Пятакова захватили на верхнем этаже и, заперши в какой-то комнате, стали голосовать: повесить ли его „на этом самом“ ремне или убить другим способом.

Мы бросились наверх...

— Отдайте нам товарища Юрия! — требовали мы.

Но пьяная разъяренная толпа загнала нас, обезоруженных (среди нас были и женщины), в другую комнату и стала там издеваться над нами, целясь из револьверов, приставляя к груди штыки, замахиваясь бомбами. Особенно старались офицеры, и гораздо спокойнее и человечнее держались рядовые казаки. Впрочем, один из казачьих офицеров заявлял, что „как с.-д. меньшевик“ не допустит насилий над нами; говорят, что это был Богаевский.

Наконец, прибыло „начальство“: помощник комиссара Юго-Западного фронта, д-р Григорьев, которого с чехо-словацкой дивизией и с ударными батальонами прислал „сам“ Керенский и знаменитый в свое время „Иван Иванович“ — Кириенко.

Успокоивши несколько толпу, Григорьев обратился к нам:

— Поскольку вам обещали свободный выход из дворца, мы это обещание выполним; мы вас отсюда выпустим, но переарестуем всех вас на ваших квартирах, — таков приказ Керенского. Кроме того, имейте в виду, что за воротами вас ждет возмущенная вами толпа, и самосуда вам не избежать. Если же вы добровольно объявите себя арестованными, то мы вас препроводим в штаб под надежными караулом.

Мы прервали эту хитроумную холуйскую дипломатию:

— К чему ломать глупую комедию — мы ведь и так уже фактически арестованы.

И нас повел караул под предводительством генерала Трегубова в помещение штаба Киевского округа, где мы, под постоянной

угрозой самосуда, провели трое суток. Вместе с нами, из солидарности, пошли и находившиеся во дворце небольшевики. Из них помню анархистку Зуеву и эсэрку Лидию Соркину; однако мы настояли на том, чтобы их немедленно освободили, и под арестом осталось 14 членов и эмиссаров военно-революционного комитета.

Захватившн дворец, пьяная толпа юнкеров и казаков учинила в нем форменный погром. Уничтожено были все, что попалось под-руку не только в комнате № 9, где помещался военно-революционный комитет, но и в помещениях всех партий, не исключая мелкобуржуазных, и в помещении Совета рабочих и солдатских депутатов. Когда одному иностранному журналисту показали фотографические снимки разгромленного изнутри дворца и спросили, что это, по его мнению, изображает, он, не задумываясь, ответил:

— Последствия землетрясения в Сицилии...

Военное столкновение между штабом и ревкомом, подготовлявшееся издавна обеими сторонами, было ускорено попытками штаба не допустить вооружения рабочих и разоружить их по мере возможности.

15 октября ревком тщетно пытался получить снаряды и патроны из артиллерийского склада; узнав об этой попытке, командующий войсками округа категорически запретил выдачу оружия и патронов из складов без личного распоряжения командующего войсками. В ночь с 15 на 16 октября штаб задумал широкий план одновременного разоружения рабочих и разгрома большевистских организаций.

Сохранился протокол обыска одного из профессиональных союзов, где юнкера под командой штабс-капитана Левицкого и чины милиции забрали винтовки, выданные союзу Советом рабочих депутатов. Одновременно юнкера громили типографию Совета рабочих депутатов.

Арест членов ревкома явился каплей, переполнившей чашу. Из членов большевистского комитета на свободе оставались в это время Андрей Иванов[1]) и В. Затонский. По рассказу Иванова, организация нового революционного комитета произошла при следующих обстоятельствах.

Ночью в 4 часа к нему прибежали арсенальцы и сообщили, что революционный комитет арестован[2]).

[1]) Умер от туберкулеза под Москвой 10 июня 1927 года и похоронен в Киеве.

[2]) Арестованы были: Ю. Пятаков, Л. Пятаков, М. Зарницын, Я. Гамарник, И. Кулик, М. Чурнер, Лаврентий (Карквелишвили, председатель Совнаркома Грузии в 1927 году), Д. Иткинд, И. Крейсберг, В. Введенский, В. Бухарцева,

Сейчас же было созвано совещание из представителей заводов и воинских частей. В борьбе против штаба можно было опереться прежде всего, конечно, на арсенал и на те части, которые были расположены на Печерске: авиационный парк, понтонный батальон и запасные дружины. На совещании присутствовали также некоторые представители украинских частей.

Решение выступить открыто против штаба было поддержано всеми [1]). Сигналом к восстанию должно было послужить появление аэроплана в тот же день в 5 часов вечера. Сигнал был дан своевременно, и выступление началось. Но оно не было хорошо организованным и дружным. В восстании участвовал почти один Печерский район, не считая отдельных заводов из других районов, стремившихся присоединиться к восстанию в верхней части города. Однако же это было не так-то легко. Печерск был отрезан со всех сторон юнкерами. Украинские полки не выступили. Ревком в составе А. Иванова, Карпенко и Богданова (от авиационного полка) не имел оружия в достаточном количестве и выдавал по пяти патронов на бойца с предложением зря не стрелять. 28 октября юнкера перешли в наступление по Александровской улице, но были отбиты и потеряли до 80 человек.

Предательская позиция Центральной Рады грозила сорвать восстание окончательно. Андрей Иванов пытался найти общий язык с Радой. Пробравшись в город, он связался с Генеральным Секретариатом и задал его представителям в упор вопрос, почему украинские войска не выступают. Порш ответил уклончиво, что необходимо подтянуть силы, прежде чем выступить, что наличных сил недостаточно для успешной борьбы с штабом. А. Иванов и В. Затонский пытались действовать другим путем, установив прямую связь с украинскими частями. Отдельные группы солдат-украинцев стали прибывать самостоятельно в арсенал.

В думе в это время произносились громовые речи против большевиков, эсэры читали телеграммы о ликвидации мятежа и победоносном вступлении гатчинских войск во главе с Керенским в Петроград. Настроение городской думы было испорчено выступлением А. Иванова, который потребовал освобождения арестованных,

Бернгейм (член иногородной организации, находился во дворце в момент ареста ревкома), Н. Лебедев, Р. Ицковский (был арестован отдельно, не во дворце; Ицковский руководил союзом металлистов) и два беспартийных рабочих. Под замком оказалась почти вся руководящая головка киевской организации.

[1]) „Когда киевские рабочие и солдаты узнали об аресте четырех вождей и о разгроме совета, они без колебаний восстали. Не надо было больше ни митингов, ни прокламаций" (И. Кулик. „Летопись Революции" № 1, 1922 г.).

угрожая в противном случае открыть огонь по городу. Дума не подозревала, что у большевиков не было снарядов, и что выполнить свою угрозу они не были бы в состоянии. Меньшевики перетрусили и просили не проливать напрасно крови. Тогда Андрей Иванов потребовал свидания с арестованными, и Григорьев выдал ему тотчас же разрешение. В штабе Иванова встретили с улюлюканьем и свистом, были попытки задержать его. Иванов хладнокровно заявил, что в случае, если он будет задержан, большевики будут знать, как им действовать, и от штаба останутся только щепки. Свидание Иванова с Ю. Пятаковым состоялось в присутствии прокурора. Они обменялись всего тремя фразами, но Иванов понял, что Пятаков высказывается за доведение восстания до конца.

В тот же вечер дума, по настоянию Иванова, выделила комиссию для расследования обстоятельств ареста Пятакова и др. В комиссию вошли представители думы, Центральной Рады, штаба и Андрей Иванов от большевиков. Арсенальцы согласились заключить перемирие с штабом впредь до окончания работы комиссии. „Передышка" была использована ими для подвоза в арсенал 750 снарядов и 1.500 тысяч патронов. Комиссия бесплодно старалась договориться о взаимоотношениях Рады с правительством Керенского; что же касается участи арестованных большевиков, то этот вопрос ими откладывался в долгий ящик. Между тем, арсенал уже обладал к тому времени реальной силой и мог бы открыть стрельбу по штабу. Этому мешало только то, что там сидели арестованные члены ревкома, и стрельба по штабу грозила им опасностью так же, как и юнкерам. От мысли стрелять немедленно пришлось поэтому отказаться. На помощь пришла военная хитрость. Иванов утверждает, что, зная трусость меньшевиков, он сговорился с товарищами сделать вылазку, пробраться на улицы, расположенные близ штаба, и открыть пальбу. Это было проделано, и как только послышались выстрелы, все совещание переполошилось, крича: „кровь, кровь пролилась". Иванов тогда заявил, что, если арестованные будут освобождены, бой сейчас же будет прекращен.

Хитрость удалась как нельзя лучше. Арестованные были освобождены и сейчас же направились в арсенал[1]).

В совещании остался один Иванов, который после освобождения членов ревкома переменил тон в разговоре с представителями

[1]) Протокол заседания комиссии „по выработке условий прекращения военных действий в г. Киеве" от 31 октября, на котором было принято решение об освобождении арестованных большевиков, напечатан в „Летописи Революции", № 4 (9) за 1924 год.

штаба. Комиссия продолжала обсуждение взаимоотношений Рады с Керенским, как вдруг Иванов встал и попросил слова для внеочередного заявления. На него взглянули удивленно. Иванов, не смутившись, предъявил штабу ультиматум — сдаться, в противном случае — будет открыта стрельба. Штаб мог раздумывать не больше получаса — таково было решение ревкома. Совещание было, конечно, прервано. Поведение большевиков встретило самое резкое осуждение со стороны всех представителей комиссии; они грозили „стереть большевиков в порошок". Однако через 15 минут пришло сообщение, что штаб снялся и уехал неизвестно куда.

Таким образом, октябрьские события окончились победой ревкома. Рада в них не принимала непосредственного участия. Она выжидала свое время.

А. Золотарев утверждает, что руководство борьбой против штаба велось совместно с большевиками и украинским „Комитетом спасения революции". Это, как и другое утверждение Золотарева, что после разрыва с Радой большевики „еще некоторое время заседали совместно с паритетным[1]) комитетом", опровергается свидетельством В. Затонского, который так объясняет позицию Рады в тот момент:

„Что разрыв произошел до начала революционной борьбы со штабом, что Центральная Рада в тот момент неохотно шла на формальный разрыв, что, наконец, во время драки она сохраняла нейтралитет, борясь против активного участия в бою украинских частей, — я это утверждаю, как участник событий. Тов. Золотарев до сих пор еще не может понять, как могла Рада сохранять нейтралитет. А мне за попытки вывести украинские части из состояния пассивности бока мяли... и в тот же день я, вместе с Поршем, тов. Муну обрабатывал... И я не уверен, что в то же время Рада со штабом против нас не сговаривалась.

„В том-то и дело, что дни, в роде Октябрьских, дни огромных сдвигов масс, характерны сложнейшим и путанейшим переплетом настроений, путаницей взглядов, изломом политической линии и просто метанием, особенно для мелкобуржуазной среды!"

Мы уже упомянули вскользь, что отдельные украинские части, к величайшему негодованию Рады, примкнули к большевикам; из большевистских частей следует отметить:

III авиапарк, понтонный батальон, телеграфную роту, 146 и 147 пехотные Воронежские дружины. Что касается украинских полков, то расслоение уже закрадывалось и в их состав, но в тот момент еще

[1]) Так почему-то Золотарев называет „Комитет спасения революции".

в недостаточной степени. Большинство украинских частей все же соблюдало в Октябрьские дни нейтралитет. Это видно из того факта, что всего было убито во время Октябрьских боев керенцев 400, большевиков — 19, а украинцев — 1 человек.

Так или иначе победа была достигнута, и сравнительно быстро. 31 октября все было кончено. Легкость этой победы надо объяснить тем, что новый ревком не повторил ошибки старого и избрал базой арсенал на Печерске, а также той организованностью, которую проявил киевский пролетариат в эти дни, объявив забастовку в ответ на арест ревкома. В то время, как весь город остался без света, воды, трамвая и хлеба, арсенальцы получали хлеб от союза пекарей.

После разгрома штаба из Киева были удалены не только части Керенского, но и чехо-словацкие отряды. Часть чехо-словаков во главе с Муной перешла впоследствии на сторону большевиков и боролась против Рады.

До Октябрьских боев власть в Киеве была в руках „тройки", выделенной городской думой. В состав этой тройки входили генерал Квецинский, Кириенко (б. член II государственной думы), политический комиссар округа, ставленник меньшевиков, и комендант К. Василенко, меньшевик. Власть в руках этой тройки была до известной степени номинальной. В Киеве не было одной определенной власти и в то же время было три центра или, если угодно, три власти: кадетский центр (войсковые части из штаба округа), Генеральный Секретариат, опиравшийся на селянские спилки и войсковую раду, и Киевский Совет рабочих депутатов (отчасти Совет солдатских депутатов), где большевики к тому времени уже имели преобладающее влияние.

После Октябрьских боев власть на некоторое время могла быть легко захвачена ревкомом. Пятаков выдвигал требование в этом духе. Киевский комитет партии намечал пути использования власти (о захвате власти не приходилось говорить: в этот момент ее не у кого было захватывать). Затонский свидетельствует, что у киевских большевиков не было, однако, ясного представления о том, с чего начать завоевание фактической власти. В тезисах, представленных комитету партии, по его предложению, Затонским и Гальпериным, говорилось о вооружении рабочих и об организации рабочей милиции. Комитет нашел этот проект недостаточным, „но как-то так случилось, что никто ничего более определенного и напоминающего советскую власть не предложил". Решено было сосредоточить все внимание на предстоящих перевыборах Советов рабочих

и солдатских депутатов; надо отметить, что оба эти совета, по настоянию большевиков, впервые объединялись. Однако же в новом объединенном совете и исполкоме получилось неожиданно не весьма благоприятное соотношение сил: большевикам досталось в исполкоме из 30 мест только 14; остальные 16 распределялись между меньшевиками, эсэрами и украинцами, выступавшими после падения Керенского единым фронтом против большевиков. Этой ситуацией превосходно воспользовалась через короткое время Центральная Рада. Теперь, после многолетнего опыта гражданской войны, ясно, что удержать надолго в Киеве власть советов без предварительного разгрома Рады было невозможно, ясно, что попытка Киевского комитета партии и ревкома создать советскую власть без подготовки условий для возможности ее удержания была обречена на неудачу. Вот почему мы считаем необоснованными упреки, повторявшиеся неоднократно по адресу киевлян, что они после удачных боев с штабом „отдали", якобы, рабочих под власть Центральной Рады.

ГЛАВА VIII.

ОКТЯБРЬ В ХАРЬКОВЕ.

В Харькове переход власти к советам совершился относительно спокойно, без той напряженности, какая была в Петрограде, Москве и Киеве. Захват власти в Харькове не был, однако, столь безболезненным, как многие себе это представляют. Нередко приходится наталкиваться на утверждение, что „в Харькове не было Октябрьских дней". Это неверно.

Октябрьские дни были и в Харькове — примерно, в декабре, если под Октябрем в Харькове иметь в виду разоружение петлюровских частей, или в ноябре, если исходить из формального признания советской власти Харьковским городским Советом рабочих депутатов.

Думается, что правильнее будет считать харьковским Октябрем фактический захват власти, что следует отнести к моменту разоружения украинских частей.

К этому времени в Харькове сформировалась довольно многочисленная Красная гвардия. Организация первых боевых рабочих дружин на заводах относится ко времени корниловщины. До этого момента „не только рабочие массы Харькова, но и огромное количество членов партии не имели оружия"[1]). Один из участников вечера воспоминаний об Октябрьских днях (на вечере Харьковского Истпарта 17 сентября 1922 г.), Папков, отмечает, что организация вооруженных рабочих дружин в Харькове относится к сентябрю. „При каждом заводе, даже небольшом, где было 100 — 150 человек, была ячейка Красной гвардии".

Интересные воспоминания Кина, одного из активнейших организаторов Харьковской Красной гвардии, касаются вопроса о том, как Красная гвардия добывала необходимые ей винтовки, пулеметы и огнестрельные припасы.

Первый транспорт оружия удалось достать в Туле.

Об этом эпизоде Кин рассказывает следующее:

[1]) С. Покко. „Летопись Революции" № 1, 1922 г.

„На мне, как на члене исполкома, лежала задача использовать все возможности, чтобы достать оружие через исполком. Все, что можно было достать, передавалось в Харьковский комитет партии, который отправлял оружие дальше — по районам и заводам, где велась непосредственная работа по организации Красной гвардии. Небольшое количество оружия было добыто, но вскоре выяснилось, что в Харькове оружия в достаточном количестве мы получить не можем, а что достать его нужно в Туле.

„Так как тульский завком весь состоял из меньшевиков, и, благодаря этому, только меньшевики могли получить оружие, нам пришлось заключить сделку с меньшевиками — Поляковым и некоторыми другими, чтобы оружие получить.

„Помимо этого, нам пришлось достать меньшевистскую печать и сфабриковать поддельные бумаги. С нами поехали наши товарищи в Тулу и достали транспорт оружия".

Поляков, на которого указывает Кин, приводит некоторые подробности получения оружия из Тулы. По свидетельству Полякова, донецкие рабочие потребовали от областного комитета советов содействия в выдаче им оружия.

„Вопрос несколько раз выносился на обсуждение, и хотя входивший от меньшевиков в областной комитет Николай Евгеньевич Попов, очень правый тогда меньшевик, лично старался всячески этот вопрос смазать и сорвать, но и он, не имея возможности получить твердые директивы от меньшевистского комитета, что оружия не надо, вынужден был голосовать в областном комитете за то, что надо снарядить делегацию в Тулу и раздобыть оружие. Официально были избраны для этой цели я и Николай Данилевский, так как на посылку нас единогласно согласились все члены областного комитета. На помощь Данилевскому большевики уже от себя делегировали Сапельникова и Пастера. Я сразу крепко с ними сошелся и откровенно заявил, что твердо стою на той точке зрения, что рабочим без оружия не обойтись для защиты революции и что нам надо работать рука об руку для того, чтобы это оружие раздобыть.

„В Туле нам пришлось очень трудно. Совет рабочих депутатов имел там большинство меньшевиков, а завком тульского оружейного завода состоял также из меньшевиков, среди которых было много правых. Пользуясь именем Харьковского совета, который был известен как меньшевистский, я, как секретарь совета, захватил с собой второй экземпляр печати, и с большим трудом, путем целого ряда уговоров и уверений, что оружие не попадет к боль-

шевикам, что выдача его на месте будет контролироваться меньшевистской организацией, мне удалось получить ордер на завод на выдачу оружия на довольно большое количество, а именно около 5.000 винтовок, около 300 пулеметов и около 5 вагонов патронов. Несмотря на ордер исполкома, на самом заводе пришлось начинать волынку сначала, за исключением получения патронов, так как на патронном заводе у большевиков были хорошие связи. Наконец, оружие было получено".

За получением патронов, которых недоставало к наганам, также полученным из Тулы, Харьковским партийным комитетом был командирован в Петроград Эрдэ. Юренев, комиссар питерской Красной гвардии, пошел навстречу требованиям харьковской организации и распорядился выдать патроны. Из завода их удалось благополучно вывезти на вокзал, но здесь патроны были задержаны преображенцами, которые усомнились в законности мандата Эрдэ. По настоянию последнего, преображенцы поехали в Смольный, где недоразумение выяснилось, но ящики за сутки успели совершить круговое путешествие: с вокзала в Преображенские казармы (на Кирочной), оттуда в Петропавловскую крепость и, наконец, снова на Николаевский (сейчас Октябрьский) вокзал. В результате часть ящиков была вскрыта и наполовину выпотрошена. Все же большая часть патронов была доставлена в Харьков благополучно и роздана членам партии, получившим наганы (раздачей или, вернее, продажей оружия ведал Сурик, который брал по 85 руб. за наган с члена партии, при чем деньги шли на нужды газеты).

В организации вооруженных большевистских сил в Харькове сыграл известную роль „Латышский культурный центр", преобразованный из латышского подрайона Петинского района партийной организации, который захватил Дом трудолюбия (на Конной площади) и превратил его в опорный стратегический пункт. Члены „Латышского культурного центра" были поголовно вооружены.

Во главе Красной гвардии стоял центральный штаб, куда входили Рухимович, Пастер, Корнеев, Гринь и Чепурнов. По свидетельству В. Моргунова, на заводах принимали активное участие в организации Красной гвардии следующие лица: Покко, Киркиж, Пине (завод Всеобщей электрической компании), Яковлев и Нехаенко (Паровозостроительный), Ширяев (Гельфериx-Саде), Стебаев (Мельгозе), Бобков (проволочный), Шаповалов и Костромин (союз строительных рабочих), Пасечников (швейники), Лесовой, Мирошниченко А. и Мирошниченко В. (трамвай), Сербиченко,

Скороход, Кабаненко (железнодорожники), Алексей Иванов и Скарбатовский (завод Шиманского)[1]).

Мы выше упомянули, что формально Харьковский совет признал себя властью 10 ноября, но еще до этого момента военная власть фактически была в руках ревкома.

Сначала в ревком входили и представители украинских партий, но затем они оттуда вышли. Образованию ревкома предшествовал любопытный разговор между Кином, как председателем исполкома, и губернским комиссаром, ставленником Керенского. Делясь воспоминаниями об этой беседе на вечере Харьковского Истпарта, Кин сообщил:

„Числа 27 — 28 октября, в точности не помню, мне сообщили, что в Москве идет бой. Я сейчас же позвонил в Московский Совет рабочих депутатов, запрашивая, что делается в Москве. К телефону подошел тов. Смидович и сообщил, что в Петербурге власть уже взята советами. В Москве идет бой. Необходимо в Харькове взять власть, а также сообщить во все места о немедленном взятии власти советами.

„Разговор мой велся из кабинета бывш. губернского комиссара, ставленника Керенского, который присутствовал при этом. Услышав, что Москва дала распоряжение взять власть в руки советов, Кузнецов спросил: „Как вы поступите, как председатель исполкома?“ Я ему отвечал: „Вашей власти больше нет. С этой минуты объявляю власть советов, а вы можете отправиться на все четыре стороны“.

„Я поднялся к себе в кабинет, где застал секретаря исполкома Ерухимовича, левого эсэра. Поставил его в известность обо всем происшедшем и задал ему вопрос: „С кем вы,— с нами или против нас?“ На это он ответил: „Я работал с вами до сих пор, мы пойдем вместе“. Тогда я ему велел немедленно пойти в ХК[2]) и пригласить всех членов комитета в исполком, так как на телефонные звонки никто не отвечал. Сам я позвонил в железнодорожный штаб Красной гвардии тов. Корнееву — начальнику Ивановского железнодорожного района, чтобы он собрал Красную гвардию и явился в исполком. Далее я сообщил Коле Рудневу, Абраму Петриковскому, чтобы они немедленно явились туда же. В это

[1]) Большая часть вооруженных сил в тот период и позже представляла отдельные отряды. Впоследствии Антонов-Овсеенко сформировал из этих отрядов Таганрогский полк. Надо также отметить студенческий отряд, сформированный по инициативе студентов-большевиков; он был малочисленный (до 40 человек), но оказывал весьма энергичную помощь в борьбе с бандитизмом.

[2]) Харьковский комитет большевиков.

время Ерухимовичем были разысканы Федя Тиняков и член исполкома Павлов — левый эсэр. Когда явились Коля Руднев и Абрам, было решено немедленно занять 30-м полком (большевистским) вокзалы Южный и Балашовский, государственный банк, главную почту и телеграф. Рабочей Красной гвардией были заняты исполком, телефонная станция, междугородная станция и целый ряд других. Тут же было сообщено по телефону в Юзовку, Полтаву, Ростов, Бахмут и по уездным городам Харьковской губернии о том, что в Харькове власть захвачена советами и чтобы там было сделано то же. В 10 часов утра был созван исполнительный комитет, который избрал военно-революционный комитет под председательством тов. Артема, и военная власть перешла к революционному комитету".

В дальнейшем ревком официально устранил старого губернского комиссара и его помощников. Новым губернским комиссаром был избран А. Попов (украинский эсэр), его помощником Тимошенко (украинский с.-д.).

Что касается основной организации времен керенщины — общественного комитета, — то еще 12 мая совет решил отозвать из него своих представителей; представители совета оставались „временно" только в исполнительном бюро комитета. Бессилие общественного комитета сказалось ярко в инциденте с реквизицией советом типографии газеты „Утро". Типография принадлежала А. Жмудскому, заключившему когда-то договор с представителями организации эсэров о предоставлении типографии в их пользование.

Неизвестно по чьей вине (Жмудский уверял, что по вине эсэров) договор был расторгнут, и Жмудский заключил новый договор с представителями партии кадетов. Совет решил реквизировать типографию и передать ее эсэрам.

Общественный комитет метал громы и молнии, но, чувствуя свое бессилие, санкционировал реквизицию типографии, умоляя в то же время совет впредь не производить других самовольных реквизиций.

В Харькове наметились к этому моменту три основных политических центра:

1) Совет рабочих и солдатских депутатов; 2) ревком; 3) Украинская Рада.

Вокруг ревкома были организованы эсэры и меньшевики, стоявшие на позиции „Викжеля", сюда же примыкал областной комитет советов.

Вокруг Украинской Рады концентрировались силы буржуазно-национальной контр-революции; „украинцы" имели в своих руках губернский комиссариат и пост начальника гарнизона.

Между советом и ревкомом не было идентичности. Ревком был определенно соглашательским; что касается совета, то он был, правда, не всегда, но, по крайней мере, изредка вполне революционным, в виду гегемонии большевистской фракции, опиравшейся на раскол в рядах эсэров и украинских социалистов.

Второй шаг на пути к захвату власти был сделан 10 ноября на заседании совета.

Председателем заседания в этот исторический вечер был В. Межлаук, товарищами председателя — Друян (серповец), Куприянов (меньшевик) и Медведев (украинский с.-д.), секретарями — Полетаев (большевик) и Павлов-Сильванский (эсэр).

С докладом о реорганизации совета выступил Ерухимович (левый эсэр), предложивший схему отделов реорганизованного совета [1]).

После Ерухимовича выступили Артем, Г. И. Петровский, Матидов, а также часть левых эсэров.

Совет утвердил предложенную схему и принял большинством 120 голосов против 75 следующую резолюцию:

„Харьковский Совет рабочих и солдатских депутатов приветствует свержение рабочими, солдатами и матросами правительства

[1]) Не безынтересно остановиться на этой схеме, первом грубом наброске советского аппарата власти. При совете должны были быть организованы 13 отделов с подотделами.

1. Отдел труда. Подотделы: профессиональный, обмена рабочих сил, спроса и предложения труда, статистический.

2. Продовольствия. Подотделы: местный: а) продукты питания, б) мануфактурный, в) обувный, г) статистический; областной.

3. Связи.

4. Иногородный.

5. Муниципальный. Подотделы: местного самоуправления, жилищный.

6. Земский.

7. Юридический. Подотделы: следственный, конфликтный, помощи населению юрисконсультскими советами.

8. Агитационный. Подотделы: местный, иногородный, связи.

9. Госпитальный.

10. Призрения семейств призванных. Подотделы: снабжения, пенсий и пособий, юридический.

11. Мандатный. Подотделы: мандатный, наказный, проверочный.

12. Финансовый. Подотделы: снабжения, контроля, бюджетный.

13. Транспортный. Подотделы: железнодорожный, гужевой, водный.

Кроме этих отделов, при совете должны были функционировать такие части: общее делопроизводство, бухгалтерия, контроль и касса.

буржуазно-контр-революционного, возглавлявшегося Керенским, приветствует все резолюции, принятые II съездом советов, и признает выбранный им Центральный исполнительный комитет законным органом, приветствует единственное, законное общероссийское правительство Народных Комиссаров, созданное и ответственное перед Центральным исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов, а по созыве II Всероссийского съезда крестьянских депутатов, и перед Центральным исполнительным комитетом крестьянских депутатов; приветствует имеющие силу закона все неотмененные декреты Совета Народных Комиссаров. Признавая желательность организации страны на федеративных началах и приветствуя почин Украинской Центральной Рады, объявившей Народную республику Украины, мы признаем, что и на Украине, как и во всей остальной России, вся власть и на местах и в центре должна принадлежать съезду Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и секретариату, и приложим все старания созвать в самый кратчайший срок Украинское Учредительное собрание".

Читатель без труда уловит некоторые двусмысленности и недоговоренности в резолюции, но не следует упускать из виду, что большевики имели непрочное большинство в совете даже при поддержке части эсэров и „украинцев". К тому же в ноябре наши отношения с Радой еще не были окончательно испорчены.

Совет рабочих и солдатских депутатов перешел из рук эсэро-меньшевистского блока в руки большевиков. О том, чтобы вырвать немедленно, по примеру Совета рабочих и солдатских депутатов, из рук эсэров Совет крестьянских депутатов—не могло быть и речи. Для достижения этой цели нужна была продолжительная, упорная работа; она только начиналась. Оставалось также выбить почву из-под ног украинских шовинистов. Надо было лишить их реальной опоры, что могло выразиться только в разоружении украинских частей. Решительные шаги в этом направлении были предприняты в начале декабря.

Непосредственно после Октябрьских дней в рядах харьковской партийной организации были некоторые шатания, наблюдалась неуверенность в себе, в своих силах.

Артем был в эти дни в Питере; Рухимович был настроен вначале выжидательно, но затем высказался решительно за разоружение украинских броневиков.

По утверждению Киркижа, „у массы членов партии рабочих была склонность к взятию власти". Что касается руководителей

организации, то, как продолжает Киркиж, „верхушка колебалась". „Возьмем власть,—говорил Рухимович, но я боюсь, что у нас нет сил, мы не справимся"[1]).

Такие же колебания наблюдались и в вопросе о разоружении петлюровских, эсэровских частей. Почти одновременно с организацией отрядов Красной гвардии происходила так называемая украинизация некоторых полков (жупанников), из них наиболее организованы были пехотный полк на Москалевке и кавалерийские части в Балаклее. Некоторую опасность представлял также эсэровский броневой дивизион на Мироносицкой улице. 7 декабря в городе заметно было нервное настроение в связи с ультиматумом, посланным Совнаркомом Центральной Раде, а также в виду массовых обысков, производившихся красногвардейцами в столовых и гостиницах. 8 декабря не вышел вследствие забастовки печатников „Южный Край". Это усилило панику в некоторых кругах. В тот же день 8 декабря были заняты (отрядами Сиверса) почта, телефон, телеграф и управление Южных железных дорог.

Служащие почты, телеграфа и телефона забастовали. Назначенный ревкомом комиссар почты и телеграфа уволил бастующих.

По инициативе меньшевиков и бундовцев в городской думе было созвано совместное заседание всех партийных комитетов.

Большевики потребовали на этом заседании: 1) пропуска сырья в Россию, 2) посылки в Россию продовольствия, 3) свободного проживания на Украине русских солдат, демобилизованных из старой армии, 4) свободного пропуска Красной гвардии на Дон, где Каледин организовал казаков на помощь Корнилову.

На эти требования украинцы отвечали, что не будут препятствовать вывозу в Россию сырья и продовольствия и что выселять русских они тоже не будут и предоставят им свободный выезд. За это они потребовали вывода из города отряда Сиверса. Однако, пока шли переговоры, большевики подготовлялись к захвату украинского авто-бронепарка. Был выработан план. Сущность его, по словам Покко, заключалась в следующем: „Везде по углам улицы были расставлены конные пикеты уланов на белых конях с пиками по семь человек. Уланы эти прибыли вместе с тов. Сиверсом из Петербурга. Резерв красногвардейцев с заводов ВЭК и Шиманского был размещен по разным учреждениям. На Мироносицкой ул. стояло орудие на случай, если бы была попытка из парка выдвинуть авто-броневики. Была разбросана также пулеметная цепь. Резерв надежный. Тыл обеспечен на случай нападения украинского

[1]) „Пять лет". Харьков, 1922 г.

полка из Москалевской казармы". В общем разоружение броневиков не встретило особых затруднений, как и предсказывал Рухимович.

Одна деталь. Покко утверждает, что на упомянутом заседании присутствовал, якобы, Петлюра. Это явная ошибка, так как Петлюра в этот период, да и позже, в Харькове не бывал. Нам лично вспоминается другое заседание комитетов всех партий, входивших в совет, в б. Дворянском собрании. На этом совещании председателем был Н. Е. Попов, товарищем председателя—приехавший из Питера большевик Муранов. С одной из реплик выступил Лугановский. Речь шла о примирении всех „социалистических" партий, но в это время с нашей стороны, как уже сказано, не прекращалась деятельная подготовка к разоружению броневиков и других антисоветских частей. Оппортунисты считали себя одураченными тем, что во время переговоров об „умиротворении" нами как-раз обезоруживались гайдамаки.

По сведениям, которые в свое время были напечатаны в местной прессе, днем 9 декабря случайно было убито двое местных граждан у б. Дворянского собрания (на Николаевской площади, теперь площадь Тевелева). При разоружении „гайдамаков" оказалась раненой случайно проходившая по улице женщина. Таковы жертвы Октябрьских боев в Харькове[1]).

Заняв ряд учреждений, в том числе радиостанцию, Красная гвардия рассыпалась по городу в виде патрулей.

Характерно, что среди украинских солдат произошел раскол: часть сотен (11-я, 12-я, 14-я) сдала добровольно оружие, батальон сдался целиком и даже сам открыл стрельбу „по своим". Часть офицеров была тут же арестована.

У контр-революции оставался последний оплот — чугуевское гнездо, где юнкера (в Чугуеве находилось военное училище) могли составить значительную силу.

В ночь на 30 октября до Харькова дошли слухи, что юнкера выступили в походном порядке по направлению на Харьков. Железнодорожники разобрали часть полотна; на станции Харьков-товарная поставили артиллерию с прикрытием; прекратили всякое движение поездов.

Исполнительное бюро ревкома хотело предупредить кровавое столкновение и послало своих представителей (в том числе большевика Мартьянова) в Чугуев. К вечеру 30 октября (делегаты бюро выехали утром) они не вернулись. Как выяснилось позже, они

[1]) По свидетельству Гулого, при разоружении украинских броневиков были только раненые, но не было убитых.

были арестованы офицерством, во главе которого оказался небезизвестный штабс-капитан Ладнов, бывший председатель совета солдат-крестьян. 31 октября в Чугуев выехала новая делегация ревкома с представителями думы. После долгих издевательств прежние делегаты были, наконец, выпущены на свободу [1]). Выяснилось, что юнкера действительно пытались добраться до Москвы на помощь думе. С этой целью часть из них направилась в ночь с 29 на 30 октября на вокзал, и так как им не удалось получить вагонов в обычном порядке, то они захватили их силой. В вагонах находились раненые солдаты, юнкера заставили их высадиться.

Двинуться дальше юнкера, однако, не решились. Они ограничились тем, что несколько дней терроризировали чугуевский совет и арестовали председателя совета Стаховского, заставив его предварительно выдать им берданки.

Против Харькова юнкера не посмели выступить. Последняя надежда Харьковского „Комитета спасения революции" рухнула.

Но комиссары Керенского еще не сдавались. По Харькову расклеивались их воззвания о поддержке не существовавшего уже Временного правительства, распространялись провокационные телеграммы и проч.

Отдельные члены ревкома (Рухимович и др.) лично разъезжали на автомобилях и срывали со стен воззвания комиссаров Керенского.

Основные этапы Октябрьских дней в Харькове располагаются в таком порядке:

1) образование ревкома после Октябрьских дней;

2) 10 ноября — дата формального перехода власти к совету;

3) разоружение броневиков и других антисоветских частей (в декабре);

4) объединение отколовшейся части Киевского съезда советов и областного съезда Донецко-Криворожской области на платформе общей борьбы за утверждение советской власти и борьбы с Центральной Радой. О четвертом этапе ниже.

---

[1]) Как оказалось, Мартьянов перед освобождением дал неблаговидную расписку, за что его хотели судить партийным судом, но почему-то не судили.

ГЛАВА IX.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАДА У ВЛАСТИ.

Начиная с января, в качестве конкурирующих сил оставались Рада, в расцвете своих сил, и ослабленный большевистский ревком, и Рада вскоре могла пожать плоды своей осторожной тактики во время Октябрьских боев. Ей удалось под шумок подтянуть к Киеву с фронта верные ей части. Военная победа большевиков оказалась в политическом смысле малоуспешной, в виду перевеса сил на стороне „нейтральной Рады". Совет солдатских депутатов все еще был против захвата власти. На стороне Рады было до 18.000 солдат, в распоряжении ревкома их было очень немного.

Появилось и быстро распространилось летучее словечко „украинский большевик" (т.-е. сторонник Рады). Ревком, организованный под руководством Леонида Пятакова, имел своей целью внести разложение в украинские части. Но решительная тактика Рады, не истощенной предыдущими боями, помешала этому. На постановление ревкома об изгнании офицеров из Совета солдатских депутатов Рада ответила контр-наступлением. По ее приказу был совершен ночной налет на авиационный парк, понтонный батальон и другие части, принимавшие участие в боях на стороне большевиков, и солдаты, посаженные в вагоны, были вывезены за пределы Украины. На запросы, обращенные к секретарям Рады, о причинах высылки солдат, секретари давали уклончивый ответ, разъясняя, что действия эти не направлены против большевиков, а имеют в виду лишь очищение Украины от „русских войск", так как-де „нам и своих украинских войск хватит".

Незадолго до разоружения революционных частей киевляне-большевики пытались предупредить неизбежный разгром.

В Киевском партийном комитете поднимался вопрос о выступлении с целью предупреждения разоружения. На выступлении настаивала Бош, рассчитывая на поддержку II гвардейского корпуса, стоявшего в Жмеринке. Сторонники восстания рассчитывали также на помощь ставки, захваченной к тому времени Крыленко. Надо ска-

зать, что восстание не встречало в комитете единодушной поддержки. Против восстания высказались Гамарник (Ян), Саша Горовиц, Крейсберг, Майоров. Бош удалось все же склонить на свою сторону большинство и разослать по всем частям эмиссаров для подготовки восстания; на полигон был послан Леонид Пятаков, в авиационный полк — Кудрин.

Заранее было условлено, что восстание начнется после определенного сигнала, выстрела с батарей, стоявших на полигоне.

Условного сигнала ждали всю ночь. Но сигнала не было.

Оказалось, что все эмиссары были арестованы по дороге к месту назначения, так как Рада была обо всем осведомлена заранее.

Между прочим, Бош несколько расходится с Майоровым в изложении этого эпизода. По ее словам, Киевский комитет первоначально действительно принял предложение военного ревкома о подготовке к вооруженному восстанию (но не к „восстанию", которое Бош берет в кавычки). Но пять членов Киевского комитета протестовали против решения ревкома.

В виду поступившего протеста „пятерки", комитет решил созвать вторичное собрание, на этот раз расширенное, с участием всех районных комитетов и всего партийного актива. На этом собрании, как пишет Бош, предложение ревкома о переброске в случае необходимости частей II гвардейского корпуса было отвергнуто.

Позиция Бош находилась в полном соответствии с ее недооценкой национального вопроса. В то время, как Бош считала достаточным приглащение II корпуса для разгона Рады, киевляне вели более сложную „игру", рассчитывая перехитрить Раду и расшатать ее социальную базу [1]).

По тем источникам (разноречивые воспоминания участников), которые имеются в нашем распоряжении, не совсем ясно, что послужило непосредственным поводом к разоружению большевистских частей,—то ли, что военный ревком под руководством Леонида Пятакова пытался разложить украинские части, или же неудавшееся восстание, задуманное ревкомом для предотвращения готовившегося Радой разоружения неугодных ей частей. Во всяком случае новый этап борьбы в Киеве начинается именно с этого момента.

Прежняя тактика киевских большевиков клонилась к советизации Рады, к использованию ее против керенщины, к признанию ее — правда, с оговорками — законным краевым органом власти.

[1]) См. статью В. Затонского: „Кілька зауважень до статті тов. Рубача", „Летопись Революции" № 1, 1926 г.

В возможности советизации Рады пришлось горько разочароваться, попытка в этом направлении, „исторически необходимая“, по выражению Затонского, окончилась неудачей.

В начале ноября образовался новый Генеральный Секретариат, куда вошли следующие лица: председатель и секретарь внутренних дел—В. Винниченко (у. с.-д.), секретарь труда—Порш (у. с.-д.), секретарь торговли Линниченко (у. с.-р.), контролер — Золотарев (Бунд), секретарь юстиции — Ткаченко (у. с.-д.), путей сообщения — Ющенко (у. с.-р.), почт и телеграфов — Зарубин (российский эсэр), финансов — Туган-Барановский (у. с.-ф.), просвещения — Стешенко (у. с.-р.), земельных дел — Савченко-Бельский (у. с.-р.), продовольствия — Ковалевский (у. с.-р.), военных дел — Петлюра (у. с.-д.), по национальным делам — А. Я. Шульгин (у. с.-ф.), по еврейским делам — Зимельфарб (евр. соц. партия), по великорусским делам—Одинец (народный социалист, трудовик), по польским делам — Мицкевич (польский демократический центр), генеральный писарь — Лотоцкий (у. с.-ф.), меньшевики получили в новом кабинете одно место без портфеля.

На заседании исполнительного комитета и на пленуме совета 3 ноября большевики признали Центральную Раду краевой властью, подлежащей реорганизации в „Центральную Раду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов“.

Ревком, таким образом, признал Центральную Раду в расчете на возможность ее реорганизации, но Рада ревкома не признала — и столкновение между ними стало неизбежным.

Ссылаясь на резолюцию совета от 3 ноября, А. Золотарев замечает: „Очевидно, что большевики, со своей стороны, ясно понимали необходимость разрыва соглашения с украинцами и начали готовиться к борьбе“. Трудно согласиться, что этот вывод прямо вытекает из позиции поддержки Рады большевиками в этот короткий период.

Получив признание со стороны Киевского совета, Рада выносит решение о присоединении к Украине Херсонской, Екатеринославской, Харьковской, части Курской и Воронежской губерний, а также Таврической и Холмской. Центральная Рада приостанавливает эвакуацию юнкеров на Дон и вызывает с фронта украинские части.

Приказ Крыленко о братании на фронте, по распоряжению Петлюры, отменяется для украинских фронтов. Земельный вопрос откладывается „до Учредительного собрания“: „Улита едет, когда-то будет“...

После ликвидации штаба Киевского округа Генеральный войсковой комитет объявляет себя преемником штаба. Центральная Рада все более противоставляет себя Российскому Совнаркому. Все распоряжения Генерального Секретариата объявляются обязательными с 1 ноября. Напротив, распоряжения Совета Народных Комиссаров, по разъяснению украинских властей, были признаны не подлежащими исполнению.

Парламентским актом, провозгласившим фактическое отделение Украины от России, был третий универсал. Универсал был опубликован 23 ноября накануне сессии Центральной Рады, с очевидным намерением поставить сессию перед лицом совершившегося факта.

Только благодаря настояниям представителей „Бунда", а также меньшевиков и эсэров, в универсал были внесены поправки, клонившиеся к признанию в общей форме федеративной связи Украины и России.

Раде ничего не стоило пойти на эту формальную уступку, так так как она стремилась этим самым усыпить бдительность своих противников и безболезненно дойти до полной самостийности; что касается бундовцев, которые голосовали за универсал, с одной стороны, меньшевиков и эсэров, которые воздержались от голосования, с другой, то они, по выражению А. Золотарева, „играли роль ослов, на которых Грушевский и Винниченко въезжали в давно желанную область самостийного существования".

Универсал был в сущности ставкой на Каледина против большевиков (против „анархии").

Универсал начинался словами:

„Народ украинский и все народы Украины! Тяжелое и трудное время переживает Российская республика. На севере в столицах вспыхнула междоусобная кровавая борьба. Центрального правительства больше нет, и по всей стране растут безвластие, беспорядок и анархия".

В универсал был вкраплен абзац о федеративной связи Украины с Россией:

„Не отделяясь от Российской республики и признавая ее единство, мы твердой ногой станем на нашей земле, чтобы нашими силами помочь всей России, чтобы вся Российская республика сделалась федерацией равноправных и свободных народов".

Последние слова универсала призывали к борьбе с „анархией".

„Граждане! Именем Украинской Народной республики в федеративной России, мы, Центральная Украинская Рада, зовем всех

на решительную борьбу со всяким безвластием и анархией и на дружное великое строительство новых государственных форм".

Объявив себя „Украинской Народной республикой", Рада от лица этой республики резко усилила антисоветский курс.

Заняв, якобы, позицию „нейтралитета" в гражданской войне между „Великороссией" и „Доном", Рада на деле беспрепятственно пропускала с фронта казацкие эшелоны, шедшие в помощь Каледину, и в то же время задерживала советские революционные эшелоны под тем же предлогом „нейтралитета".

А в это время наши революционные части, задерживая фронтовые эшелоны Керенского, беспрепятственно пропускали с фронта войска Центральной Рады. Впоследствии Бош каялась в этом политическом промахе: „Никогда не прощу себе,— писала она,— непозволительной ошибки, допущенной по моей вине в отношении к Раде в первые дни Октябрьского переворота, когда красный гвардейский корпус занял Жмеринку и нес охрану вокзала, задерживая все эшелоны с войсками Керенского, а эшелоны Центральной Рады пропускались без всякой задержки" [1]).

После Октябрьского переворота Каледин некоторое время оставался верным Временному правительству, но еще в октябре Кубанская Рада облекла себя учредительными правами и опубликовала конституцию Кубанского края. Даже Временное правительство было слишком революционным для казачьего генералитета. В конце октября, когда судьба Временного правительства казалась еще не окончательно решенной, представители Юго-Восточного союза предложили Временному правительству свою поддержку, но при условии предоставления казачьим областям полумиллиардного беспроцентного займа, отнесения на государственный счет всех расходов по содержанию казачьих частей, оставления за казаками всей военной добычи в предстоящей гражданской войне и т. д. И вот этим-то реакционным слоям казачества Центральная Рада помогала своим дружественным нейтралитетом, а в сущности прямой поддержкой.

Винниченко на упреки, с которыми к нему обращались, отвечал: „Что делать, раз Дон самоопределился на Каледине".

Долгое время Центральная Рада носилась с мыслью о блоке юго-восточных и южных окраин против Советской России и вела переговоры с войсковым правительством Дона. Неудивительно, что ставка тоже стала поглядывать с надеждой на Киев; Духонин еще за два дня до своей насильственной смерти пытался убежать

[1]) Евг. Бош: „Национальное правительство и советская власть на Украине".

в Киев и уже погрузил автомобиль с архивами, но был задержан революционными солдатами.

„Киевская Мысль" (от 2 ноября 1917 г.) писала: „В ставке обсуждается вопрос о временном перенесении резиденции правительства в Киев. На этих днях возможен поэтому приезд в Киев из Петрограда послов союзных и нейтральных стран".

Ставка вела переговоры непосредственно с Генеральным Секретариатом. В этих переговорах приняли участие не только представители украинских мелкобуржуазных группировок, но и представители других мелкобуржуазных партий, как то: бундовец А. Золотарев, эсэр доктор Фрумкин (по крайней мере, его фамилию называет А. Золотарев), а со стороны ставки меньшевик Перекрестов. Ставка пыталась выяснить, представляет ли Генеральный Секретариат действительную силу, могущую стать оплотом в предстоящей гражданской войне, и запрашивала киевлян, как отнесется Рада к переезду всероссийского правительства в украинскую столицу. В ставке в это время происходили лихорадочные приготовления к переезду в Киев, при чем новое всероссийское правительство из буржуазных и генеральских элементов должно было выйти из недр ставки. Представители Рады дали на оба вопроса ставки положительный ответ. Они отмечали прочность Генерального Секретариата как краевой власти и ссылались на положительные итоги финансовых и налоговых мероприятий Секретариата.

Только благодаря нерешительности Духонина, о которой Деникин упоминает в „Очерках смуты", переезд ставки в Киев откладывался со дня на день до тех пор, пока, наконец, она не была захвачена Крыленко. Впрочем А. Золотарев уверяет, что и Генеральный Секретариат вилял по этому вопросу, затягивая его окончательное разрешение.

В ноябре украинский секретарь по национальным делам обменивается визитами с французским, английским и датским консулами в Киеве.

В своей книге „Відрождення нації" Винниченко рассказывает, как к нему, Петлюре, Глуховскому и Ковалевскому явились агенты Антанты с соответствующими предложениями. Английский представитель писал Центральной Раде:

„Мое правительство поручило мне заверить вас в своем хорошем к вам отношении. Оно будет со всей силой поддерживать украинское правительство и те его задачи, какие оно себе поставило для того, чтобы быть деятельным правительством, поддержи-

вать порядок и бороться с центральными державами, врагами демократии и гуманности" (А. Шульгин: „Политика").

В конце ноября Совнаркомом РСФСР была перехвачена шифрованная телеграмма, устанавливавшая связь Рады с союзным империализмом. Телеграмма была напечатана в „Правде" и вызвала резкую отповедь Сталина.

В виду явно враждебного по отношению к советам поведения Рады, Совнарком РСФСР предъявил ей 4 декабря ультиматум, который требовал прекращения заигрывания с Доном и подчинения украинских фронтов Крыленко, как верховному главнокомандующему. Рада ответила на этот ультиматум заявлением, в котором бросала Совнаркому контр-обвинение в том, что он вмешивается „в дело устроения государственной и политической жизни Народной Украинской республики".

Еще до этого ответа украинский революционный штаб от имени Генерального Секретарната передал Совнаркому, что конфликт между Украинской и Великорусской республикой может быть улажен, если: 1) со стороны Совнаркома будут признаны права Украинской Народной республики и обеспечено полное невмешательство в ее дела, 2) будет удовлетворено требование о возвращении в пределы Украины всех украинцев, сведенных в военные части, 3) будет урегулирован вопрос о денежных знаках и золотом запасе, 4) румынский и юго-западный фронт будет признан Украинским и выделен из командования ставки, 5) вопрос о мире будет разрешен при участии Украинской республики. Украинский революционный штаб заявлял от имени Секретариата, что в виду финансовых затруднений продовольственные продукты из пределов Украины не будут высылаться на север впредь до получения непосредственно Генеральным Секретариатом наличностью по счетам за продукты кредитными билетами и одной трети золотом.

На это заявление Совнарком отвечал:

„Украинскому революционному штабу Петроградской краевой войсковой Рады. В ответ на ваше предложение о мирном улаживании конфликта между Центральной Радой и Советом Народных Комиссаров, сделанное по уполномочию представительства Украинской Народной республики, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Мирные способы улаживания конфликта, разумеется, желательны, и советская власть все сделала для достижения мирного разрешения вопроса.

2. Что касается выдвинутых Радой условий, то те из них, которые имеют принципиальный характер (право на самоопределение)

не составляли и не составляют предмета спора или конфликта, так как Совет Народных Комиссаров признает и проводит эти принципы во всей их полноте.

3. Действительным предметом конфликта, совершенно замалчиваемым в передаваемых вами условиях Рады, является поддержка со стороны Рады буржуазно-кадетско-калединской контр-революции, направляемой против власти Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов.

4. Соглашение с Радой возможно только при условии категорического заявления Рады об ее готовности немедленно отказаться от какой бы то ни было поддержки калединского мятежа и контрреволюционного заговора кадетской буржуазии" [1]).

Совнарком выражал готовность уладить конфликт с Радой путем соглашения на определенных условиях. 15 декабря Сталин, бывший тогда наркомом по делам национальностей, обратился к Народному Секретариату Украины (советскому, образовавшемуся в конце декабря) и лично к Артему и Антонову - Овсеенко с запросом о возможности ведения переговоров с радовцами:

„Обращаюсь к вам, товарищи Артем и Антонов,— писал Сталин,— сегодня Прошьян, делегат крестьянского съезда, присланный на Украину для переговоров с Радой, вернулся в Петроград и сообщил, что Рада не прочь войти в переговоры, если Совет Народных Комиссаров согласен на это. По этому случаю Совет Народных Комиссаров вынес следующую резолюцию. Сообщая вам эту резолюцию, спрашиваем вас и Народный Секретариат,— согласны ли они с нею.

> Выслушав доклад тов. Прошьяна, который, в качестве делегата от крестьянского съезда, имел беседу с Винниченко, Грушевским, Поршем и другими, как официальными представителями Рады, и принимая во внимание, что эти официальные

[1]) М. Рубач, пользуясь протоколами заседаний Генерального Секретариата за декабрь 1917 года, доказал всю основательность обвинения Рады в поддержке Каледина. Отношение Генерального Секретариата к казачьей контр-революции отразилось особенно ясно в протоколах от 12, 15 и 20 декабря. Полного единодушия, правда, в Секретариате не было: там было правое крыло во главе с Петлюрой, Шульгиным, Шаповалом, Ещенко и Стешенко, которое высказывалось открыто за поддержку Дона. Другая группа — колеблющаяся — была представлена Винниченко и Ткаченко. Но характерны следующие слова „колеблющегося" Винниченка: „Мы будем допускать пропуск войск через Украину самоопределившихся наций. Но, стоя на почве строгого нейтралитета, мы не будем пропускать большевистских войск для братоубийственной войны на Дону" (протокол от 15 декабря 1927 года. Перевод с украинского). Каледин мог быть вполне удовлетворен подобной нейтральностью.

представители Рады выразили принципиальную готовность начать переговоры о соглашении с Советом Народных Комиссаров на началах признания последним независимости Народной Украинской республики и признания Радой контр-революционности Каледина и его пособников, приняв далее во внимание, что Совет Народных Комиссаров всегда и безусловно признавал право всякой нации, в том числе и украинской, на независимое государственное существование, что всякая попытка устранить войну с Радой, если бы Рада признала контр-революционность Каледина и не мешала войне против него, безусловно желательна, выражая свое убеждение в том, что только советы украинской крестьянской бедноты, рабочих и солдат могут создать на Украине власть, при которой столкновения между братскими народами будут невозможны, — Совет Народных Комиссаров считает в то же время целесообразным открыть деловые переговоры с Радой, с целью устранения тех столкновений, которые были вызваны политикой Рады по отношению к общему фронту и контр-революционному восстанию Каледина. Совет Народных Комиссаров постановляет — предложить Раде переговоры о соглашении на указанных началах и наметить как один из пунктов, где было бы удобнее всего вести переговоры — город Смоленск или Витебск.

Резолюция кончена. Не имеете ли чего против такой резолюции, согласны ли с этой резолюцией?

Артем и Антонов не возражали против попытки прийти к соглашению с Радой. Но Рада не шла на уступки, и попытка оказалась безуспешной.

Все средства мирного разрешения конфликта были исчерпаны, и встал вопрос об открытой войне. Антонов-Овсеенко поставил своей ближайшей задачей разрыв сообщения между Правобережьем и Донбассом—Доном, а также разоружение украинских частей. Его действия еще долго вызывали беспокойство в Петрограде и оттуда Антонову советовали действовать насколько возможно тактичнее. В этом беспокойстве сказывались, с одной стороны, осторожный подход к национальному вопросу и, с другой стороны, желание нейтрализовать Раду, чтобы иметь свободными руки для борьбы с основным врагом революции в тот период—с Калединым на Дону.

Приближался декабрь. I Всеукраинского съезда советов с нетерпением ждали как большевики, так и радовцы. Инициативу съезда взял на себя Киевский областной комитет советов, но он не сумел

овладеть организационной стороной подготовки съезда. Достаточно сказать, что заранее не были выработаны определенные нормы представительства крестьянских депутатов, не была налажена связь с отдаленными районами Украины и не прислали своих представителей ни Кривдонбасс, ни Румчерод. Этими ошибками воспользовалась Центральная Рада, разослав по спилкам приказ явиться на съезд в достаточном количестве, что и было исполнено.

Почти в назначенный срок, а именно 3 декабря, съезд открылся при крайне неблагоприятных условиях. О настроении войсковых делегатов Рады в это время можно судить по ряду телеграмм, посылавшихся войсковыми радами на имя Крыленко в ставку верховного главнокомандующего после известного ультиматума:

„Гражданин Крыленко, от имени воинов-украинцев XII армии отвечаю на вашу телеграмму („Воззвание к украинскому народу" от 1 декабря). Прежде всего мы удивлены, как вы осмелились обратиться к народу, который имеет свою республику, свой парламент, к народу, который исполняет предписания этого выбранного нами парламента и который не признает вас, как своего начальника. Гражданин Крыленко, вы забыли, что такое самоопределение, вы забыли, что такое воля народа, вы забыли, что такое свобода" и т. д.

Телеграмма от V армии была не менее грубой по тону:

„Гражданин Крыленко, ваше лицемерное воззвание к украинскому народу вызывает чувство возмущения среди украинцев V армии. Требуем от вас, как члена власти, добросовестного обращения с фактами. Даже на высоком посту вы не должны забывать, что есть правда и совесть. Вы говорите, что руководители Рады буржуазны, но не указали имен, потому что сами уверены в неправдивости своего заявления. Вы обещали украинцам свободу и самоопределение и в то же время посылаете гренадерский корпус, чтобы он определил нас".

Характерна также телеграмма рад X армейского корпуса:

„Узнав о намерении Крыленко владычествовать в украинском войске и имея в виду, что он признан только частью великорусского народа, соединенное заседание украинских рад X армейского корпуса постановило: считать приказы Крыленко для украинского войска, в том числе и для X корпуса, ненужными и необязательными; призывает украинцев и братьев остальных национальностей к спокойствию, просит сохранить порядок и чутко прислушиваться к голосу своей наивысшей, единственной и ответственной власти— Украинской Центральной Рады и ее Генерального Секретариата".

Открыл съезд советов В. Затонский, как представитель областного объединения, и с первого же момента стало ясно, что съезду не суждено работать в спокойной деловой обстановке.

Не успел Затонский раскрыть рот, чтобы огласить заявление от имени мандатной комиссии, как на него набросилось несколько дюжих молодцов, вынырнувших из первых рядов и перескочивших через стол президиума, и он был сброшен с трибуны. Тут же при громовых аплодисментах в президиум были избраны все генеральные секретари. Все это было проделано очень быстро и ловко. Надо отметить, что еще до первого заседания мандатная комиссия областного комитета советов была разгромлена спилковцами, последние захватили силой печать и карточки, после чего сами же выдали себе мандаты с решающим голосом [1]).

Затонский дает яркую картину открытия съезда:

„Аркадий Степаненко, обойдя меня слева, уперся мне локтем в грудь, а Стасюк в то же время охватил меня сзади обеими руками за шею, опрокинув таким образом назад с кафедры. Тот же Степаненко открыл съезд".

Второе заседание съезда состоялось в цирке под председательством М. Грушевского. Съезд открылся речью Порша. Как раз к этому моменту получился известный ультиматум Российского Совнаркома, и в связи с этим настроение съезда было крайне приподнятое. Генеральный Секретарнат сумел подогреть шовинистические чувства делегатов.

От большевиков выступил на съезде с речью об ультиматуме Совнаркома В. Шахрай. Он отразил в своей речи ту растерянность, которая охватила в первый момент застигнутых врасплох большевиков. Сущность его речи сводилась, главным образом, к признанию ультиматума „прискорбным недоразумением". После Шахрая выступил представитель левых, эсэр Терлецкий, после чего левое крыло покинуло съезд под свист и крики делегатов.

Отколовшееся крыло съезда представляло только незначительную часть всего съезда (200 на 2500 делегатов [2]). Это крыло составн-

[1]) В мандатной комиссии попадались документы такого содержания: „Командирую на съезд своего джуру (денщика)". Подпись — хорунжий такой-то и печать". И если денщик поддерживал Раду, этого было достаточно для получения мандата.

[2]) Точное число делегатов съезда не установлено. Эту цифру (2500) называет П. Христюк („Заметки и материалы"). Собственно, съезд был признан совещанием, а не съездом. Об этом свидетельствует определение В. Затонский: „Ясно помню, что на этой почве у нас с Радой нашелся даже общий язык. В первый же день съезда на собрании представителей фракции было принято единогласно решение считать съезд не съездом, а совещанием. Формулировка была составлена украинскими

лось из большевиков и из части левых эсэров (к этому блоку присоединилось несколько украинских социал-демократов, среди них Медведев, и два меньшевика-интернационалиста).

Эта часть съезда, покинув цирк (помещение, в котором происходил съезд), перебралась в Дворянское собрание (помещение губсовета профсоюзов).

Там отколовшаяся часть съезда заседала один раз и после этого перенесла свои работы в Харьков.

Переезд в Харьков был ускорен тем, что до сведения левого крыла съезда дошли весьма правдоподобные слухи, что Центральная Рада собирается всех большевиков арестовать. Об отпоре Раде в эту минуту нечего было и думать.

В Харькове в это время заседал областной Криворожско-Донецкий съезд советов. Революционная часть Киевского съезда решила влиться в этот съезд для того, чтобы совместно образовать всеукраинский советский центр. Съезд рассчитывал найти в Харькове ту крепкую пролетарскую базу, которой в Киеве ему не хватало.

Перед переездом в Харьков состоялись два фракционных заседания; левобережцы считали организацию советов во всеукраинском масштабе нецелесообразной. Артем и Эпштейн (Яковлев) были главными выразителями этой позиции, судя по воспоминаниям Ауссема. Но, в конце концов, по предложению того же Артема, было принято решение перенести базу борьбы с Радой в Харьков [1]).

В Киеве в это время началась полоса преследований рабочих организаций и отдельных деятелей. Еще сильнее бушевал террор в провинции: здесь дело доходило до ареста исполкомов в полном составе и высылки их за пределы Украины. А. Иванов, в качестве председателя Киевского Совета рабочих депутатов заменивший на этом посту Ю. Пятакова, обратился к Винниченко с вопросом: „чего добивается Рада системою террора". На это последовал ответ, что, мол, сами большевики виноваты, что „мы только защищаемся". А. Иванов возразил, что поведение Рады является вызовом революционному авангарду и что большевики этот вызов принимают и больше в Генеральный Секретариат обращаться не будут. Таким образом, война была объявлена с соблюдением всех

эсэрами, и все подписались под ней, в том числе и большевики". Напрасно Христюк утверждает, что в этом пункте большевики потерпели крах. Общий язык нашелся потому, что Центральная Рада боялась такого опасного претендента, как съезд советов, и рада была назвать его совещанием. Кто мог поручиться, что второй съезд будет таким же, как первый?

[1]) Евг. Бош: „Год борьбы", 80 стр.

дипломатических правил. Киевский совет перешел на полулегальное положение. Рада усилила слежку за руководителями киевской партийной организации. 25 декабря был схвачен в своей квартире и увезен неизвестно куда Леонид Пятаков; через короткое время нашли его истерзанный труп: он был расстрелян на посту Волынском. Из страха подвергнуться той же участи ответственные большевики меняли ежедневно квартиры[1]).

В конце декабря начальник арсенала получил приказ вывезти все орудия из арсенала, в том числе и непокрашенные. Рабочие заявили, что не выполнят этого приказа, после чего поснимали с орудий замки и спрятали их. Обе стороны готовились к новой схватке.

В борьбе против большевиков в Киеве Рада опиралась, главным образом, на „курень смерти", состоявший из юнкеров и буржуазной учащейся молодежи, и на два полка: полуботьковцев и богдановцев. Остальные полки: Шевченко, Сагайдачного, Дорошенко и, частью, Сердюка были явно „неблагонадежны", что сказалось в их поведении во время январских боев.

Петлюра так выразил настроение соответствующих украинских кругов в речи на киевском съезде:

— Москали устроили у себя беспорядки (так он характеризовал Октябрьский переворот); их народ сидит без хлеба; грабежи и убийства господствуют у них по всей стране. Так они то же хотят устроить и у нас, хотят нашим хлебом воспользоваться и поэтому объявляют нам войну.

И в заключение:

— Везите хлеб к нам и все, как один, поднимитесь на борьбу с москалями.

А вот что писала „Боротьба", официальный орган украинских эсеров, которые в январе стали во главе Генерального Секретариата:

„Мало большевикам нашей социальной программы, им нужно, чтобы вместо нас были они у власти. Почему? Потому что мы — „буржуазны", „националистичны" и т. д. Для нас же ясно, что против нас оскаливает зубы российский централизм, который вытекает из русоцентризма и миросозерцания московской интеллигенции, демократии, буржуазии. Русоцентризм гонит ее на нас, велит все захватывать в свои руки, забывая прекрасные слова о национальном самоопределении".

[1]) В. Затонскому удалось счастливо избежать ареста: на другой день после отъезда его из Киева в Харьков петлюровцы нагрянули на его квартиру; нет сомнения, что его постигла бы та же участь, что и Леонида Пятакова.

Смысл этого заявления, открыто провозгласившего разрыв Украины с „русоцентризмом", становится особенно ясным из признания М. Грушевского, писавшего в своей книге „Гадки й мрії" о необходимости заменить русскую ориентацию немецкой.

Из сторонников Рады часть пыталась занять левую ориентацию, но ей не удалось ничего сделать. Наиболее влиятельной из левых была группа течеистов — украинских эсэров.

Один из них, И. Михайличенко, даже бросил крылатое словечко: coup d'état, т.-е. внутренний переворот. К этому перевороту левая группа Центрального Комитета украинских эсэров (12 человек из 30) начала было готовиться, но все они были арестованы фактическим диктатором Киева, военным комендантом Ковенко. Арестованные (Шумский, Северо-Одоевский, Михайличенко, Полоз, Приходько и др.) были брошены в Косой Капонир (тюрьму) и просидели там под угрозой расстрела вплоть до освобождения Киева муравьевскими войсками.

Так закончилась попытка взорвать Раду изнутри.

М. Рубач полагает, что неудача объясняется в значительной степени тем, что Народному Секретариату, противопоставившему себя Раде, не удалось расчленить ее, не удалось заключить блок с левыми украинскими эсэрами наподобие блока большевиков и российских левых эсэров в Октябрьские дни.

Но, как Рубачу справедливо указала редакция журнала „Летопись Революции", где была напечатана его статья [1]), левые эсэры и украинские эсэры, это — не одно и то же. Опыты блокирования с левыми украинскими эсэрами (и с.-д.) были уместны до стадии вооруженной борьбы с Радой, до противопоставления Харькова Киеву. Можно ли было избегнуть открытого военного столкновения с Радой в расчете на ее перерождение? После киевского съезда советов, фальсифицированного Радой, поддержка Рады стала невозможна, Рада сама откололась от „неписаного" блока с большевиками против Временного правительства, в котором она вольно или невольно, непоследовательно, с оглядкой назад, но все же обреталась, и столкновение советов с Радой было вопросом времени. Борьба с Калединым заставила Совнарком принять бой с Радой как с пособником Каледина. В другом месте сам же Рубач, как мы видели, документально подтверждает связь Рады с Калединым. Рубач пытается связать ту или иную тактику по отношению к левой части Рады с другим „решающим вопросом", как он пишет: „Возможно ли было во всей сложной обстановке того

[1]) „Летопись Революции" № 1, 1926 год.

периода помешать контр-революционерам украинской мелкой буржуазии заключить союз с немецким империализмом?[1]).

На VIII сессии Центральной Рады селяне выступили с резкой критикой земельной политики Рады. Последняя ответила на эту критику изданием земельного закона, по которому частная собственность на землю сохранялась в размере до 40 десятин на хозяйство.

Вслед за земельным кодексом Рада опубликовала другой исторический акт—IV универсал. Этот акт был принят Малой Радой 11 января и обнародован, как и III универсал, перед очередной сессией Центральной Рады. В этом акте Украинская республика признавала себя „самостійной и незалежной". Генеральный Секретариат упразднялся. Вместо него создавалась „Рада народніх міністрів". Украинские социал-демократы вышли из Секретариата 12 января. В новом министерстве центральную роль стали играть украинские эсэры во главе с Голубовичем.

Опубликованием IV универсала Рада развязывала себе руки для Бреста[2]) и для попытки претворить в жизнь свою идею объединения юго-востока и юга против севера.

---

[1]) „Летопись Революции" № 6, 1926 год. Мы коснемся этого вопроса ниже в главе „Брест".

[2]) На это имеется вполне определенное указание у официального историка Центральной Рады (издание информационного бюро петлюровского министра внутренних дел), который дает любопытное пояснение к истории IV универсала.

„Немцы заявили нашим делегатам в Бресте,—пишет он,—что они смогут подписать мирный договор с Украиной только тогда, когда она признает себя самостоятельной державой, а не частью Российской Федеративной республики. Немцы до этого уже не раз высказывали пожелания, чтобы Украина стала свободной, независимой державой, ибо они видели, что из союза между Украиной и Великороссией добра не будет".

Между прочим, объявление независимости сопровождалось внутренними разногласиями в Генеральном Секретариате. Об этом свидетельствуют протоколы заседаний Генерального Секретариата за декабрь-январь.

ГЛАВА X.

ЯНВАРСКИЕ БОИ.

К началу января в воздухе вновь запахло порохом; к этому времени относится известный ультиматум арсенала Центральной Раде.

Арсенальцы потребовали от Центральной Рады:

1) немедленной ликвидации контр-революции на Украине, разоружения белой гвардии, „вільного казацтва", офицеров и милиции; 2) устранения от должности и ареста командующего войсками Центральной Рады Капкана; 3) прекращения преследований рабочей прессы и немедленного освобождения из тюрем революционеров, образования комиссии для расследования причины гибели Л. Пятакова и др. революционеров; 4) прекращения демобилизации Украины; 5) немедленного созыва Всеукраинского съезда советов и передачи на местах всей власти местным советам.

Рада ответила на этот ультиматум новыми арестами большевиков. Вполне очевидным вызовом явились также закрытие большевистской „Пролетарской Мысли" и конфискация номера газеты, возобновившей выход под другим названием.

12 января Совет принял резолюцию, резко осуждающую действия Центральной Рады. 15 января на собрании партийного актива было решено организовать вооруженное восстание против Рады. В тот же день была объявлена забастовка. 16 января открыто восстал против Рады Георгиевский полк. 17 января к нему присоединился полк Сагайдачного; одновременно выступила Красная гвардия. 18 января в городе началась дружная всеобщая забастовка; на улицах появились первые баррикады.

Во главе восстания стали арсенальцы и железнодорожники. Еще в декабре, когда Петлюра потребовал оборудования двух бронепоездов для отправки их в Бахмач против большевиков, рабочие железнодорожных мастерских приняли решение не давать Петлюре бронепоездов и, более того, снять броню с наличных бронепоездов. Январские бои длились шесть дней. Ожесточенные

бои шли на Подоле; рабочие захватили Плосский и Подольский участок; особой активностью отличались в этом районе водники и кожевники. По Владимирской и Андреевской улицам наступление рабочих кончалось попеременно то успехом, то поражением. Старокиевский участок был короткое время в руках восставших; туда был назначен комендант. Андреевский спуск также переходил из рук в руки.

Силы были слишком неравны. Рада имела в своем распоряжении до 20.000 солдат, а большевики—только 2.000 вооруженных, но необученных рабочих [1]). И все же восставшим удалось овладеть рядом районов города. В некоторых случаях большевистские патрули в 10—15 человек разоружали роты петлюровцев; но все, что удавалось захватить за день, отбиралось петлюровцами обратно ночью, вследствие крайней усталости красногвардейцев. Дума предложила большевикам ликвидировать восстание. Остатки большевистского комитета решили продержаться до вечера, а затем разойтись в разные стороны, попрятав оружие. Вместе с тем в думу был командирован Зарницын с требованием амнистии для восставших. Число арестованных рабочих и солдат, содержавшихся под стражей в городском театре и по казармам, возрастало с каждым днем. Некоторые авторы (М. Майоров) утверждают, что их было до двух тысяч человек.

Дольше всех держались железнодорожные рабочие. Когда на вокзал явились 21 января представители ревкома — И. Крейсберг, Дора Иткинд, Сточный — с предложением снять посты и разойтись, обозленные железнодорожники приняли их вначале за провокаторов и даже арестовали. Утром 22 января гайдамаки перешли в наступление против вокзала. 100 — 150 рабочих выдержали длительную атаку, из 2 броневых машин Рады одна была подбита на Безаковской улице; другая сама удрала, но к вечеру вокзал все же был занят петлюровцами. 18 железнодорожников были расстреляны без суда и следствия тут же на Бибиковском бульваре; в том числе был убит кузнец главных мастерских Ветров (большевик).

Нужно согласиться с Мищенко, что в январские дни со стороны осажденных арсенальцев были допущены некоторые грубые ошибки:

[1]) Таково утверждение А. Иванова. По сведениям С. Мищенко, коменданта арсенала, Рада имела 6—8 тысяч бойцов при 60—80 пулеметах и 8- 10 орудиях; на стороне восставших рабочих было 4—5 тысяч бойцов при 20—40 пулеметах и 4—6 орудиях (см. „Январское восстание", „Летопись Революции" № 3, 1924 г.). Рада опиралась, собственно, не столько на войсковые части, сколько на „вільне козацтво" (см. разговор по прямому проводу между Поршем и Левицким, опубликованный М. Рубачем в „Летописи Революции" № 6 за 1926 год).

„Нельзя было сепаратно соглашаться на переговоры с Центральной Радой. Как непременное условие для начатия переговоров необходимо было потребовать от нее прекращения военных действий во всех районах и вступления по всем участкам боевого фронта в переговоры. На самом же деле получилось так, что, ведя с арсеналом переговоры, Центральная Рада оттянула от него свои части для действий в других районах; это дало ей возможность усилить особенно части, действующие против железнодорожных рабочих в направлении городского вокзала. Другой ошибкой, допущенной арсеналом, явилась посылка в делегацию для перемирия ответственных руководителей".

На объединенном заседании представителей Рады, Совета рабочих и солдатских депутатов и арсенальцев предложения арсенальцев вызвали негодование радовцев. По их требованию, заседание было прервано для того, чтобы представители Рады могли посоветоваться с правительством о дальнейших шагах. Мищенко, участник совещания, утверждает, что заседание было прервано до 9 часов вечера того же дня.

„К 9 часам вечера делегация арсенала была уже в Мариинском дворце. Здесь мы встретили наших представителей от Совета рабочих депутатов. Но никаких делегатов Центральной Рады не оказалось". Радовцы в это время „очищали" Подол и другие районы от восставших.

Через некоторое время делегация арсенала была арестована явившимися казаками полка имени Дорошенко. С. Мищенко удалось выбраться из помещения комендатуры и спастись от расстрела, но другие были менее удачливы. В общем, после поражения арсенальцев образовалась целая гекатомба трупов. Рабочих расстреливали только за то, что у них мозолистые руки[1]). Можно смело утверждать, что такого страшного террора Киев не знал ни до этого, ни после. Реакция короткие часы праздновала победу.

Январские дни оставили неизгладимый след в истории Октября на Украине. „Хотя восстание на седьмой день было подавлено, но в этот момент на Украине, по существу, впервые рождался Октябрь. Рабочие и солдаты впервые увидели подлинную физиономию народной власти" (И. Кулик).

---

[1]) В первый день после падения арсенала было расстреляно 500 рабочих; в общем, число убитых и раненых достигло 2000 рабочих; 750 красных гробов было опущено в две братские могилы в б. Александровском парке. Погребение павших бойцов было произведено в присутствии членов Народного Секретариата.

ГЛАВА XI.

ПЕРВЫЙ ВСЕУКРАИНСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ В ХАРЬКОВЕ. ОБРАЗОВАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТОВ УКРАИНЫ (ЦИКУК).

Криворожско-Донецкий съезд советов собрался в Харькове 11 декабря. Съехалось около 200 делегатов. Заседал он в бывшем Дворянском собрании (ныне здание ВУЦИК). Артем и большинство харьковцев высказывались на съезде за выделение Криворожско-Донецкого бассейна в отдельную республику со своим Совнаркомом и ЦИК'ом. Киевляне же требовали создания в противовес Центральной Раде советского всеукраинского центра, т.-е. организации всеукраинской власти. После долгих споров Артем согласился с предложениями киевлян. Но одновременно решено было выделить Донецко-Криворожский бассейн в автономную республику. Оба съезда (Криворожско-Донецкий и отколовшаяся часть Киевского съезда) слились и объявили себя первым Всеукраинским съездом советов. Надо сказать, что харьковцы пошли на объединение с киевлянами в значительной степени под давлением ЦК РКП(б), который, не предрешая всех деталей организации украинской государственности, высказался за поддержку всеукраинского советского центра [1]). Для руководства Всеукраинским съездом советов была предварительно выделена „пятерка"—три от „киевлян" и два от Криворожско-Донецкого областкома [2]). 10 декабря состоялось совещание делегатов Всеукраинского съезда советов с делегатами Донецко-Криворожского областного съезда советов. На этом совещании было принято решение устраивать по утрам заседания

[1]) Следует отметить, что в спорах между киевлянами и харьковцами Артем лично занимал не прямолинейную, а скорее несколько буферную позицию, и его длительное отсутствие всегда сказывалось резким ухудшением отношений между цикуковцами и будущим ЦИК — донбассовцами.

[2]) В данном случае и в дальнейшем изложении (поскольку мы не оговариваемся) мы под киевлянами разумеем активную группу членов всеукраинского советского правительства, включая и Бош, в отличие от прежней терминологии, различающей две группы: киевлян (пятаковцев) и областников (группа Бош).

по вопросам Донецко-Криворожской области, а по вечерам — заседания Всеукраинского съезда советов.

На другой день — 11 декабря — начались заседания Всеукраинского съезда советов.

Съезд высказался за организацию советской власти, выделив из своего состава полновластный Центральный исполнительный комитет советов Украины, получивший сокращенное наименование ЦИКУК, или ЦИКУКА. В ЦИКУК вошли большевики, левые эсэры и украинские левые с.-д.; меньшевики (на съезде их было, по утверждению Бош, 12 человек) голосовали против образования ЦИКУК, левые же эсэры, заявлявшие вначале, что будут воздерживаться от голосования, впоследствии вошли не только в ЦИКУК, но и в Народный Секретариат (украинский Совнарком) [1].

Харьковский совет признал формально ЦИКУК 28 декабря.

В тот момент, когда наши войска вели борьбу на фронте с частями Центральной Рады, когда Киев осыпался бомбами из муравьевских орудий, когда в провинции гайдамацкие части расстреливали коммунистов, — в Харькове продолжал открыто выходить петлюровский орган „Нова Громада" и открыто действовали различные петлюровские организации, как то: губернская рада, партийные комитеты украинских социал-демократов и украинских эсэров и т. д.

„Нова Громада" находила поддержку у Харьковского исполнительного комитета. Только в конце декабря положение несколько изменилось. Решено было закрыть „Нову Громаду", вопреки противодействию меньшевистско-эсэровской части исполнительного комитета. Инициатива обыска в „Новой Громаде" принадлежала Бош, при участии народного секретаря Люксембурга и военного комиссара Войцеховского.

Люксембург числился всеукраинским комиссаром по делам печати, но помимо него в Харькове были еще два комиссара по

[1]) В ЦИКУК были избраны следующие лица: 1) А. С. Александров (б) 2) Анохин, 3) Н. В. Артамонов (б), 4) Артем (Сергеев) (б), 5) В. Ауссем (б), 6) С. Бакинский (б), 7) Е. Бош (б), 8) Беленький (б), 9) А. Горовиц (б), 10) Гухман (б), 11) Н. С. Даниилевский (б), 12) П. Загребельный (б), 13) Иванов А. (б), 14) И. Ю. Кулик (б), 15) Г. Лапчинский (б), 16) В. Люксембург (б), 17) Мартынов, 18) Е. Г. Медведев (лев. у. с.-д.). 19) А. Новиков (б), 20) Острогорский (б), 21) Л. Пятаков (б), 22) А. Пионтковский (б), 23) Н. Польдяев (б), 24) П. В. Решетько (б), 25) И. С. Самбур, 26) Е. Сегал (б), 27) С. В. Сивков, 28) Силин, 29) Слуцкий, 30) Л. Смоляков (б), 31) А. Емельянов (Сурик) (б), 32) Тарногродский (б), 33) Е. Терлецкий (левый эсэр), 34) Тияков (б), 35) С. Фиргер, 36) А. Цейгер, 37) Н. Чурилка (б), 38) В. Шахрай (б), 39) С. Шелудько (б), 40) Шустров и 41) И. Эрлихерман (левый эсэр).

делам печати: Эрдэ, избранный городским советом, и Черневский (левый эсэр), назначенный губисполкомом, где эсэры были еще в большинстве (меньшевики отказались участвовать в выборе комиссара).

Между Эрдэ и Черневским были трения на почве взаимного непризнания, но помещение бывшего комиссариата по делам печати (раньше комиссаром был кадет Кузнецов) и отделение петербургского телеграфного агентства (ПТА) были в руках комиссара Совета рабочих и солдатских депутатов.

Обыск в редакции „Новой Громады" установил следующие факты:

1) „Нова Громада" была определенно органом Центральной Рады и получала субсидию из Киева;

2) вокруг „Новой Громады" были сосредоточены контр-революционные группы, подготовлявшие восстание в Харькове;

3) „Нова Громада" была в непосредственной связи с лицами, организовавшими шпионаж и содействовавшими Каледину и Деникину;

4) „Нова Громада" получила приказ от Ковалевского, министра продовольствия Петлюры, способствовать внесению разрухи в постановку продовольственного дела в Харькове, и, наконец,

5) „Нова Громада" занималась организацией контр-революционных кадров в воинских частях путем посылки туда „надежных людей".

„Нова Громада" была закрыта, и все попытки выпустить газету под другими названиями были пресечены; редактор Н. Г. Довбищенко был арестован.

Закрытие „Новой Громады" повлекло за собой уход в подполье всех петлюровских организаций в Харькове.

Первый Всеукраинский съезд советов главное внимание уделил не общеукраинским вопросам, а донецко-криворожским, областным. Присоединение Донбасса к Украине фактически не было произведено. Это обрекало ЦИКУК, пока он находился в Харькове, на роль полководца без армии, на роль правительства без территории. ЦИКУК'у надо было организовать военную борьбу с Центральной Радой. В каких условиях эту задачу приходилось осуществлять, видно из того, что высшему советскому органу Украины долго негде было голову преклонить (в прямом смысле слова). Члены всеукраинского правительства бродили в ожидании помощи от харьковцев по бесконечно длинным, унылым коридорам „присутственных мест" (где помещался исполком). В своих мемуарах Бош останав-

влнвается довольно подробно на жилищных мытарствах первого всеукраинского советского правительства[1]).

В „Донецком Пролетарии“ появлялись время от времени статьи, заостренные против ЦИКУК'а.

В одной из таких статей автор (Филов, впоследствии народный комиссар юстиции Донецкой республики) возражал против „зависимости“ советов Донбасса от ЦИКУК и отстаивал право самостоятельных сношений Донбасса с Петроградом.

„Положено, — писал В. Тушин (он же Филов), — что бассейн финансируется из средств ЦИК Украины. Такое решение вопроса не только издевается над всякой тенью автономности, но резко противоречит логике экономической действительности. Последняя требует именно автономии Донецкого и Криворожского бассейнов, а не четвертования их на части по принципам, высосанным из пальцев. А если автономность, то, следовательно, зависимость только от Петроградского ЦИК, а не от областного украинского“.

Тушин настаивал на том, что Донецкий бассейн должен быть „единым и автономным“ „со всеми вытекающими отсюда последствиями“, со всеми точками над „i“.

Впоследствии „Донецкий Пролетарий“ писал о „высосанном из пальцев“ объединении в еще более грубом тоне, образец которого дает помещаемый ниже отрывок:

„Что касается ЦИКУК, исполняющего в настоящий момент амплуа туриста, то его комично-плачевная роль красноречиво свидетельствует о полнейшем бессилии в области разрешения политических проблем. Наклонности эмигранта, принудившие ЦИКУК, после целого ряда гастролей, бросить якорь успокоения в чуждом его влиянию Ростове[2]), заранее обрекают все его планы на полнейшую неудачу и разложение. Центральная Рада не считается совершенно с его авторитетом и существованием“.

С помощью Антонова ЦИКУК вскоре получил в пользование маленький дом „Южного Края“ на Сумской улице, который стал таким образом зданием первого ЦИК Украины, а в типографии „Южного Края“ стал печататься официальный орган правительства

[1]) Часть киевлян устроилась после длительных переговоров с членами Харьковского исполкома в необычном для представителей руководящего органа власти помещения, а именно: в тюремной камере, предоставленной в их распоряжение исполкомом.

[2]) Характерно, что „Донецкий Пролетарий“ тут перевирает, называя Ростов (вместо Таганрога), в котором ЦИКУК очутился на последнем этапе борьбы с Центральной Радой.

„Вестник Украинской Народной республики" с подзаголовком „орган ЦИК Советов рабочих, солдатских и селянских депутатов[1]).

Первый Народный Секретариат составился следующим образом: народный секретарь по внутренним делам — Е. Б. Бош; народный секретарь труда — Н. А. Скрыпник[2]); торговли и промышленности — Артем, а впоследствии Н. А. Скрыпник; национальных и иностранных дел — С. Бакинский; заместитель — И. Кулик и член коллегии А. Пионтковский; и. о. народного секретаря почт и телеграфов — Мартьянов[3]); земледелия — Е. Терлецкий, левый эсер; финансов — В. Ауссем; юстиции — В. Люксембург; по военным делам — В. Шахрай; его заместитель — Ю. Коцюбинский; по продовольствию — Э. В. Лугановский; управляющий делами и генеральный секретарь — Г. Лапчинский.

В президиум ЦИКУК вошли: в качестве председателя Ефим Григорьевич Медведев (левый у. с.-д.); его товарищами Поликарп Васильевич Решетько (портной из Ростова), Степан Шелудько и Н. В. Артамонов (рабочий одного из южных заводов). Секретарем ЦИК Украины был избран Н. С. Данилевский, товарищем секретаря — С. В. Сивков (без решающего голоса); техническим секретарем ЦИКУК был Воробьев, не член ЦИКУК.

Редактором „Вестника Украинской Народной республики" был назначен Н. Н. Лебедев, старый правдист, по прозвищу „Петит", Я. Ф. Городецкий (старый эмигрант, бывший портной, жил в Полтаве) заведывал издательской частью газеты.

Отдельно помещались три секретариата: по продовольствию (Горяиновский пер., дом бывш. „Россия"), по судебным делам (Скобелевская пл., бывш. здание судебных установлений) и почт и телеграфов (Вознесенская пл., помещение центрального телеграфа).

Первое заседание избранного на Всеукраинском съезде советов Центрального исполнительного комитета, на котором были выделены упомянутые выше президиум и состав Народного Секретариата, состоялось 13 декабря. На этом заседании был принят текст телеграммы Совету Народных Комиссаров. Приводим эту телеграмму полностью:

[1]) Первый номер „ВУНР" вышел 19 декабря (1 января). Советская Украина получила наименование Украинской Народной республики (УНР).

[2]) Председателя Народного Секретариата вначале не было. Антонов в своих „Записках" допускает ошибку, называя Н. Скрыпника председателем Секретариата с момента его образования. Он стал им только в Полтаве.

[3]) Впоследствии изменил революции и бежал с Деникиным в Константинополь.

„Избранный вчера Всеукраинским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов и части Советов крестьянских депутатов Центральный исполнительный комитет советов принял на себя всю полноту власти на Украине. Прежнее правительство Украины, в лице Генерального Секретариата Центральной Рады, не вело борьбы с помещичьей контр-революцией, идущей с Дона, и вело политику втягивания украинской демократии в кровавую борьбу с великорусской демократией. Общность интересов демократии всей России, особенно теперь, перед лицом надвигающегося с Дона общего врага всех трудящихся классов, не дает никаких оснований для столкновения между демократиями разных национальностей, и вновь образованная народная власть Советской Украинской республики ставит своей непременной задачей не только устранить вызывавшееся прежней Радой столкновение, но обратить все силы на создание полного единства украинской и великороссийской демократии.

„ЦИК советов Украины уполномочен съездом советов Украины заявить Совету Народных Комиссаров, что ответ, данный Центральной Радой 4 декабря на ультиматум Совета Народных Комиссаров, дан ею не от имени украинского народа, а от имени лишь тех незначительных кругов украинской буржуазии, интересы которой она защищает. Центральная Рада заявляла в своем ответе, что украинские солдаты, рабочие и крестьяне, защищая свои права и свой край, дадут надлежащий ответ народным комиссарам. Это — сознательный обман Центральной Рады. Крестьяне, рабочие и солдаты Украины знают, что у них нет никаких оснований для борьбы с правительством крестьян, рабочих и солдат, и не допустят осуществления затеваемой Радой войны между братскими народами. Если тем не менее прольется на Украине братская кровь, то она прольется не в борьбе украинцев с великороссами, а в классовой борьбе украинских трудящихся масс с захватившей в свои руки власть Радой, пытающейся опереться на штыки тех товарищей солдат, которые вовлечены ею в обман, как в свое время увлекал за собою солдат обманом захватчик власти в России Керенский; но Центральный исполнительный комитет советов Украины уверен, что дело не дойдет до пролития крови, что шовинистический угар, создаваемый Центральной Радой, прекратится, и как все российские солдаты быстро осознали положение дела и отказались поддерживать Керенского, так и украинские солдаты поймут, кто действительно защищает их интересы, и перестанут поддерживать авантюру мелко-буржуазной Центральной Рады, стремящейся затопить в крови завоевания рабочих и солдат в Октябрьско-ноябрь-

ские дни и силою оружия удержать за собою власть. Но войны между двумя демократиями безусловно не будет. Молодая Советская республика Украины приветствует укрепившуюся всероссийскую советскую власть. *Центральный исполнительный комитет советов Украины*".

Выделение Народного Секретариата не обошлось без внутренних трений в Центральном исполнительном комитете. Во время обсуждения вопроса об организации Народного Секретариата неожиданно выступил В. Шахрай с заявлением, что „создание советского правительства есть ошибка, которую необходимо исправить" [1]). Шахрай предлагал ограничиться задачами агитационно-пропагандистского характера и впредь до завоевания большинства „не управлять, а просвещать". Эта точка зрения вызвала всеобщее возмущение не только со стороны большевиков, но и левых эсэров и левых украинских эсдеков.

При выборах Народного Секретариата харьковцы потребовали предоставления им четырех мест в Секретариате. После многократных фракционных совещаний и заседаний Центрального исполнительного комитета остановились на том списке народных секретарей, который нами приведен выше.

31 декабря 1917 года в „Вестнике Украинской Народной республики" было опубликовано за подписью Е. Бош правительственное извещение о низложении Центральной Рады; через 5 дней (4 января 1918 г.) Народный Секретариат сообщил публично об объявлении членов Генерального Секретариата врагами народа. Вслед за объявлением о низложениии Центральной Рады и Генерального Секретариата ЦИКУК вынес постановление об аннулировании законодательства Рады и, в первую очередь, ее финансовых предприятий [2]).

На первом же заседании Центрального исполнительного комитета президиуму было поручено выработать текст манифеста ко всем рабочим, солдатам и крестьянам Украины. Выработанный президиумом текст манифеста был принят единогласно на втором заседании Центрального исполнительного комитета и опубликован 6 января 1918 года в „Вестнике Украинской Народной республики".

На том же заседании был окончательно утвержден состав Народного Секретариата и, кроме того, принят ряд важнейших законо-

[1]) Так излагает смысл выступления Шахрая на упомянутом заседании Центрального исполнительного комитета советов Бош.

[2]) Декреты ЦИКУК и Народного Секретариата печатались в „Вестнике Украинской Народной республики"; упомянутые декреты перепечатаны в „Летописи Революции" № 4, 1924 г.

проектов: о земле, о правах народов, о рабочем контроле над производством, о расширении городского самоуправления, о реформах в армии и об отмене запрещения вывоза хлеба за пределы Украины.

На втором заседании были оглашены приветственные телеграммы от Совета Народных Комиссаров и из ставки.

Одним из первых политических шагов всеукраинской советской власти был созыв селянской конференции для приобщения крестьянства к борьбе с Радой.

Конференцию, собравшуюся в середине января, можно признать в общем удавшейся. В президиум крестьянской конференции вошли: Бош (почетным председателем), Н. Скрыпник (председателем), Матвеенко и Грес и секретарями Я. Судачев и Воробьев; конференция состоялась в помещении ЦИКУК, в редакции бывшего „Южного Края".

Бош сделала доклад „о власти и Учредительном собрании", затем были доклады с мест и ответные речи некоторых народных секретарей.

По докладам выяснилось, что в большинстве уездов у власти оставались земские управы и старосты. Об этом рассказывал, например, делегат Даниловской волости, Изюмского уезда, Харьковской губернии:

„До 20 декабря в нашем селе Ивановке ничего не было. Наши волостные и земские организации совсем не выражают настроения крестьянства, и им не верят. Из земской управы пришла телефонограмма: „Прошу известить население, что для Изюмского уезда получена мануфактура, которая будет распределена по волостям. Вскоре будут получены две тысячи лошадей, и все это будет распределено только между теми волостями, которые будут исправно нести все причитающиеся земские повинности". Этой телефонограмме крестьяне не поверили и считают, что все в ней написанное — ложь... В последнее время жители села пропитались революционным духом. На созванном митинге высказывали недоверие Киевской Центральной Раде и приветствовали советскую власть".

Делегат Змиевского уезда Харьковской губернии докладывал в этом же роде: „У нас совсем не отразилась Октябрьская революция, на селе всеми делами орудует тот же староста, что и раньше в волостной и земской управе. Только с 16 января дело продвинулось вперед... Некоторых членов земской управы мы попросили уйти, другие ушли сами".

В отдельных местах уже начиналось расслаивание села, о чем говорили делегаты Полтавской и др. губерний.

„С первых дней революции у нас было очень плохо, — рассказывал докладчик от Полтавского уезда,— гайдамаки расстреливали крестьян и угнетали народ. Только 16 января собрались все к волости, и мы решили всюду на местах, в каждом селе создать советы. Теперь у нас советы, теперь живой и мертвый инвентарь в наших руках. Да здравствует советская власть“!..

„С начала революции в нашем уезде,— докладывал представитель Роменского уезда, Полтавской губернии,— создался крестьянский комитет и Совет рабочих и крестьянских депутатов. Потом у нас возник крестьянский союз. 14 декабря этот крестьянский союз вошел в блок с правыми эсэрами и меньшевиками. На 31 декабря назначили уездное собрание союза, другие организации не допускались. Союзом был приготовлен наказ, и этим наказом союз хотел привлечь крестьян голосовать в Учредительное собрание. Наказ имел 31 пункт, в последнем пункте его говорилось: „Поддерживайте Киевскую Центральную Раду“. Большинство присутствовавших потребовало исключения последнего параграфа, но вносившие наказ отказались. Тогда мы своими революционными действиями выгнали сторонников наказа. Взяв власть в свои руки, мы избрали от себя комиссию, чтобы она назначила уездный съезд для контакта с Советом рабочих и солдатских депутатов. Комиссия назначила съезд на 10 января. В это время от Киевской Центральной Рады был прислан в Ромны комиссар, который, узнав о съезде, выпустил воззвание от 8 января, в котором призывал скорее записываться в вольное казачество: „Кому дорога отчизна,— говорилось в воззвании,— записывайтесь в вольное казачество, об условиях и плате спросить в канцелярии“. Солдаты отправлялись записываться и создали 18 полк, который 10 января, как один человек, стал за советскую власть. Центральная Рада прислала на имя комиссара 1.200 винтовок и два пулемета, которые сложили в местной тюрьме. Солдаты заявили об этом съезду, и съезд приветствовал 18 полк за его честное поведение и постановил забрать оружие и передать часть 18 полку, а часть направить в села для вооружения революционных солдат. Съезд приветствовал советскую власть и комиссаром советской власти избрал т. Савченко“.

„У нас много железных дорог и рудников бассейна,— сообщал делегат из Кривого Рога.— Пролетариата у нас около 50 тысяч. С самого начала власть принадлежала советам. Потом создалась сельская рада, которая всецело угнетала крестьян. Возникшее так называемое вольное казачество заставляло признавать только Центральную Раду, а не советскую власть. 9 января, когда приехали

солдаты с фронта, мы скинули власть Центральной Рады и переизбрали советы. Теперь вольное казачество обезоружено. Всюду порядок. Все крестьяне признают исключительно советскую власть. В Учредительное собрание никто голосовать не хочет. Мы все глубоко убеждены, что победит советская власть".

„Теперь у нас создана советская власть и Красная гвардия в 500 человек, — докладывал делегат от волостей Ахтырского уезда, Харьковской губ., — телеграфная контора, почтовое отделение и др. учреждения перешли в руки народа. Вот резолюция, которую вынес съезд крестьянских депутатов Ахтырского уезда: постановили высказать недоверие Киевской Центральной Раде за ее буржуазные и контр-революционные поступки и объявить всем, что с этого 8 января 1918 года мы все, как один, признали Центральный исполнительный комитет Всеукраинского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Совнарком как единственную власть, которая стоит на защите наибеднейшего крестьянства, пролетариата и солдат. Власть должна принадлежать Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, только такую власть мы признаем и всецело ей доверяем" [1]).

Конференция высказалась резко против деятельности Рады и Генерального Секретариата и вынесла решение (всеми голосами против четырех правых эсэров) о немедленном присоединении к военной борьбе советов с Центральной Радой.

„Политика крупного объединенного капитала, приведшая к мировой войне, — гласит резолюция конференции, — послужила сигналом к мировой революции. Бешеная погоня буржуазии за прибылями увеличивала анархию производства и ускоряла момент крушения всего капиталистического строя. Объединенный мировой капитал, загнанный в тупик, лишенный возможности дальнейшего роста, обречен на самоуничтожение. Мировая революция должна смести анархическое буржуазное общество, сбросить оковы, мешающие дальнейшему развитию производительных сил, и очистить путь для перехода всех богатств мира в руки класса трудящихся.

„На долю рабочих, солдат и крестьян всей Российской Федерации выпала почетная роль стать в первых рядах мировой революции.

„Сбросив царизм и стихийно поставив рядом с органом сплоченной буржуазии, — Временным правительством, — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, как массовую организацию всех трудящихся и эксплоатируемых классов, рабочие, солдаты и кре-

[1]) Из отчета „Конференции Советов крестьянских депутатов" в „Вестнике Украинской Народной республики" (украинское издание) от 26 января.

стьяне вступили на путь социалистической революции, на путь борьбы за власть Советских республик.

„Революция приняла характер беспрерывности, шаг за шагом разрушая буржуазное государство, закрепляя власть народа, власть советов. Октябрьская революция, знаменуя собой победу труда над капиталом, окончательно разрушила все кажущиеся справедливыми формы буржуазного демократического парламентаризма, передала всю полноту власти в руки рабочих, солдат и крестьян и раскрепостила все угнетенные народы России.

„Последним ударом советских украинских войск сброшен оплот украинской буржуазной Киевской Рады, и как во всей России, так и у нас на Украине, вся полнота государственной власти принадлежит победившим рабочим и крестьянам. Конференция целиком присоединяется к постановлениям I Всеукраинского съезда рабочих, солдатских и крестьянских Советов и к избранному им ЦИК и Народному Секретариату и заявляет:

„Не парламентарная республика, а республика Советов!

„Не выделение в обособленные государства, а Федерация Советских республик!

„Не национальная рознь, а мировое объединение всех трудящихся для последней победной борьбы за создание единого царства трудящихся!

„Конференция постановляет признать: Украинская рабоче-крестьянская республика входит в состав Всероссийской Федерации Советских республик.

„Вся власть на местах и в центре принадлежит советам и избранному на съезде ЦИК советов Украины.

„Все организации, общественные и государственные учреждения находятся в ведении и под контролем местных советов. Местные советы являются государственными учреждениями, зависимыми только от своего центрального органа.

„Полномочным представителем Украинской рабоче-крестьянской республики и всех трудящихся масс на ее территории является Народный Секретариат Украинской рабоче-крестьянской республики. Старые формы государственного управления окончательно уничтожены победой труда над капиталом.

„Смертельный враг трудового народа — буржуазия, вплоть до полной победы социализма, должна быть подавлена властной диктатурой рабочего класса. Не равенство всех общественных классов и не Учредительное собрание, а равенство всех трудящихся и диктатура пролетариата и беднейших крестьян.

„Конференция признает необходимым поручить Народному Секретариату Украинской рабоче-крестьянской республики распустить коллегии по созыву Учредительного собрания и созвать II Всеукраинский съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который и явится законным органом управления".

По земельному вопросу конференция заняла определенно большевистскую позицию (т.-е. позицию немедленного захвата земли и полной конфискации помещичьих, государственных и частно-владельческих земель), утвердив положения к декрету о земле, разработанные комитетом земледелия.

Одним из итогов конференции было присоединение к основному кадру ЦИКУК новых 25 представителей селянства, влившихся в состав всеукраинского советского центра.

После занятия Полтавы частями Муравьева и Беленковича, в начале января [1]), ЦИКУК обратился к населению с призывом, отчасти повторявшим первый манифест новой советской власти. В этом манифесте говорилось о том, что рабочие и крестьяне Украины не воюют с Российским Совнаркомом и русскими крестьянами и рабочими, а, наоборот,—с Центральной Радой, предавшей интересы трудового народа. „Перед беззаветным напором революционных войск,—говорилось в новом призыве,—отряды ослепленных буржуазными наймитами гайдамаков разбегаются. Отряды Червонного казачества и Красной гвардии ЦИК Украины заняли Полтаву—сердце Украины, Екатеринослав и продвигаются дальше. Под мелкобуржуазными демократами из Киевской Рады выскользает почва. Солдаты и рабочие Украины взялись за защиту советской власти и побеждают офицерско-юнкерскую контр-революцию, свившую себе гнездо на Украине. Солдаты, рабочие, крестьяне и матросы! Благодаря вашим усилиям, революция побеждает, но еще великая и трудная борьба предстоит вам, ибо без трудов, без великих потерь нельзя достигнуть нашей цели—освобождения человечества от гнета капитала. Все рабочие и крестьяне, все трудящиеся и угнетенные должны стать под красные знамена советских революционных войск для того, чтобы окончательно разбить силы контр-революции".

Для руководства военными отрядами был образован специальный военный отдел при ЦИКУК с Богдановым во главе. Военный отдел пытался сформировать вслед за первым Червонным полком

[1]) Наступление на Полтаву и занятие города муравьевскими частями (6 января 1918 года) надо считать началом вооруженной борьбы ЦИКУК с Центральной Радой.

другие украинские части (Червонный полк требовал пополнения до восьмиротного состава). Но дополнительных украинских полков в течение 1918 года организовать не удалось.

Образование Червонного казачества, противопоставленного „вільному казацтву", было немаловажным этапом в борьбе с Радой. Первичной ячейкой Червонного казачества послужили два запасных украинских полка, расположенных в Харькове, среди которых часть сочувствовала большевикам. С помощью революционных солдат-украинцев полки были разоружены. И. Кулик рассказывает об этом эпизоде так: „Мы с Виталием Примаковым ночевали в комнате Аусcема, где была касса, и спали с винтовками. Когда все улеглись спать, две роты, настроенные в нашу пользу, открыли пальбу, стреляя, главным образом, по окнам пулеметной роты, известной своим шовинистическим настроением. К двум часам ночи прибыл Войцеховский с бронеавтомобилем, и полк был разоружен без всяких жертв". Вот из этих-то двух рот и составилось ядро Червонного казачества. Примаков был назван „комиссаром по организации Червонного казачества"; численность казачества дошла в момент занятия Киева до 3.000 бойцов.

Первый курень (полк) Червонного казачества (командовал им Примаков) сформировался 27 декабря 1917 года; в его организации принимали участие Н. Скрыпник, Ю. Коцюбинский и В. Затонский. Помимо украинского полка в распоряжении Центрального исполнительного комитета были отряды Нехамкина и Гриневича (российско-сербские), Каски, Беленковича, И. Кулика, один или два левоэсэровских отряда, отряды Киквидзе, Аусcема (впоследствии) и др. Гриневич и Виталий Примаков были отправлены на фронты в качестве эмиссаров. Заместитель народного комиссара по военным делам Ю. Коцюбинский находился на передовых линиях вместе с Муравьевым.

В средних числах января Коцюбинский сообщал из ставки Муравьева:

„Говорю из Бахмача. Последние важные сведения таковы: наши подошли к Нежину и, верно, возьмут его без боя. Петлюра с разбитыми войсками отступил к Носовке по направлению к Гребенке и Киеву. Мосты исправлены, и мы сможем двигаться дальше. Черкасы, Фастов и Корыстовка заняты кременчугским отрядом".

Коцюбинский жаловался: „Почему не высылаете газет? Они совершенно не получаются. Высылайте в большом количестве".

На помощь Коцюбинскому был выслан генеральный секретарь Г. Лапчинский.

Антонов-Овсеенко рисует ход боевых операций против Рады и, в частности, против Киева, следующим образом:

„От прибывших ко мне делегатов чехо-словацких солдат получены были сведения, что их офицеры вошли в соглашение с Радой и дают свой корпус, расположенный у Киева, в ее распоряжение, намереваясь к 15 января ввести одну из его дивизий в Полтаву.

„Кроме того, была перехвачена телеграмма начальника XIII дивизии Капкана о наступлении к Харькову и Лозовой (телеграмма эта вызвала у нас большую веселость).

„Все это толкало к выступлению против Рады.

„Ускорить наступление побудили меня также сведения о разложении и в стане „радовцев" и известия об успехах „отряда особого назначения", который в составе 200 человек с доктором Знаменским прибыл из Москвы, собственно Замоскворечья, и без всякой связи с нами, по собственной инициативе, забрался из Курска в Ворожбу, где усердно повел пропаганду советской власти.

„Начало наступления приурочивалось мною к 5 января. В ставку Тер-Арутиньянцу дано было предписание направить все боеспособные части с юго-западного и румфронта на Киев и развить наступление от Гомеля к Бахмачу — Курску. Кудинскому в Брянске приказано было усилить отряд Знаменского у Ворожбы, придав к нему до 1.000 штыков Красной гвардии и батарею; Курскому ревкому—выслать к Ворожбе также 100 человек с пулеметом; Белгороду и Люботинской группе выделить отряды для установления связи с Ворожбой. Общее руководство действиями от Ворожбы Кудинский должен был принять на себя. Главный удар решено было направить на Полтаву. Из Харькова должен был выйти бронепоезд с эшелонами червонных казаков и харьковских красногвардейцев, в общем до 500 штыков, во главе с Муравьевым".

После занятия Полтавы и успешного боя у Крут Муравьев двинул свои части к Киеву.

„23 января Муравьев скомандовал общее наступление на Киев. Заблаговременно отряд червонных казаков (Примаков) направлен был через Днепр в обход для того, чтобы проникнуть в Киев со стороны Куреневки. Появление Примакова в городе произвело громадное впечатление.

В Киеве были расположены следующие петлюровские части:

1. *Конный полк „Захисти Украïни"* из 9 Киевского гусарского полка, 10 Ингерманландского и кирасирского, Виленского, Чугуевского и Киевского военных училищ (800 сабель+100 пуле-

метов 23 орудия +2 броневика) — при спешивании имел 1.800 штыков.

Этот полк был сформирован в Полтаве и подчинялся штабу генерала Грекова.

2. *Первый Богдановский полк* (500 штыков+40 пулеметов). Полк состоял из украинцев, выделенных с фронта, и подчинялся штабу полковника Капкана.

3. *Шевченковский полк* (800 штыков+30 пулеметов). Этот полк состоял из георгиевских кавалеров-украинцев с юго-западного фронта. Подчинялся штабу полковника Капкана.

4. *Богунский полк* (800 штыков 30 пулеметов). Полк был образован из фронтовиков украинцев, подчинялся штабу генерала Грекова.

5. *Дорошенковский полк* (800 штыков и пулеметы) подчинялся тоже генералу Грекову.

6. *Черноморский курень* (800 штыков и пулеметы) подчинялся тоже генералу Грекову.

7. *„Вільне казацтво“* (20 сотен, в каждой по 60 пеших казаков) — части нерегулярного формирования, подчинявшиеся штабу генерала Грекова.

8. *Чехо-словацкий полк* (состав неизвестен) был сформирован Генеральным Секретариатом Украины из военнопленных и во время Муравьевской осады Киева наблюдал правый берег Днепра от Подола до Вышгорода.

9. *Два гайдамацких полка:* а) „Красные Гайдамаки“ — из солдат фронтовиков, дисциплинированы и злостно настроены против большевиков (состав переменный); б) „Черные Гайдамаки“ из юнкеров военных училищ“.

23 января появилось радио Совнаркома, извещавшее „всех, всех, всех“ о занятии Киева советскими войсками, предводимыми заместителем народного секретаря по военным делам Украинской республики Коцюбинским.

Муравьев, в свою очередь, тоже „всем“ телеграфировал:

„23 января из Дарницы. После двухнедельного похода, после ряда боев под Полтавой, Ромоданом, Гребенкой, Бахмачем, наконец, после ожесточенного боя под Киевом, Киев занят революционными войсками, хотя местами еще продолжается уличный бой. Заключенные в крепости киевские рабочие, числом 500 человек, освобождены, снова взялись за оружие против заклятых врагов. Взятие Киева было произведено революционной армией, во главе с Егоровым, и сплошь состоящей из красногвардейцев. Счастлив

донести о разгоне войсками армии Рады и счастлив за украинский пролетариат и трудовое крестьянство, наконец, сбросивших капиталистов, сахарозаводчиков и помещиков. Да здравствует всемирное братство рабочих, да здравствует во всем мире советская власть и мировая революция! *Главком Муравьев*".

Но на деле бои под Киевом были к этому моменту еще далеко не закончены.

25 января Муравьев выпустил новый приказ о борьбе за Киев; первой армии было указано занять все станции железных дорог, охранять броневым поездом проезд с запада и одновременно громить западную часть города: „Первой армии занять Фундуклеевскую, Владимирскую, Крещатик и Купеческий сад, второй армии занять арсенал, крепость, Печерск и все высоты около крепости и Лавры; командарму 2 Берзину ввести для уличного боя одну или две батареи, смотря по обстановке; командарму Егорову ввести в город Брянскую батарею".

Обстрел Киева длился три дня. Стремясь добиться победы в кратчайший срок, Муравьев отдает приказ не стесняться, в средствах для достижения цели.

„Командарму I Егорову. Сегодня усилить канонаду, громить беспощадно город, главным образом Лукьяновку с Киева-пассажирского. Возьмите остатки 2 полка, горную батарею, назначьте, рекомендую, ответственным начальником Стеценко, который организовал горную батарею, чтобы он с Киева-пассажирского двинулся вверх по городу и громил его. Если же солдаты 2 полка будут действовать трусливо, то скажите Стеценко, чтобы он подогнал их сзади шрапнелью. Не стесняйтесь, пусть артиллерия негодяев и трусов не щадит".

Готовясь занять Киев, Муравьев отдает по войскам приказ за № 9 от 22 января, который заканчивался словами:

„Войскам обеих армий приказываю беспощадно уничтожить всех офицеров и юнкеров, гайдамаков, монархистов и всех врагов революции. Части, которые держали нейтралитет, должны быть немедленно расформированы, их имущество передано в военно-революционный комитет гор. Киева. Командующему I армии Егорову взять на себя организацию Киевской Красной гвардии. Главнокомандующий фронтом Муравьев".

Приказ № 9 вызвал недовольство со стороны Народного Секретариата, с которым меры Муравьева не были согласованы. Резкий тон муравьевской декларации вносил путаницу в и без того сложную политическую обстановку и озлоблял против „пришельцев

с севера" и „оккупантов" элементы, шедшие за Радой, но готовые, было, перейти на сторону советов.

К концу января в штабе Муравьева собралась чуть ли не половина народных секретарей: В. Ауссем, Ю. Коцюбинский, Г. Лапчинский и Я. Мартьянов. От них в Харькове получилась коллективная телеграмма:

„Дарница, 23 января. Наступление идет успешно. Линия железной дороги и все шоссейные и главные грунтовые дороги заняты нами. В настоящий момент идет штурм Печерска в двух направлениях: со стороны Киева I — на арсенал и со стороны Цепного моста на Лавру, где противник особенно укрепился. Отряды Червонного казачества действуют великолепно, не отставая от более старых боевых товарищей".

Киев был окончательно занят советскими частями 26 — 27 января.

В тот же день Коцюбинский сообщал из Дарницы, что советскими войсками заняты Печерск, дворец и участок на Александровской площади, товарная и пассажирская станции; Васильковская и Лукьяновская и что город сильно пострадал от бомбардировки из муравьевских орудий.

В ночь на 27 января Ауссем, Коцюбинский и Лапчинский сообщали Народному Секретариату:

„К нам в штаб прибыла делегация от Киевской городской думы и, во имя Украинской советской власти, просила приостановить обстрел города. Ответ нами дан следующий: обстрел города может быть приостановлен только в том случае, когда: 1) сегодня же, 26 января, в 3 часа дня все лица, ведущие на улицах вооруженную борьбу против революционных масс, сдадут оружие и вывезут его на площадь перед вокзалом Киев-пассажирский; 2) к этому же времени выдать виновников контр-революционного движения в Киеве, членов так называемого Генерального Секретариата, министров и военного коменданта. Эти условия выработаны нами вместе со штабом".

Переговоры с думой не привели ни к какому практическому результату. 27 января народные секретари телеграфировали в Харьков уже из Киева:

„Наконец, окончательно овладели городом. Освободили из тюрьмы т.т. Чудновского, Боярского, командира особой армии Егорова и других революционеров. Киев окончательно очищен от контрреволюционных банд, разрозненные группы которых еще ночью стали покидать город. Генеральный Секретариат бежал на автомобилях по Житомирскому шоссе. Петлюра с оставшимися войсками

отступил на Житомир. Советская власть Киева начинает возобновлять свою деятельность. Сорганизовался ревком. Завтра состоится первое заседание Киевского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов".

Того ж 27 января Муравьев сообщал Антонову-Овсеенко:

„Дарница, 26 января, 20 час. 40 мин. Киев окончательно очищен от контр-революционных банд, разрозненные группы которых еще ночью стали покидать город. Советская власть Киева начинает возобновлять свою деятельность. Завтра состоится первое заседание совета. Находящиеся здесь народные секретари приступают к приему дел бывшего Генерального Секретариата".

Наступление на город велось с двух сторон: со стороны Киева II и железнодорожного моста наступали части II стрелковой дивизии, под командованием Берзина, со стороны слободки — Червонное казачество, сформированное незадолго до этого в Харькове.

С переходом Киева в руки советов, завершилась длительная полоса Октября в Правобережьи. Октябрь в Киеве растянулся в общем на 3 месяца, если началом его считать бои 26 — 31 октября, а концом — январское восстание (15 — 26 января) арсенальцев.

Основными этапами киевского Октября были:

1) формальное признание основ советской власти Киевским Советом рабочих депутатов 26 октября (первая листовка на украинском языке против Рады);

2) бои на улицах Киева, поражение юнкеров и казаков в конце октября;

3) восстание арсенальцев в январе;

4) занятие Киева советскими войсками и переезд Центрального исполнительного комитета советов Украины из Харькова в Киев.

ГЛАВА XII.

ОКТЯБРЬ В ХАРЬКОВЕ.

В начале ноября вновь начал выходить после перерыва партийный орган „Пролетарий", переименованный в „Донецкий Пролетарий".

Первый номер „Донецкого Пролетария" вышел 2 ноября. Редакторами газеты были назначены Быстрянский (Ватин) от областного комитета и Эрдэ от Харьковского комитета партии. Быстрянский был вскоре делегирован в Петербург на II съезд советов и больше не вернулся в Харьков. На его место был назначен Сурик. Через короткое время состав редакции изменился: Васильченко, Жаков и Разин (Филов). Первые номера „Донецкого Пролетария" были выпущены автором этих строк при содействии Е. Оболенского (Н. Осинского), оказавшегося в момент Октябрьского переворота в Харькове. Перу Осинского принадлежат приводимые ниже лозунги:

„1) Переизбрать харьковские советы, которые разошлись с волей харьковского пролетариата и солдат и решениями съезда советов;

2) добиться перехода всей власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов;

3) вооружаться для защиты пролетарско-крестьянской революции от врагов ее;

4) заменить милицию рабочей Красной гвардией, а затем всенародной постоянно сменяемой милицией;

5) добиться разорения всех контр-революционных гнезд, расположенных вокруг Харькова;

6) требовать ареста бывших комиссаров, разгона контр-революционных комитетов и ареста их руководителей;

7) добиться закрытия буржуазных газет и конфискации их типографий для нужд рабочей печати;

8) потребовать от теперешней городской думы — впредь до ее переизбрания — применения декрета правительства народных комиссаров о продовольственном деле;

9) требовать от переизбранных советов немедленного установления рабочего контроля над производством и контроля над банками, а также немедленного применения декрета о передаче крестьянам помещичьей земли".

Отношения между Антоновым и Харьковским общегородским партийным комитетом[1]) были не совсем нормальными с первого же момента приезда Антонова. Знаменитая „7-я верста", на которой стоял штаб Антонова, давала пищу обывательским пересудам. Но не только обыватели, а даже харьковские большевики обвиняли Антонова в неумении наладить отношения с местными организациями, в распущенности его отрядов, в злоупотреблении репрессиями и пр.[2]).

По прибытии в Харьков Антонов нашел отряд Сиверса и разложившийся благодаря самочинным реквизициям и обыскам отряд Ховрина, так называемый I Петроградский сводный отряд.

Сиверс поднял революционное настроение в городе, но и он, как Антонов впоследствии, не ладил с местной партийной организацией. Антонов признает, что „обвинения с обеих сторон были правильны". По его словам, „штабы Сиверса и Ховрина жаловались на полный беспорядок в городе, отсутствие в нем и на вокзале твердой власти, на нерешительность Харьковского ревкома в отношении украинских националистов (радовцев) и соглашателей, на полное пренебрежение к нуждам революционных войск. В свой черед, харьковские товарищи выражали возмущение самоуправством наших частей, самовольно производившимися ими обысками, арестами и реквизициями".

Харьковцы чересчур лавировали, стараясь возможно более безболезненно прийти к захвату власти. Пришлые же отряды проявляли, естественно, значительно меньше гибкости. Слабость местной большевистской организации, вынужденной блокироваться с левыми эсэрами и „левыми" меньшевиками, была очевидна. На недостаточную активность харьковцев жаловался и Питер. Антонов так рисует положение, которое он застал в городе по приезде:

[1]) Губком был тогда слабой организацией так же, как и областной Донецко-Криворожский комитет. Руководящую роль играл Харьковский общегородской партийный комитет.

[2]) Антонов утверждает, что все слухи об ужасах „7-й версты" были чистейшей обывательской выдумкой. Массового террора, „египетских казней" не было, велась лишь борьба с проявлениями анарко-бандитизма, расстрелы были крайне редким явлением. Даже такой матерый царский волк, как генерал Думбадзе, задержанный разведкой Антонова, был выпущен на свободу (см. „Записки о гражданской войне" Антонова-Овсеенко).

„В городе продолжает действовать городская дума. Рядом с ней беспомощный совет, в котором засилие соглашателей. При совете ревком, в который входят меньшевики и эсэры. Ревком крайне раздражительно относится к действиям наших частей и не оказывает им никакого содействия, а только преисполнен обиды на их самоуправство. В штабе Красной гвардии — тов. Рухимович, равнодушно относящийся к нуждам наших отрядов, но также и несколько бравых товарищей, вроде т. Беленковича (вскоре перешел в мой штаб в качестве его коменданта). Местные большевики в большой нерешительности ищут коалиции с соглашателями и не решаются ни на какие серьезные меры. Не хотят и не пытаются оказать никакой помощи нашим отрядам. А городская дума старательно саботирует продовольственную работу, и в городе ощущается серьезная продовольственная нужда.

„Во главе большевистской организации — член ЦК Артем (Сергеев). Сидит на проводах, разговаривая с „центром". Помаленьку соглашается с буржуазией. „Областной комитет" — с ростовскими товарищами, Васильченко с его неизменным спутником Жаковым,— с большой претензией на руководство всем и с полным отсутствием влияния на что-либо.

„А кругом все враждебно или неопределенно. В самом Харькове подпольная работа белогвардейцев, время от времени провокаторски постреливающих в городе и на вокзалах; несколько разных белых или анархистских организаций.

„Через Харьков свободный проход-проезд подозрительных эшелонов; никакого наблюдения ни в одном из направлений не установлено, между тем, как в Белгороде стоит ненадежный польский полк, в Сумах—украинизированный дивизион двенадцатидюймовых орудий (а туда тов. Муралов послал 3.000 винтовок), в Чугуеве — юнкерское училище, в Купянске — Запорожский украинский полк с 120 офицерами. Оттуда замышлялось радовцами движение к Харькову. Об этом определенно говорили перехваченные нами телеграммы „начальникам отрядов украинцев" Чугуева и Купянска. И эти телеграммы давались свободно из Харькова".

Антонов-Овсеенко дает резкую оценку деятельности харьковцев, что является отголоском былых разногласий между ним и харьковцами: будучи в Харькове, Антонов солидаризовался с „левыми" киевлянами против „правых" харьковцев.

Впрочем, хорошие отношения между Антоновым и цикуковцами тоже вскоре начали портиться. Поводом для трений послужило распоряжение Бош как народного секретаря по внутренним делам

об устранении комиссаров, назначенных Антоновым в отдельных городах Донбасса. Бош не только сняла антоновских комиссаров, но пожаловалась Ленину на самоуправство наркома по борьбе с контр-революцией. Ленин вмешался в этот спор. Антонов приводит телеграмму и письмо, полученные им от В. И. Ленина:

„Наркому Антонову. В виду нареканий Народного Секретариата на возникшие между вами и ЦИК Украины трения, прошу вас, с своей стороны, сообщить, в чем собственно дело; само собой наше вмешательство во внутренние дела Украины, поскольку это не вызывается военной необходимостью, нежелательно. Удобнее проводить те или иные мероприятия через органы местной власти и вообще лучше всего было бы, если бы всякие недоразумения были улажены на месте. *Ленин*".

Вслед за этой телеграммой Антонов получил письмо:

„21 января (2 февраля) 1918 года.

Тов. Антонов! Я получил от ЦИК (Харьковского) жалобу на вас. Крайне жалею, что моя просьба к вам объясниться не дошла до вас. Пожалуйста поскорее свяжитесь со мной прямым проводом — одним или двумя, через Харьков, чтобы мы могли поговорить с вами толком и объясниться хорошенько. Ради бога, приложите все усилия, чтобы *все* и *всяческие трения* с ЦИК (Харьковским) *устранить*. Это *архиважно* в *государственном отношении*. Ради бога, помиритесь с ними и признайте за ними всяческий суверенитет. Комиссаров, которых вы назначили, убедительно прошу вас сместить.

„Очень и очень надеюсь, что вы эту просьбу исполните и *абсолютного* мира с Харьковским ЦИК достигнете. Тут нужен *архитакт национальный*.

„По поводу побед над Калединым и К° шлю самые горячие приветы и пожелания и поздравления вам. Ура и ура. Жму крепко руку. Ваш *Ленин*".

Антонов уступил, и комиссары, назначенные им, были заменены другими. Более серьезное столкновение между Антоновым и харьковцами было вызвано арестом капиталистов по приказу Антонова. Сам Антонов считает, что источником всех недоразумений между ним и местной властью была неправильная рабочая политика Харьковского ревкома. Мы видели, что борьба с локаутчиками-капиталистами в Харькове приняла очень затяжной характер и сильно раздражала рабочих. Ревком в этом споре занял колеблющуюся позицию. В виду этого, по утверждению Антонова, рабочие завода Шиманского и вслед за ними и другие рабочие

обратились к нему с просьбой посодействовать им в окончании беспомощных и бесплодных дотоле переговоров с капиталистами. На этом основании Антонов предложил ревкому принять необходимые меры к удовлетворению требований рабочих, но облек это предложение в такую форму, которая вызвала сильное возмущение не только меньшевистско-эсэровской, но и большевистской части ревкома. Антонов дал ревкому сроку 24 часа для удовлетворения требований рабочих, заявив, что в случае, если это не будет выполнено, он переложит всю ответственность на ревком, „как совершенно не считающийся с нуждами рабочих и преклоняющийся перед крупным капиталом", и вынужден будет принять свои меры.

По истечении 24 часов Антонов собрал к себе представителей от заводов и составил при участии отдельных работников ЦИКУК список из 15 крупнейших капиталистов, во главе с Бродским, Юзефовичем и др. Все они были доставлены на вокзал.

Здесь, на так называемой „царской половине", была оборудована приемная, куда и были приглашены капиталисты на совещание с Антоновым-Овсеенко. Последний потребовал контрибуции в размере одного миллиона рублей для расплаты с рабочими к праздникам. Капиталисты доказывали, что такую сумму в короткий срок достать невозможно. Тогда Антонов распорядился, чтобы капиталистам был подан чай и заявил, что он дает им 10 минут на размышление. Прошло 10 минут. От имени всего собрания Юзефович подтвердил прежнее заявление, что достать деньги невозможно. Получив этот ответ, Антонов переменил тон и отдал приказ об аресте капиталистов впредь до внесения ими всей суммы наличными.

Инцидент этот вызвал большое возбуждение в городе. Городская дума, собравшись на специальное заседание, вынесла такую резолюцию:

„Харьковская городская дума, заслушав сообщение о задержании г. Антоновым граждан г. Харькова, с целью получения денежных знаков путем принуждения, протестует против вмешательства во внутреннюю жизнь города, при наличии правомочного местного самоуправления и революционных демократических организаций.

„Городская дума требует немедленного освобождения задержанных граждан, считая, что анархические действия в форме личного захвата представителей торгово-промышленного класса и финансового мира противоречат принципам рабочего движения, не могут разрешить экономических кризисов и влекут за собой полное разрушение хозяйственной жизни.

„В отношении же вопроса об обеспечении условий и оплаты труда рабочих г. Харькова городская дума, помимо ряда уже принятых мер, должна в срочном порядке в контакте с Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов содействовать разрешению кризиса".

Антонов был, однако, непоколебим. Он согласился только выпустить одного из арестованных для того, чтобы побудить капиталистов, оставшихся на свободе, внести выкуп. Выпущенный вернулся на другой же день и с грустью сообщил, что в среде капиталистов нет никакой солидарности. Вся эта история кончилась победой Антонова. Деньги были внесены, когда он пригрозил передвинуть вагон с арестованными в район рудников. Харьковский комитет партии был недоволен Антоновым и жаловался в Петроград Центральному Комитету на его действия. Но эти жалобы не находили там отклика. Центральный Комитет одобрял решительные меры в отношении к харьковским капиталистам. Об этом свидетельствуют телеграммы, полученные Антоновым из Смольного.

Второго января Сталин телеграфировал:

„Наши симпатии целиком на стороне Антонова".

Ленин, со своей стороны, писал Антонову:

„От всей души приветствую вашу энергичную деятельность и беспощадную борьбу с калединцами. Вполне одобряю неуступчивость к местным соглашателям, сбившим, кажется, с толку часть большевиков. Особенно одобряю арест миллионеров-саботажников в вагоне I и II класса. Советую отправить их на полгода на принудительные работы в рудниках. Еще раз приветствую вас за решительность и осуждаю колеблющихся. *Ленин*".

Эпизод с арестом харьковских богачей еще долго служил притчей во языцех в Харькове. Он всполошил все общественные организации и партийные группировки.

Перейдем сейчас к анализу политического „спектра" в Харькове в указанный период. С этой целью остановимся на партийных списках при выборах в Учредительное собрание по Харьковской губернии.

На этих выборах оказались представленными следующие политические партии и группировки:

I. Правые.

1. *Аграрии* (список „земельных собственников").
2. *Попы* (список „церковных приходов").

II. Буржуа.

1. *Кадеты.*
2. *Торгово-промышленная группа.*
3. *Евреи-буржуа* („еврейский национальный блок").
4. *Немцы-буржуа* (список „русских граждан немецкой национальности").
5. Сюда же нужно отнести группы *мелкобуржуазных радикалов* (народные социалисты, „Единство", правые эсэры, меньшевики-оборонцы; каждая из этих групп выступала с самостоятельным списком; кооператоры блокировались с группой „Единство", но также шли отдельно, независимо от партийного списка группы „Единство".

В социальном смысле к группе буржуазных радикалов примыкали *кулаки* в деревне и *буржуазная интеллигенция* (адвокаты, кооператоры, земцы, управляющие).

III. Мелкие буржуа.

1. *Эсэры.*
2. *Меньшевики-интернационалисты.*
3. *„Серп" и Поалей-Цион.*

IV. Рабочий класс и беднейшее крестьянство.

Большевики.

Обращает на себя внимание тот факт, что *украинские партии* не выставили отдельных списков; впрочем, украинские с.-д. вели одно время переговоры с большевиками *об общем списке*, но на чем-то не сошлись; что касается украинских эсэров, то они шли в блоке с российскими эсэрами.

Поражает обилие списков (19), но в то же время среди них почти совершенно нет обывательских групп („беспартийных"), которые всплыли на поверхность в июле при выборах в городскую думу.

„Самоопределились" правые группы, которые спрятались, было, при выборах в городскую думу и голосовали за „№ 1" (список кадетов). Расщепились на два лагеря бесформенные мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсэров [1]). „Блоков" почти не оказалось, что указывает на стремление партийных групп не упустить удобного случая „себя показать и на людей посмотреть".

[1]) Меньшевики-оборонцы, находясь *в одной партии* с меньшевиками-интернационалистами", шли под самостоятельным флагом и вели борьбу со списком „интернационалистов". Левые эсэры к тому моменту выделились в организацию „левых эсэров".

Все 19 списков, фигурировавших при выборах в Учредительное собрание, укладываются в *три* большие группы:

1. *Реакционеры и контр-революционеры* (аграрники, попы, кадеты, купцы и промышленники, сионисты, „русские граждане немецкой национальности“, народные социалисты, плехановцы, правые эсэры и меньшевики-оборонцы).

2. *Колеблющиеся мелкие буржуа* (меньшевики и эсэры).

3. *Рабочий класс* (большевики).

Реакционеры и контр-революционеры имели ясную и определенную программу: *свержение большевиков и возврат к прошлому.*

Меньшевикам же казалось, что они наносят одновременно удары „налево“ и „направо“, когда они, примерно, так писали: „Списки оборонцев (9, 11, 14 и 15), это — списки той части демократии, которая повинна *не меньше большевиков* в том кризисе, *в том ужасе*, который мы теперь переживаем“ [1]).

Список № 3 (большевиков), утверждали меньшевики, „это список борьбы со стачечниками при помощи голода, список уничтожения свободы печати, список террора и штыков; список, принесший голод Петрограду, Москве и фронту“.

Словом, и колеблющиеся мелкие буржуа, и просто буржуа, и аграрии — все 18 списков — одинаково злобно травили партию пролетарской революции, объединяясь в этой ненависти.

Она роднила партии мелкой буржуазии с партиями и группами средней и крупной буржуазии, и этим, думается, можно объяснить тот факт, что итоги выборов в Учредительное собрание *в городах* показали рост *крайних партий: большевиков*, с одной стороны, и *кадетов* — с другой. Промежуточные группы „рассосались“ [2]).

В Харькове и губернии итоги выборов в Учредительное собрание были таковы:

№№ списков	Партия или группа	Число голосов в Харькове	Число голосов в губернии
1	Церковные приходы	3.647	8.995
2	Земельные собственники	890	12.445
3	Большевики	27.336	110.846
4	Меньшевики-интернационалисты	4.057	11.978
5	Эс-эры	12.537	650.386
6	К.-д.	24.866	59.509
7	[3])	—	—

[1]) „Социал-Демократ“, 12 ноября 1917 года.

[2]) *В деревне* эсэры в этот момент еще сохранили свои позиции.

[3]) Мелкая буржуазная группа, получила всего несколько десятков голосов; название группы, к сожалению, не мог установить.

№№ списков	Партия или группа	Число голосов в Харькове	Число голосов в губернии
8	Поалей-Цион	54	847
9	Меньшевики-оборонцы	3.228 [1])	5.797
10	Еврейский национальный блок	5.302	6345
11	Народные социалисты	6.980 [2])	11.516
12	Торгово-промышленная группа	1.712	6.096
13	„Серп"	681	901
14	„Единство"	1.058 [3])	2.972
15	Эсеры-оборонцы	3.982	33.913
16	Русские граждане немецкой национальности	1.725	4.921
17	Крестьяне Сумского уезда	7	187
18	Крестьяне Змиевского уезда	12 [4])	290
19	Кооператоры и „Единство"	12	582

Большевики получили по Харьковской губ. *одно место* [5]).

Выборы в Учредительное собрание показали, *что рабочие поддерживают большевиков* и покидают соглашателей. В июле эсеры одержали неожиданную для них самих колоссальную победу. В декабре они потерпели на городских выборах полное поражение. В июле эсеры получили 50% поданных в городе голосов, а у солдат даже свыше 80%, в декабре эсеры собрали в городе еле 10, а у солдат *эсэровские списки* получили в совокупности 30% всех голосов.

Что касается меньшевиков, то их дела оказались еще более плачевными. В июле они шли впереди большевиков, в декабре они еле собрали 4 тысячи голосов из 100 тысяч, т.-е. всего-навсего 4%, в то время как большевики получили треть всех голосов.

---

[1]) По другим источникам 3.300

[2]) По другим источникам 6.480

[3]) По другим источникам 1.096

[4]) По другим источникам 19

[5]) В списке большевиков были выставлены: Артем, Муранов, Бубнов А., Лещинский, Апикеев (ст. Краматорская), Кин П., Котлов (железнодорожный рабочий), Маракулец (Славянск), Пастер (рабочий Всеобщей компании электричества), Иванов Алексей, Татаринов (Чугуев), Буздалин, Покко, Сербиченко, Скороход, Гончаренко и Сапельников. По Полтавской губернии первым в списке шел Троцкий Л., по Донецкой области — Васильченко и Сырцов, по Екатеринославской губернии — Петровский Г.

ГЛАВА XIII.

ДОНБАСС.

Об Октябрьских днях в Донбассе мы имеем пока только отрывочные воспоминания отдельных участников событий: П. Казимирчука, написавшего содержательный очерк борьбы за советскую власть на рудниках Горлово-Щербиновского района, Ф. Зайцева и И. Николаенко, давших ценные штрихи о развитии событий в Юзовке (ныне Сталино) и в Луганске, и др.

Революция в Донбассе натолкнулась с первых же шагов на двоякую трудность: с одной стороны, на необходимость преодоления саботажа директоров, инженеров и штейгеров, которые в борьбе с большевиками не брезгали ничем: то здесь, то там начали затопляться шахты, оборудование приводилось в негодность; куда-то упрятывались дорогостоящие технические материалы, — и, с другой стороны, на необходимость борьбы с анархо-бандитизмом и с захватом рудников отдельными группами деморализованных рабочих.

Горлово-Щербиновский совет объявил инженеров ответственными за порчу оборудования; часть из них была изгнана с рудников и заменена квалифицированными рабочими. На предприятиях были образованы горные комитеты. Директора бельгийских и французских обществ пытались отстаивать свои права „иностранных подданных", но в результате были выброшены не только из предприятий, но даже из своих особняков.

Для борьбы с бандитизмом был создан революционный трибунал, жестоко расправлявшийся с дезорганизаторами производства.

Связь рудников Горлово-Щербиновского района даже с Юзовкой, не говоря уже о Харькове, не была налажена как следует. Во всех районах Донбасса, как и в других местах, осуществлялась в этот период в полной мере „власть на местах".

„Иметь какие-либо сношения с Харьковом или Екатеринославом не было времени,— пишет Казимирчук. — Да и Харьков мало думал тогда о нас, а поэтому пришлось все делать и создавать самим, на свой личный страх и риск".

Связь ограничивалась посылкой на съезды советов или партийные конференции в Харькове представителей Донбасса, „которые там просиживали безвыездно по целым месяцам — это были товарищи Лапин и Острогорский".

Захват Ростова Калединым заставил Донбасс насторожиться. Ревкомы стали усиленно организовывать отряды Красной гвардии. В Горловском районе командиром Красной гвардии был назначен Шишковский, рабочий артиллерийского завода. Он установил связь с Петровскими и Юзовскими рудниками; в этот момент опасность нападения на предприятия и рабочие организации выросла чрезвычайно сильно; часть пропущенных Центральной Радой казаков, проходя через Донбасс, учинила свой первый погром в Юзово-Александровском районе.

Маршруты на Дон со всякого рода вооружением и обмундированием шли под флагом Красного Креста и под видом медикаментов. Казимирчуку удалось задержать казачьи пулеметы системы „Максим", винтовки, полевые прожектора, автомобили.

Влияние Центральной Рады в Донбассе было незначительно. Все же в Бахмуте в ноябре была попытка местных петлюровских частей „украинизировать" власть; попытка совпала с усилением Рады в Киеве после Октябрьских дней. На некоторое время это удалось, но украинские части вскоре разъехались, кто по домам, кто в Полтаву, и власть в городе перешла снова к Совету рабочих депутатов.

Не считая этого эпизода, можно сказать, что Донбасс непосредственно не сталкивался с Радой. Основным врагом Донбасса был Каледин. К борьбе всеукраинского советского центра с Радой Донбасс относился равнодушно, как к чужому делу. Характерны следующие строки из воспоминаний Казимирчука:

„Избранный Всеукраинский исполнительный комитет (ЦИКУК) был безжизненный, ибо был настолько неработоспособный, что наш делегат тов. Острогорский, сперва просивший взять его оттуда, впоследствии сам ушел и прибыл в район".

В этой оценке ЦИКУК сказалось обычное в то время отношение левобережцев к этому правительственному учреждению.

О влиянии большевиков на рудниках в Октябрьские дни и после Октября Казимирчук сообщает:

„Рудник № 1, который с Февральской революции до августа все время плелся за меньшевиками, стал революционным и по первому зову рудничного гудка выходил на свои посты. 5 и 8 рудники всегда были с нами и теперь шли впереди во всех опасностях,

которые несли казаки. Рудники Веровка, Софиевка, Бунге, зараженные меньшевизмом, анархизмом и укрывавшие их, — теперь, в силу грозящей опасности с Дона, держали твердую линию, общую с нами, для отражения казачьих набегов. Ртутный рудник с первых дней Февральской революции был колыбелью Горлово-Щербиновского района, воспитавшей в своем революционном духе и соседей своих, стал теперь штаб-квартирой Красной гвардии и приютом рабочих, уходивших от Каледина. Щербиновский, Нелеповский и Северный рудники вскоре после Февраля стали аванпостами рабочих Горлово-Щербиновского района, и анархисты, несколько раз пытавшиеся посеять разложение на Щербиновских рудниках, не только не имели успеха, но, по распоряжению совета, были арестованы и искоренены, а имевшиеся меньшевики, надрываясь первое время во имя спасения рабочих Щербиновских рудников от большевистской опасности, позже выдохлись и прекратили существование".

Байракский рудник шел с большевиками с первых же дней Февральской революции, но после Октября там получили преобладающее влияние анархисты.

„Их пришлось твердой рукой расправы выдернуть из рабочей среды, и трибунал вынес им заслуженные наказания; Байрак стал верным товарищем, помогавшим своим собратьям-рабочим в дни калединщины".

Против казачьей контр-революции были мобилизованы все силы.

Центром боевых операций против калединщины была Юзовка. Сюда прибыл в январе так называемый центро-штаб Донбасса, во главе с председателем Харечко (Тарасом) и начальником штаба Крусселем; из политработников штаба надо отметить Гарина и Дербицкого. По инициативе последнего, в Юзовке был создан Центральный исполнительный комитет Юзово-Макеевского района — „мертворожденное учреждение, которому не подчинялся ни район, ни наш местный исполком" (так утверждает Ф. Зайцев).

Интересную картину соотношения сил мы наблюдаем в этот период в Луганске, где влияние большевиков было очень сильно. Это был единственный город на Украине, где в руках большевиков задолго до Октября фактически сосредоточилась вся „власть" городской думы. Летние выборы в городскую думу по пропорциональной системе дали большинство всего на один голос меньшевикам, эсэрам, бундовцам, серповцам и т. д., но компактная фракция большевиков в виду раздробленности остальных фракций была хозяином положения.

Совет рабочих депутатов здесь также обольшевичился значительно раньше, чем во многих других городах Украины. Ревком, организованный советом в августе, захватил всю полноту власти и поспешил арестовать почти весь офицерский состав гарнизона. В октябре в городе был организован Совет Народных Комиссаров

- —

ГЛАВА XIV.

ЕКАТЕРИНОСЛАВ.

Украинские социал-демократы и социал-революционеры были в Екатеринославе крайне слабы. Их политические выступления носили как бы теоретизирующий характер и сводились к программным декларациям на заседаниях Совета рабочих и солдатских депутатов. Чтобы охарактеризовать удельный вес екатеринославских украинских социалистических организаций в этот период, надо сказать, что в августе на выборах в городскую думу все они вместе получили 6 мест из 100, в то время как большевики получили 32 места. Как и в Харькове, украинские социал-демократы левели в продолжение 1917 года и зачастую на заседаниях голосовали вместе с большевиками против блока меньшевиков и эсэров. Декларации в том духе, что мы-де большевики, только украинские, бывали обычным явлением в совете. Украинские социал-демократы поддерживали требования большевиков о вооружении Красной гвардии и одновременно требовали оружия для „вільного казацтва".

Один из эпизодов борьбы в Киеве, а именно признание большевиками, на известных условиях, Рады в качестве высшего краевого органа власти, почти буквально повторился в Екатеринославе. Большевики приняли поправку украинских социал-демократов к резолюции объединенного заседания горсовета с завкомами и полковыми комитетами о признании советов и одновременно Центральной Рады как высшего органа краевой власти[1]). Только через несколько дней, когда произошел открытый разрыв между Центральной Радой и Российским Совнаркомом и когда стало известно о выходе Пятакова и Затонского из Малой Рады, екатеринославцы изменили свое отношение к местной губернской Раде и отказались от признания Центральной Рады краевой властью.

[1]) Правда, принимая поправку у. с.-д., большевики заявили, что Киевский ревком, выделенный Радой, должен быть переизбран первым съездом советов Украины.

Необходимо отметить позицию, которую большевики заняли в вопросе о вхождении Екатеринославской губернии в состав Украины. При обсуждении этого вопроса в городской думе и на пленуме советов фракция большевиков выступала с требованием плебисцита[1]).

В начале декабря, почти одновременно с Киевским советом, Екатеринославский губернский съезд советов осудил позицию Центральной Рады, признав, что она „объявила войну рабочим и солдатским массам, разоружая эти массы, разжигая национальную вражду между отдельными частями ее, сея этим гражданскую войну".

На стороне Рады в городе был хорошо вооруженный гайдамацкий курень (1000 штыков). На стороне большевиков (с июля-августа) 271 пехотный полк. Но учебная команда, — пожалуй, единственно сохранившаяся часть полка, — во главе с капитаном Орловым, находилась на содержании городской управы.

Неопределенную позицию,— с уклоном в сторону Временного правительства, — занимал уланский кавалерийский эскадрон, который после проявил себя, как наиболее контр-революционная часть,

Екатеринославе. Полк имени атамана Орлика (Сердюцкий) составился из питерских гвардейских частей и в значительной части состоял из сочувствующих большевикам, но комсостав его был петлюровский. Можно было рассчитывать, как это и оказалось впоследствии, что полк займет в предстоящей гражданской войне по отношению к большевикам дружественный нейтралитет.

Красная гвардия была, как почти всюду, слаба и плохо вооружена (револьверы были далеко не у всех, не говоря уже о винтовках и пулеметах).

Организация Красной гвардии наталкивалась на противодействие со стороны меньшевиков и эсэров. Тем не менее под давлением рабочей массы в сентябре-октябре штаб Красной гвардии был создан и утвержден исполкомом; для Красной гвардии удалось достать оружие — несколько тысяч винтовок, несколько сот наганов и несколько пулеметов. Петлюровцы каким-то образом узнали, что большевики получили из Москвы оружие. И когда посланный в Москву за оружием Ройзман доставил винтовки и патроны в Екатеринослав, петлюровцы приняли меры, чтобы оружие не было выгружено. Екатеринославский комитет партии тщетно вел пере-

1) Эта ошибка объясняется более общими колебаниями екатеринославских большевиков в проведении национальной политики. С. Гопнер признает, что екатеринославцы, не имея „ясных директив из центра", сами „не сразу нашли правильную ориентацию" (см. „Звезда-Зоря", № 29, 1921 г.).

говоры с петлюровцами, чтобы прийти к какому-нибудь соглашению с ними. Переговоры не привели к желательным результатам, и когда оружие прибыло в Екатеринослав, часть его (пулеметы и наганы) была захвачена куренем. На следующий же день об этом стало известно на заводах, и красногвардейцы Брянского завода, решившись во что бы ни стало отбить оружие, ловким маневром окружили гайдамаков и с помощью своевременно подошедшего паровоза Брянского завода увезли груз, который отныне поступил под защиту многотысячной массы рабочих Брянского завода.

Брянский завод в Екатеринославе сыграл ту же роль, что арсенал в Киеве.

Э. Квиринг, который написал воспоминания о деятельности Екатеринославского совета в этот период, указывает, что Брянский завод в Октябрьские дни (фактически в декабре) был настоящим мобилизационным пунктом: „Здесь формировалась Красная гвардия, шло обучение и вооружение. Одновременно это была и крепость и арсенал". К середине декабря совет был переизбран. Меньшевики и эсэры в новом совете оказались в меньшинстве. В новый президиум вошли: Квиринг, Аверин, Ройзман и др.

Временный революционный комитет был выбран в конце декабря на Брянском заводе из следующих лиц: Аверина, Хавского, Валявки, Бека, Амосова и Лутового. По утверждению Э. Квиринга, в общий ревком, выделенный президиумом горсовета, входили Аверин и Гринбаум.

Дни, предшествовавшие вооруженной схватке, в их последовательности изображены в статье Лугового „Эпоха бурь и натисков". [1])

Началом Октябрьских дней в Екатеринославе надо считать 22 декабря, когда развернулась борьба против гайдамаков.

Соотношение сил в Екатеринославе в этот момент было таково:

„На Брянском, Трубном, Амуре, Нижнеднепровском рабочие вооружены. Нашими же войсками со стороны Харькова с боем занимается Синельниково. Губернский продкомитет не дает хлеба Питеру и Москве. Почта не передает никаких сведений. Екатеринослав оказывается оторванным от всей России. От Синельникова до Харькова властвуют советы, а у нас сотни офицеров, десятки войсковых начальников гайдамацких частей, различных начальников почт и телеграфов, назначенных Радой, г. г. Коротаевы,— вот кто властвует в Екатеринославе, вот кто командует рабочими и солдатами Екатеринослава.

[1]) „Звезда" № 29, 1921 г.

„Екатеринославский совет должен действовать; советская власть должна стать фактом",— так писала „Звезда".

Пробил час восстания, и партия обращалась к рабочим и солдатам:

„Победа революции шествует из города в город. Вместе с нашими товарищами питерцами, москвичами и харьковцами пойдем на бой за революцию, за социализм. Мы разделим с ними трудности борьбы и честь победы. Революция непобедима! Да погибнут все враги ее! Среди нас нет колебаний! Среди нас не будет малодушных!"

Ход событий был ускорен следующим фактом:

„Как-раз 24 декабря гайдамаки привезли из Александровска бронированный автомобиль и в 4 часа дня в сопровождении десятка конных с пулеметами, направленными против совета, несколько раз проходили взад и вперед по проспекту. Ясно было, что нужно начать действовать. Группа товарищей во главе с Ильченко приезжает той же ночью забрать броневик у гайдамаков. Броневик был поставлен в пожарной команде около тюрьмы. Ночью делается налет на пожарную команду. Небольшая перестрелка с тюремной охраной — и броневик в наших руках. К утру он уже стоял во дворе Брянского завода. Для всех было ясно, что кража броневика послужит последним сигналом к схватке.

„Первый день Рождества. По городу разнеслась весть, что брянцы украли у гайдамаков броневик, что сегодня ночью неминуемо выступление гайдамаков. Город, обычно праздничный, в этот день опустел. В воздухе пахло грозой. Рабочие разбивались на сотни, и завод со всех сторон был оцеплен охраной. С минуты на минуту можно было ждать гайдамаков. В морозном зимнем воздухе суетятся рабочие. Никому не до праздника. Наконец, на другой день, 26 утром, на Брянский завод приехали гайдамаки и вручили ультиматум, в котором говорилось, что если к 12 часам броневик не будет сдан, то артиллерия начнет обстреливать завод".

Квиринг вносит в это описание Лугового одну поправку: похищение броневика — по его свидетельству — не было делом личной инициативы группы рабочих, а было решено президиумом горсовета.

Бой шел с 27 декабря. Гайдамаки, засевшие в почте, решили овладеть помещением совета. Чтобы выиграть время, Аверин и Гринбаум от имени штаба вели переговоры с петлюровцами, а Квиринг пытался сагитировать полк Орлика. Этого ему не удалось добиться, полковой комитет решил не вступать в борьбу, но в то же время решил потребовать у гайдамаков прекращения во-

енных действий против совета и выдачи пулеметов, захваченных у рабочих. Пока велись переговоры с гайдамаками, бой был решен не в их пользу. 28 декабря Красная гвардия заняла все государственные учреждения; 29 декабря петлюровцы были выбиты из последнего убежища — почты. Совет рабочих и солдатских депутатов одержал победу.

———

ГЛАВА XV.

ПЕРЕЕЗД В КИЕВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТОВ УКРАИНЫ И УХОД ИЗ КИЕВА.

Опасности подстерегали на каждом шагу советское правительство, переехавшее из Харькова в Киев [1]). Обстановка в Киеве в рассматриваемый период была необычайно сложной и запутанной. Национальная контр-революция была побеждена, но не разбита, не разгромлена, как вообще еще не была разгромлена контр-революция, притаившаяся на периферии и, в частности, на Волынщине, куда бежал Петлюра и откуда он вновь возвращался „триумфатором“ на штыках германских корпусов. Угроза оккупации очень скоро вырисовалась во всей своей неприглядности. Но военная опасность была не единственной причиной слабости советов в Киеве. Отдельные крупные ошибки как местных советов, так и центральных органов тоже расшатывали неокрепшую власть. К числу таких ошибок надо отнести то, что советская власть, наложив на киевскую буржуазию контрибуцию в размере 10 миллионов рублей, этим ограничилась и не приступила ни к национализации всех банков, ни к закрытию контр-революционных газет, ни к разоружению буржуазии (в лице так называемой домовой охраны).

Советское правительство чувствовало себя в Киеве недостаточно прочно. С одной стороны, пролетарские левобережные центры, как мы видели, были по горло заняты своими делами, борьбой с донской контр-революцией и т. д. и не оказывали центральному всеукраинскому правительству не только материальной, но и достаточной моральной поддержки. С другой стороны, Киев все еще носил на себе следы недавнего господства контр-революционных сил, которые только на время скрылись в подполье. В рассматриваемый период Киев был буквально наводнен офицерством, нахлынувшим сюда с фронта и из Питера. Муравьев чересчур

[1]) Следует отметить, что переезд в Киев был решен в Секретариате далеко не единогласно; часть народных секретарей высказывалась против переезда, считая его преждевременным, политически нецелесообразным и т. д.

резко и бестактно, но в сущности правильно, ставил вопрос об обуздании этих элементов. Другое дело, насколько Муравьев мог справиться с этой задачей. Народный Секретариат не питал к этому безусловно храброму, но политически невыдержанному, с оттенком хлестаковщины, солдату необходимого доверия и хотел только одного, чтобы Муравьев поскорее убрался из Киева. В „Вестнике Украинской Народной республики" был даже напечатан текст переговоров по проводу между Н. Скрыпником и Ю. Коцюбинским, где было упомянуто о том, что все заявления Муравьева политического характера не имеют никакой силы. На этой почве между Народным Секретариатом и Муравьевым (и Антоновым как начальником Муравьева) были длительные трения. Народный Секретариат возражал против назначения Муравьева командующим румынским фронтом.

Муравьев, со своей стороны, жаловался в длиннейших телеграммах Ленину на действия Коцюбинского и других народных секретарей. Не заблуждаясь насчет личных качеств Муравьева, Ленин все же склонялся к тому, чтобы поручить ему командование румынским фронтом; это назначение было горячо поддержано Антоновым-Овсеенко.

Как сообщает Антонов, 14 февраля Ленин телеграфировал Муравьеву:

„Если не будет иного распоряжения от Антонова, действуйте как можно энергичнее на румынском фронте, по соглашению с Раковским и его коллегией".

Телеграммой от 17 (4) февраля Ленин уже прямо выдал Муравьеву мандат на командование румынским фронтом.

На одесском фронте Муравьев сталкивался уже не с Народным Секретариатом, власть которого фактически так далеко не простирались, а с Румчеродом — верховным органом власти в Одессе и прилегающем районе.

Так кончилось пребывание Муравьева в Киеве. Следы его остались на весьма продолжительное время. Скорее к положительным итогам деятельности Муравьева в Киеве надо отнести его политику в отношении к белогвардейскому отребью, собравшемуся в Киеве и выжидавшему удобного момента для выступления против советов.

За короткий период своего пребывания в Киеве Муравьев несколько почистил Киев от реакционного офицерства. Этой же работой был занят, помимо Муравьева, Майоров, ставший во главе Всеукраинского революционного комитета (род Чрезвычайной

Комиссии, которой тогда на Украине еще не было). Но надо сказать, что даже в отмеченных условиях террора в прямом смысле, т.-е. расправы за классовую принадлежность, в Киеве не было. Даже В. Шульгин, сидевший в Лукьяновской тюрьме, был выпущен на свободу. Назначенный в конце февраля народным секретарем по борьбе с контр-революцией В. Примаков тоже не прибегал к массовому террору. Впервые советская власть стала прибегать к террору уже в конце 1918 г. после покушения на В. И. Ленина, в ответ на белогвардейский террор.

Собрать, склеить, скрепить государственный аппарат—задача, требующая не дней и не недель, а месяцев. Поэтому естественно, что за короткое время пребывания в Киеве были созданы лишь отдельные, слабо работающие учреждения, хотя народные секретариаты (комиссариаты) пытались развернуть свою работу сейчас же после перехода власти к советам [1]).

Назначенный членом коллегии Народного Секретариата финансов и гражданским комиссаром Киева Г. Чудновский на этом посту ничем себя не проявил. В качестве курьеза нужно привести официальную мотивировку сложения им с себя обязанностей гражданского комиссара 15 февраля. Этот свой шаг Г. Чудновский объяснял тем, что „жизнь Киева входит в нормальную колею, советская организация оправилась от погромов, учиненных Поршами и Винниченко, советский аппарат налажен и комиссару по гражданскому управлению Киевом делать больше нечего".

Много хлопот доставило советскому правительству распоряжение секретариата финансов об аннулировании петлюровских денег, как „фальшивых". От этой операции пострадала вся масса мелких держателей петлюровских дензнаков, так как обмен „фальшивых" денег на советские знаки по ряду причин фактически не производился. Обмен денег был затруднен отсутствием достаточного запаса совзнаков, с одной стороны, и невозможностью справиться

[1]) ЦИКУК и Народный Секретариат помещались в Педагогическом музее по Большой Владимирской ул. № 19. Народный Секретариат по внутренним делам — на Институтской № 40, дом бывшего генерал-губернатора, военных дел — на Фундуклеевской № 11, Секретариат труда, торговли и промышленности—по Бибиковскому Бульвару № 12, народного просвещения (В. Затонский) — в помещении Украинского учебного округа, путей сообщения — в правлении Юго-Западных ж.-д., судебных дел — по Владимирской, в здании присутственных мест, почт и телеграфов—в управлении почт и телеграфов, продовольствия—по Бибиковскому бульвару № 18, земледелия — по Владимирской 19, редакция „Вестника Украинской Народной республики" помещалась в редакции бывш. „Киевской Мысли", по Фундуклеевской, 19.

с огромными очередями чаявших обменять петлюровские деньги на совзнаки — с другой. Через короткое время обмен был прекращен, „в виду перегруженности комиссии“ (по приему заявлений об обмене денег).

Надо сказать, что Народный Секретариат был отчасти вынужден пойти на аннулирование карбованцев под давлением комиссара государственного банка Ю. Пятакова, который в ультимативной форме потребовал этого шага со стороны Секретариата, угрожая в противном случае не высылать в Киев ни копейки денег. На этой почве вначале не враждебное, а в известном смысле даже сочувственное отношение городского мещанства к новой власти, стало сменяться настроениями противоположными. Киевский исполком был в этом вопросе в оппозиции к Секретариату. Многие рабочие также выражали открыто свое недовольство аннулированием карбованцев.

Зато вполне удачным было распоряжение Народного Секретариата о выплате рабочим зарплаты полностью за дни январского восстания, когда фабрики и заводы не работали.

Соответствующее постановление было принято Народным Секретариатом 17 февраля и опубликовано через два дня, 19 февраля, в „Вестнике Украинской Народной республики“.

ДЕКРЕТ ОБ УПЛАТЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ РАБОЧИМ ЗА ДНИ ВОССТАНИЯ.

В дни январского восстания рабочие Украины и, в частности г. Киева не могли выходить на работу, сражаясь на улицах с контр-революцией.

Ныне контр-революционная буржуазия не только отказывается уплатить рабочим за эти дни невыхода на работу, но даже осмеливается угрожать им репрессиями.

Народный Секретариат Украинской рабоче-крестьянской республики не может допустить такого издевательства над революционным пролетариатом и поэтому постановляет:

За дни невыхода на работу во время январского восстания предприниматели обязаны немедленно по издании сего декрета уплатить рабочим причитающуюся им заработную плату полностью.

Лица, отказывающиеся исполнить настоящее постановление и таким образом препятствующие рабочим бороться за свободу и торжество советской социалистической власти, будут предаваться суду революционного трибунала и караться самым беспощадным образом.

(Подписи народных секретарей)“.

Народный Секретариат испытывал острую нужду в деньгах за все время пребывания в Киеве, так как, несмотря на обещания Ю. Пятакова, денег из Петрограда прислано не было.

Созыв второго Всеукраинского съезда советов был назначен на 20 февраля. Надо полагать, что близость новой боевой грозы еще не полностью была осознана в этот момент.

Каждому волостному совету, а при отсутствии совета волостному съезду было предложено послать по одному представителю; горсовету, объединяющему до 3.000 членов,— одного представителя, до 5.000—двух, а сверх того по одному делегату на каждые 300 чел.; от уездных, окружных и областных объединений—по одному представителю; от железнодорожных почтово-телеграфных объединений по норме, принятой для советов, а для центральных объединений по одному представителю; от рабочих и солдат военно-технических предприятий, не представленных в местных советах,—по норме; от войск и флота, в том числе от торгового флота,— на общих основаниях.

На съезде были намечены доклады Народного Секретариата о политическом положении страны, о взаимоотношениях Украины и России, земельный вопрос, экономическая политика, доклады ЦИК и народных секретарей.

Быстро промелькнули первые лихорадочные дни в освобожденном Киеве. Связь с провинцией понемногу стала налаживаться. В Киеве появились ходоки со своими нуждами, запросами, недоумениями, длиннейшими приговорами сходов, осуждавшими действия Центральной Рады и приветствовавшими „товарищей-большевиков". Приемные Народного Секретариата и ЦИК стали заполняться ходоками от волостей и сел; бывали на приеме у народных секретарей и представители буржуазии.

И вдруг — зловещие слухи о приближении австро-германских войск к Киеву; слухи сначала туманные, неведомо откуда ползущие, но все более и более достоверные.

Для обрисовки состояния связи в тот момент достаточно сказать, что даже Народный Секретариат по военным делам не имел никаких данных о движении германо-гайдамацких частей.

На заседании Народного Секретариата в последних числах февраля, т.-е. за несколько дней до падения Киева, представитель Военного Секретариата уверял, что слухи о движении немцев в сторону Киева „безусловно ложны". Возникновение этих слухов объяснялось, по мнению секретариата, весьма просто. По его сведениям, в пограничном районе были только частичные случаи на-

бегов партизанских отрядов австро-германских войск на некоторых железнодорожных станциях и в ближайших к расположению неприятельских войск городах и местечках. Набеги эти были предприняты, якобы, с целью добычи провианта и захвата складов оружия, брошенного правительством Рады в указанном районе. Представитель Секретариата уверял, что „военными властями приняты меры“ и т. д.

Но уже через несколько дней пришлось бить тревогу.

Переговоры в Бресте были прерваны после оглашения брестской декларации, содержавшей знаменитую формулу: „ни война, ни мир“.

Сейчас же после разрыва началось наступление немцев.

Сталин извещал киевлян, что целью настоящего наступления, по сведениям Совнаркома, является занятие Петрограда и Киева для того, чтобы продиктовать российской революции аннексионистский мир.

Далее Сталин писал:

„В виду выяснившегося положения, Совнарком решил организовать противодействие австро-германским захватчикам и призывает правительство Украинской рабоче-крестьянской республики немедленно приступить к обороне революционной Украины. Особенно Совет Народных Комиссаров считает необходимым организовать оборону столицы Украины—Киева. С этой целью рекомендуется приступить немедленно к рытью окопов. К устройству окопов рекомендуется привлечь всю буржуазию, заставляя принудительно работать тех из них, которые откажутся. Затем рекомендуется принять самые решительные меры к недопущению захвата неприятельскими войсками складов продовольственных продуктов, оружия и проч. Там, где продовольственные продукты не удастся вывезти,—немедленно уничтожить таковые“.

После этого на заседании Народного Секретариата решено было „немедленно организовать комитет для руководства обороной революционной Украины в составе 5 человек и комитету обороны предоставить самые широкие полномочия с правом принимать немедленные решения от имени Украинской республики“. Комитету было поручено приступить немедленно к набору добровольцев в революционную армию по всей Украине, а также выпустить воззвание на украинском и русском языках к рабочим и крестьянам Украины и на немецком языке для австро-германских солдат. Подольская, Волынская и Киевская губернии были объявлены на военном положении, а Киев на осадном положении.

22 февраля заседал ЦИК Украины. Сохранился протокол этого исторического заседания, который мы воспроизводим здесь полностью:

„Председательствующий тов. Решетько открывает заседание в 1 ч. ночи. Секретарем заседания избирается Воробьев.

Тов. Бакинский от имени Народного Секретариата оглашает две телеграммы, полученные от Совета Народных Комиссаров, в которых указывается, что срок перемирия истек, ответа на предложение русской делегации продлить срок не поступило, немцы начали наступление и заняли Двинск, Луцк и другие пункты. Наступление ведется ими на Петроград и Киев, почему необходимо экстренно принять меры к обороне страны. Народный Секретариат в этих целях предлагает Центральному исполнительному комитету советов Украины:

1) объявить осадное положение в гор. Киеве;

2) создать особую комиссию из пяти лиц по обороне страны и дать ей неограниченные полномочия, и

3) выпустить воззвание к населению и тем германским полчищам, которые двигаются на Киев для „наведения порядка", для разгрома революции. В комиссию по обороне страны намечены т.т. Бакинский, Мартьянов, Скрыпник, Коцюбинский, Примаков.

Тов. Мартьянов, указывая на трагическое положение, созданное этим наступлением, предлагает без слов, ибо сейчас, как никогда, нужно дело, утвердить предлагаемые Народным Секретариатом меры.

Тов. Лапчинский и Калиниченко указывают на то же.

Тов. Бош предлагает обсудить этот вопрос со всех сторон, принять во внимание серьезность тех мер, которые предлагают народные секретари, и возражает против предоставления неограниченной политической власти комиссии.

Тов. Чудновский разъясняет, что комиссия будет иметь неограниченную политическую власть постольку, поскольку это будет соприкасаться с организацией обороны страны.

Тов. Люксембург предлагает, чтобы все распоряжения, исходящие от комиссии, подписывались ЦИК.

Тов. Либицкий предлагает не опубликовывать о создании такой комиссии.

Затем ставится на голосование и принимается большинством предложение (14 за, 3 против, 1 воздержался): избрать комиссию в составе Мартьянова, Коцюбинского, Скрыпника, Бакинского

и Примакова по обороне страны от нашествия империалистов с Запада и предоставить ей чрезвычайные полномочия.

Тов. Бош предлагает дать более точную формулировку резолюции, после чего принимается следующая резолюция:

Образовать комитет из 5 членов в составе и. о. народного секретаря путей сообщения Сергея Бакинского, и. о. народного секретаря по военным делам Юрия Коцюбинского, и. д. народного секретаря почт и телеграфов Якова Мартьянова, начальника Червонного казачества Виталия Примакова и народного секретаря труда Николая Скрыпника. Комитету поручить руководство всеми мероприятиями по обороне революции от западных империалистов, для чего предоставить ей чрезвычайные полномочия.

Составление воззвания поручается т.т. Затонскому и Чудновскому.

Тов. Лугановский вносит предложение созвать в субботу собрание ЦИК, Киевского совета, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов.

Предложение принимается. После этого т. Бош просит сложить с нее обязанности народного секретаря по внутренним делам и отпустить для агитации в армию.

Тов. Чудновский предлагает этого вопроса не обсуждать, ибо тов. Бош заместителя не указала, и просить ее принять участие в агитации среди армии, поскольку это будет возможно.

Предложение принимается.

С подлинным верно:

За председателя *Решетько.*

Секретарь *Воробьев*".

Это заседание было очень бурным. На нем были выявлены две точки зрения. Одна группа указывала, что Совет Обороны должен явиться высшим правительственным органом со всеми правами Народного Секретариата; другая группа предпочитала предоставить Совету Обороны ограниченные права лишь в военной области. Незначительным большинством голосов победила вторая точка зрения.

На другой же день было опубликовано постановление о создании „Чрезвычайной Комиссии Народного Секретариата для защиты страны и революции" и два обязательных постановления этой комиссии:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТОВ УКРАИНЫ ОТ 22 ФЕВРАЛЯ 1918 ГОДА.

Образовать комитет из пяти членов в составе и. о. народного секретаря путей сообщения т. Сергея Бакинского, и. о. народного секретаря по военным делам т. Юрия Коцюбинского, и. д. народного секретаря почт и телеграфов т. Якова Мартьянова, начальника Червонного казачества тов. Виталия Примакова и народного секретаря труда Николая Скрыпника, каковому комитету поручить руководство всеми мероприятиями по обороне революции от западных империалистов, для чего предоставить ему чрезвычайные полномочия.

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ.

На основании постановления Центрального исполнительного комитета советов Украины г. Киев и его окрестности объявлены на осадном положении.

1. Воспрещается выход на улицу от 10 часов ночи до 5 часов утра всем, не имеющим пропусков.
2. Впредь до особого распоряжения пропусками служат удостоверения, выданные советом, профессиональными и другими рабочими организациями.
3. Все ворота и подъезды с 10 час. ночи до 5 час. утра должны быть заперты и охраняемы внутри домовыми комитетами.
4. Все театры, кафе, рестораны и т. п. закрываются в 9 часов вечера.
5. Всякие уличные скопища и собрания воспрещаются.
6. Все несданное оружие должно быть немедленно сдано в Педагогический музей.
7. Все виновные в контр-революционных действиях будут беспощадно караться.

Чрезвычайния Комиссия Народного Секретариата
для защиты страны и революции:

Юрий Коцюбинский.
Николай Скрыпник.
Виталий Примаков.
Сергей Бакинский.
Яков Мартьянов.

ПРИКАЗ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО КОМИТЕТА.

1. Конфискация платы за помещения.

а) Для дела охраны революции со всех квартировладельцев и квартирантов берется квартирная плата за месяц вперед, независимо от того, в какое время внесена плата, причем этот взнос зачисляется в счет квартирной платы домовладельцам;

б) от взноса освобождаются лица, которые платят за квартиры менее, чем 100 руб. в месяц;

в) взносы делаются через домовые комитеты, а там где их нет,—лично.

г) торговые помещения — магазины, рестораны, кафе и т. п.— вносят наемную плату за три месяца вперед, а гостиницы—за два месяца.

2. Налог на домовладельцев.

а) Все домовладельцы должны внести для защиты революции сумму, которая равняется последнему городскому оценочному сбору в 1917 году;

б) от взноса освобождаются домовладельцы, оценочный сбор с которых не превышает 100 руб.;

в) владельцы барских особняков платят сумму, которая равняется тройному оценочному сбору.

3. Сдача золота на сбережение.

а) Все золото в слитках, монетах и изделиях, больше чем 12 золотников весом, должно быть внесено на сбережение в государственный банк.

4. Порядок взносов.

а) Плата за квартиры, а также налог на домовладельцев вносятся во все частные и государственные банки и кассы;

б) взносы должны быть произведены наличными деньгами;

г) золото сдается на сбережение только в государственный банк.

5. Срок взноса.

а) Время взносов: суббота 23, воскресенье 24 и понедельник 25 февраля;

б) все частные и государственные банки и кассы будут открыты ежедневно от 9 до 6 вечера в названные дни.

6. Ответственность.

а) Домовые комитеты ответственны за взнос денег квартирантами дома.

б) Виновные в неисполнении этого приказа будут беспощадно караться.

Настоящий приказ действителен на всей территории Украины, которая объявлена на военном и осадном положениях.

Провинциальным советам предоставляется право менять ставки.

22 февраля 1918 г. Гор. Киев.

Члены Чрезвычайного Комитета Народного Секретариата для защиты страны и революции:

Юрий Коцюбинский.
Яков Мартьянов
Сергей Бакинский.
Николай Скрыпник.

Комиссар по борьбе с контр-революцией

Виталий Примаков.

Собрание, созванное по предложению Лугановского, было перенесено на воскресенье, 27 февраля. В субботу выступили лишь с краткими сообщениями о военном положении Затонский и Скрыпник. Из тактических соображений, чтобы не усиливать паники, они выражали надежду, что с кучками гайдамаков, организованных Петлюрой, удастся быстро покончить, принимая во внимание, что в Киеве на сторону Красной гвардии перешли чехо-словацкие отряды и что Бердичевский польский корпус, прорвавшись из Галиции, решил предоставить себя в распоряжение штаба юго-западного фронта.

Были сведения, что на подмогу идут также войска из Харькова и Полтавы: первая революционная армия, вторая армия Берзина и др.

В воскресенье с обычными агитационными речами выступали Бош и Зарницын.

Немцы двигались по Брест-Литовскому шоссе по направлению на Житомир. Второй Баварский корпус шел по линии Гомель—Сновская, советские части — отряды Примакова, 1 кавалерийский советский полк под командой Лаймана и Довнар-Запольского [1]), Уманский

[1]) Довнар-Запольский был убит на фронте.

отряд Кулика, Винницкий под руководством Эдельштейна, славянская часть под командой Марапульца, русско-сербский отряд Нехамкина и Гриневича—были слишком слабы и годились для борьбы с петлюровцами, а не для отпора регулярным немецким полкам. Чехо-словаки вели себя двусмысленно. В качестве примера можно привести следующий случай: когда Уманский отряд и 4 чехо-словацкий полк разбили части Брауншвейгской дивизии и выбили их из села Илиски, чехо-словаки самовольно покинули фронт, и, несмотря на помощь московских военнопленных (часть именовалась „III Интернационал"), село было отдано немцам обратно. Из других отрядов надо отметить отряд Шарова, впоследствии изменивший советской власти, и отряд Киквидзе, который был под Бердичевом и вначале шел на помощь красногвардейским отрядам, окруженным немцами под Гадячем, но от Гребенки отступил на Полтаву к эвакуировавшемуся туда ЦИК Украины.

Первая армия Егорова продвинулась до Черкас, прошла Елисаветград и Знаменку и через Геническ отступила в Крым. Под Фундуклеевской отличились части Поволоцкого, в боях участвовали Маруся Никифорова и Полупанов — известные партизаны Беленкович защищал в это время Елисаветград.

В последние дни перед отступлением президиум Киевского исполкома потребовал от Народного Секретариата точного ответа на вопрос, сколько дней совласть может еще продержаться в городе. На экстренном заседании Народного Секретариата с президиумом ЦИК, президиумом Киевского исполкома и секретариатом партийного комитета Юрий Коцюбинский все еще уверял, что по линии Фастов — Киев не угрожает никакая опасность, но отмечал, что хуже обстоит дело с Житомирским шоссе и что нужны подкрепления из Харькова (которые, кстати сказать, так и не прибыли до конца эвакуации; трудно думать, что Харьков имел в это время лишние отряды, которые он мог выслать в помощь Киеву).

У Коцюбинского сохранилась запись его сообщения на упомянутом заседании.

„Отряд тов. Чудновского стоит на участке Ирпень, взорвал мост через реку Ирпень и защищает переправу. У противника значительно сильнее артиллерия, устоять трудно, но пока наши держатся хорошо. Линия Фастов—Киев нам не угрожает, германские войска по ней не пойдут, так как по ней двигаются массы наших войск, отступающие с фронта, и быстро пробиться германским войскам нет возможности. Хуже обстоит с Житомирским шоссе: здесь наши силы невелики, а отсюда нужно ожидать глав-

ного удара. Наша разведка, на протяжении 30 верст от города, противника еще не обнаружила, но сюда необходимо послать подкрепление: в моем же распоряжении сил нет, и если районы не дадут людей, то послать пока некого".

На вопрос тов. Скрыпника: „За сколько дней военные власти могут поручиться?" тов. Коцюбинский заявил, что на это трудно ответить.

„Будет зависеть от активности противника, и получим ли мы силы для подкрепления. Если районы не дадут людей и Харьков не вышлет тех отрядов Червонного казачества, которые уже там сформированы и вызваны сюда, а противник ударит со стороны Житомирского шоссе, то нам удержать Киев имеющимися силами будет крайне трудно".

После этого было принято решение эвакуировать ценности государственного банка и правительству перебраться в Полтаву. Некоторые из присутствовавших на этом заседании утверждают, что тогда же было решено эвакуироваться и Киевскому исполкому, а также всем другим руководящим советским органам. Отсутствовавшие народные секретари, узнав о принятом решении, потребовали созвать новое экстренное заседание Народного Секретариата и президиума ЦИК. Киевляне (т.-е. члены Киевского исполкома) были обвинены частью народных секретарей, и прежде всего Бош, в паникерстве, но помешать отъезду киевлян уже было невозможно.

Перед отъездом Киевского исполкома к Е. Бош явилась делегация от городской думы во главе с М. Рафесом, с предложением сдать власть перед уходом из города представителям думы. Народный Секретариат намеревался вначале арестовать активных деятелей городской думы за дерзость, но киевляне настояли на отмене этого решения.

После отъезда президиума Киевского исполкома, меньшевики, бундовцы и эсэры собрали Совет рабочих депутатов и на заседании громогласно объявили о бегстве советского правительства и Киевского исполкома. Этот момент и последовавшие затем события так описаны у Е. Бош:

„Зал купеческого собрания, где происходил пленум, был буквально сверху донизу забит рабочими и к трибуне невозможно было протиснуться. Мы остановились у входа. Но в это время раздался голос: „Приехали члены советского правительства", и весь совет, как один человек, поднялся с мест и встретил нас бурной, долго несмолкавшей овацией. Рафесу продолжать не дали и предоставили слово для доклада представителю советского пра-

вительства. Докладчик, сообщая о продвижении противника и наших, указал, что положение на фронте крайне тяжелое, требуется немедленное подкрепление нашим вооруженным силам, а мобилизация Красной гвардии проходит крайне слабо; что чехо-словаки, хотя и обещали поддержать нас, но пока активного участия не принимают, и что при таком положении удержать город будет невозможно; что советское правительство решило не уступать ни пяди украинской территории без решительного сопротивления и принимает все зависящие от него меры к обороне города, но что успех обороны будет зависеть не от него, а от активности рабочих Киева; что организация обороны усложняется контр-революционной деятельностью мелкобуржуазных партий, которые, рука об руку со всеми контр-революционерами, всеми способами стараются дезорганизовать наш тыл; что несколько дней тому назад М. Рафес являлся в Народный Секретариат с предложением передать власть городской думе и выслать делегацию для встречи германских войск. Это сообщение вызвало бурные протесты против меньшевиков и бундовцев. Раздались негодующие голоса: „Вон бундовцев и меньшевиков из совета"... „Подлецы"... „Предатели"... „Так вот зачем им понадобилась ложь о бегстве советского правительства"... „Обманом хотят добиться власти"... „В Лукьяновку их"... „Что смотрит советское правительство, почему Рафес на свободе?" Призыв докладчика ко всем рабочим Киева, как в январское восстание, встать под ружье для защиты города, был встречен бурными приветствиями и долго несмолкаемыми аплодисментами... Тут же внесено было предложение немедленно закрыть заседание, чтобы, не теряя ни минуты, взяться за организацию рабочих отрядов и вооружение их. Заседание закрыли, и весь совет, вместе с представителями советского правительства, покинул зал заседания.

Присутствовавшие на пленуме совета члены Народного Секретариата прямо с заседания отправились на вокзал и потребовали экстренного заседания Народного Секретариата и президиума ЦИК, где после информации о состоявшемся пленуме Совета внесли предложение приступить немедленно к созыву всех пролетариев Киева и вооружению их и для этой цели выделить часть ответственных работников из президиума ЦИК и Народного Секретариата, которые вместе с членами Киевского совета и должны провести это решение совета в жизнь.

Но предложение не встретило поддержки со стороны большинства собрания: возражавшие указывали, что уже поздно, так как

оккупационные войска находятся в 30 верстах от города, и что без киевлян, хорошо знающих местные условия, ничего не удастся сделать.

Тогда те же товарищи внесли предложение срочно вызвать киевлян, а тем временем приняться своими силами за мобилизацию. Но на это последовало новое предложение—заслушать доклад начальника штаба Павлова, чтобы выяснить, на какой максимальный срок можно рассчитывать удержаться в городе; принято было второе предложение.

Доклад Павлова сводился к тому, что с имеющимися в его распоряжении силами, при условии, что оккупационные войска будут спешно продвигаться (на этот счет у него никаких точных сведений, кроме предположений, не было), больше двух-трех дней Киев не продержится. В конце доклада он развил свою точку зрения на оборону Киева, указав, что не согласен с решением Народного Секретариата, так как с военной точки зрения оборона Киева совершенно невозможна, и в заключение предложил оттянуть свои силы за Днепр. Его предложения никто из присутствовавших на заседании не поддержал. „Ну что же,—заявил Павлов,—я буду проводить решение Народного Секретариата, но требую для этого военных сил, так как необученные рабочие не могут вести оборону города".

При обсуждении доклада Павлова выступавшие товарищи указывали, что сам Народный Секретариат и президиум ЦИК остаются при прежнем решении: без активного сопротивления не уступать оккупантам ни одной пяди украинской территории; поэтому необходимо заменить Павлова, так как начальнику обороны совершенно чужды те мотивы, по которым советское правительство считает необходимым вести оборону города; что за все время штабом ничего не предпринималось в деле организации обороны, на что товарищи неоднократно уже указывали, и что последний доклад Павлова говорит за то, что и дальше ничего не будет предпринято. Предлагают поэтому назначить начальником обороны своего товарища, а Павлова оставить в штабе как военспеца, и эту меру считают необходимой еще потому, что при более близком наблюдении Павлова появляются все большие сомнения и предположения, что он действует не в интересах советской власти. Рекомендация наших товарищей, знавших его по армии, ничего не дает. Павлов правый эсэр, политическая обстановка изменилась, и его отношение могло измениться; они уже неоднократно высказывали сомнения в политической честности Павлова.

Большинство собрания высказалось против смещения Павлова, мотивируя свои соображения тем, что предпринять что-либо радикальное для обороны города уже поздно, а смена начальника обороны при создавшихся условиях может только ухудшить положение. Предложение о вызове киевлян было принято, и сейчас же послана вторая телеграмма о немедленном возвращении их.

Тут же тов. Лапчинский и тов. Скрыпник внесли предложение о переезде президиума ЦИК и Народного Секретариата в Полтаву, в виду того, что никакая работа советского правительства в таких условиях невозможна. В этом вопросе разногласий не было, но группа товарищей предлагала, в виду сомнительной честности Павлова и отсутствия Киевского исполкома, выделить из своего состава тройку, которая должна остаться в Киеве. Против этого предложения решительно восстал тов. Скрыпник, мотивируя свое возражение тем, что все равно товарищам ничего не удастся сделать, а отсутствие трех активных работников из Народного Секретариата в такой момент срывает работу Народного Секретариата. Но внесшие предложение настаивали и заявили в категорической форме, что до приезда исполкома они не считают возможным уехать, хотя бы так и решило большинство. На этом заседание закрыли, и старая тройка отправилась в город, а остальные остались на вокзале.

28-го с утра начали проходить правильными рядами, сплошной линией, чехо-словацкие войска, отступая за Днепр.

Перед этим в массах широко распространился слух, что чехословаки, оставшиеся нейтральными во время борьбы с Центральной Радой, в борьбе с немецкими войсками активно поддержат советскую власть, и отступление прекрасно вооруженных чехословацких войск, количественно свыше 10 тысяч, со всем командным составом, произвело удручающее впечатление на рабочих. У каждого невольно являлась мысль: „Раз отступает такая армия, то что можем сделать мы“? Положение создалось совершенно невозможное.

Чехо-словаки действительно заявили о своем согласии поддержать советское правительство в борьбе с германской оккупацией, но при этом командный состав оставлял за собой свободу военных действий. Решение советского правительства оборонять город не совпадало с мнением чехо-словацкого штаба, и они отступали без боя, обеспечивая себе переправу через Днепр. Такими действиями они не только не помогали, но в значительной мере срывали возможность обороны и действовали в интересах оккупантов“.

Надо отметить, что почти у самых ворот Киева было несколько частичных схваток с наступавшим противником. Под станцией Бородянка удалось даже отогнать немцев к Коростеню, но бои под Дарницей, продолжавшиеся несколько дней, определили исход борьбы за Киев и вынудили его защитников к отступлению.

Антонов-Овсеенко приводит несколько сообщений Муравьева, характерных по своему тону и содержанию.

Они вносят дополнительный штрих в обстановку рассматриваемого периода.

„26 февраля 1918 г. Из полевого штаба Антонову. Вы получили от меня уже переадресованную телеграмму от главкоюза Гусарского о положении дел в Киеве и вообще на Украине. Действующие армии югзапфронта отказались повиноваться Народному Секретариату. Главкоюз Гусарский сложил с себя полномочия. Виной тому служит Коцюбинский" (идет несколько строк брани).

„Такое положение Украины грозит опасностью румынскому фронту, и без того неорганизованному. Именем революции, памятью всех погибших героев, прошу принять энергичные меры к восстановлению порядка на Украине. Если же вы не имеете возможности сделать это сами, дайте мне восстановить авторитет советской власти на Украине и порядок в армии, объединив в моем лице командование всем фронтом. Главкоюз Гусарский просится работать со мною и будет у меня в штабе. Вообще все мои сотрудники высказываются за то, что работа и спасение революции возможны при наличии твердой советской власти. Жду самого срочного ответа. Катастрофа в Киеве близка. *Главком Муравьев*".

Но сдача Киева была уже предрешена. Регулярные австро-германские войска без особого труда продвигались все ближе и ближе к столице Украины.

Оставление Киева советской властью вызвало много пересудов. В московской прессе писали, что „Киев сдан при странных обстоятельствах" и что „ведется следствие". Трудно сказать, что разумелось под „странными обстоятельствами". Если под этим разуметь нераспорядительность военных властей, отсутствие должной связи на фронте, абсолютное незнание противника, растерянность,— действительно, эти промахи имели место. Но обстановка того времени значительно смягчает вину отдельных лиц. Если же говорить об уходе из Киева без всяких попыток самообороны, то подобное утверждение сущая неправда.

Нужно удивляться не тому, что Киев сравнительно быстро пал, а тому, что он сравнительно долго оборонялся, ибо силы противников были слишком неравны. По подсчету Скрыпника, на киевском фронте было тогда всего до 3 тысяч красногвардейцев, включая все отряды (Киквидзе, Павлова, Ремнева; последний был вскоре разоружен в виду полного разложения) без красногвардейских отрядов в пределах городов и других поселений; такие отряды присоединялись иногда к отступавшим частям и принимали участие в полевых сражениях. Такое же количество — 3 тысячи красногвардейцев — было приблизительно под Одессой. И эта-то небольшая горсть рабочих и матросов противостояла многотысячной оккупационной германской армии. Каков должен был быть результат, это — ясно.

ЦИК Украины эвакуировался из Киева вечером 27 февраля, пробыв в нем всего 19 дней. При отступлении был организован I Киевский железнодорожный полк под командованием бывш. украинского эсэра, перешедшего на сторону большевиков, рабочего-железнодорожника Дзиевского. Чудновский пошел на фронт еще до занятия Киева немцами и впоследствии погиб трагически под Люботином, Харьковской губ.; увидев, что бой проигран, раненый в обе ноги, он покончил с собой выстрелом из револьвера.

Уходя из Киева, Народный Секретариат разослал следующее обращение „ко всем комендантам и комиссарам":

„На подступах к Киеву в последние дни велась упорная борьба между советскими войсками и германскими отрядами Баварского корпуса и Вюртембергской дивизии и бандой гайдамаков, предводительствуемой Петлюрой. Наши войска, под напором превосходных сил, с боем отступают на Дарницу. Нашествие германских войск, комплектованных германской буржуазией, и гайдамацких банд грозит подавить рабоче-крестьянскую революцию на Украине. Борьба не решена. Необходимо принять все меры, самым спешным образом организоваться в защиту интересов трудящихся масс. Обратитесь к рабочим и крестьянам с особым воззванием, призывая всех, кому дорога революция, встать под ружье для борьбы с полками буржуазии. Разъясните всем трудящимся Украины, что после подписания мира с Австро-Германией нашей мирной делегацией в Бресте полки германской буржуазии вынуждены будут вернуться, а бывшая Киевская Рада останется одна с бандами гайдамаков, с которыми борьба нам не страшна и которые будут сломлены и разбиты. О всех важных событиях сообщайте в Дарницу, оперативный штаб советских войск, в Гребенку и Ромодан

советскому комиссару, Полтаву — исполнительный комитет Украины. *Николай Скрыпник*".

Надежды на то, что немцы уведут свои войска из Украины после подписания мира с Совнаркомом Российской Федерации, не подтвердились, конечно, ни в какой мере.

———

ГЛАВА XVI.

ОДЕССА.

На первом съезде армий VIII, IX, IV и VI румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области (в мае 1917 г.) большевиков почти совершенно не было, так же, как и в выделенном съездом Центральном исполнительном комитете советов румынского фронта и Черноморского флота, получившем сокращенное наименование „Румчерод". Но силы большевиков непрерывно росли, а силы их противников иссякали.

Кратковременное пребывание Володарского в Одессе оставило заметный след и облегчило сплочение рабочих и солдат вокруг знамен большевизма.

Незадолго до Октября эсэры были в армейских верхушках румынского фронта в полном расцвете своего влияния, но после Октября положение меняется; на фронтовом съезде, происходившем 3 ноября, большевики представляли уже значительную силу: в Одесском совете рабочих депутатов большевистское крыло стало преобладающим в конце сентября.

Во время Октябрьского переворота Румчерод занял „нейтральную позицию". Отклонив резолюцию левой части, приветствовавшей переворот, Румчерод вместе с тем постановил не принимать участия в развертывающихся событиях на стороне Керенского и не оказывать последнему никакой поддержки.

Октябрьский переворот в Одессе ознаменовался кровопролитными боями с гайдамаками. В средних числах января, по соглашению между президиумом Румчерода (последний в декабре стал большевизированным [1]) и ревкомом, начался захват власти. Ночью

[1]) На съезде румынского фронта и области, открывшемся 10 декабря, было 396 большевиков, 220 левых эсэров, 187 эсэров, 68 меньшевиков и 74 укр. эсэра (всего до 1000 депутатов). Предложение эсэров и меньшевиков о приветствии Учредительного собрания провалилось двумя третями голосов. 12 декабря на соединенном заседании президиумов Советов рабочих, военных и крестьянских депутатов было постановлено провозгласить власть советов и выделить из состава нового Румчерода ревком из большевиков и левых эсэров.

13 января Чеховской еще пытался войти в соглашение с Румчеродом, как уполномоченный Центральной Рады, и предлагал совместно разделить власть. Но Румчерод, по соглашению с большевиками, был уведомлен о начале восстания, и Чеховскому было отвечено, что совещание по выдвинутому им вопросу будет устроено на другой день. Между тем на другой же день отряды ревкома заняли все стратегические пункты Одессы и главные учреждения, штаб, телефонную станцию и проч. Рада, занимавшая английский клуб, перенесла тогда свой штаб поближе к куреню и, опираясь на последний, предъявила Румчероду ультимативное требование: оставить занятые им учреждения, угрожая в противном случае военными действиями. Не добившись положительных результатов путем переговоров, Рада начала осаду штаба броневиками. И, несмотря на то, что у гайдамаков было около десяти тысяч штыков, борьба закончилась победой одесских рабочих. Бой с гайдамаками длился 15 и 16 января.

Между прочим, характерно, что эти бои происходили почти одновременно с восстанием арсенальцев в Киеве, несмотря на отсутствие заранее выработанного единого стратегического плана борьбы с Радой. Это объясняется тем, что условия борьбы были в значительной степени общими для всей Украины.

Еще с октября 1917 года в Одессе находился очень сильный и многочисленный украинский гарнизон. В декабре Рада была хозяином города. На улицах то и дело происходили вооруженные столкновения радовцев и красногвардейцев. Из-за угла был убит начальник Красной гвардии Кангун. Отношения обострились особенно в связи с одним эпизодом, сущность которого П. Максимович так излагает:

„Благодаря хозяйничанью Рады, рабочие не получали заработной платы, так как делегация, ездившая в Москву за получением сумм для расплаты с рабочими, была задержана на ст. Жмеринка властями Украинской Рады и деньги были захвачены. Это вызвало бурю негодования среди рабочих. Момент нами был использован во всю ширь.

„Группа большевиков на заводе Ропит решила созвать общее собрание, на котором был сделан доклад о случае с деньгами. На этом же собрании нами было внесено предложение, чтобы на следующий день, ровно в 11 часов утра, приостановить работу, сгруппироваться двум заводам, Фендриха и Ропит, и устроить мирную демонстрацию протеста против действий Украинской Рады.

„На другой день, ровно в 11 часов, был дан гудок и работа была прекращена. Выстроив ряды рабочих, направились к испол-

кому, который помещался в Воронцовском дворце; подойдя к зданию исполкома, открыли митинг, на который потребовали членов исполкома; им рабочие задавали вопросы, кто является властью, почему в отношении произвола Украинской Рады исполком не принимает никаких мер. Но на эти вопросы члены исполкома дать определенного ответа не могли. Рабочие воочию убедились, что меньшевики занимаются только пустой болтовней. Решили направиться к Румчероду, где нас принял тов. Юдовский, бывший в то время председателем Румчерода. Посвятили его в некоторые наши планы дальнейших действий; тов. Юдовский отнесся сочувственно и изъявил согласие помочь нам. Тов. Юдовский, выйдя на балкон и обратившись к рабочим, подчеркнул, что организованной и дружной силой рабочие сумеют добиться своих справедливых требований, укрепят свои завоевания. После него выступили и другие товарищи с резкой критикой по адресу меньшевиков. Демонстрация направилась к Английскому клубу, где помещалась Украинская Рада. У входа в клуб был открыт митинг. Демонстранты требовали прибытия Поплавко, но он явиться отказался. Во время митинга из помещения вышел Вербецкий. Подбоченясь, он заявил: „Уберите вашу демонстрацию, иначе вам худо будет". На эти слова ропитовцы в один голос загремели: „Мерзавец, отомстим за Кангуна".

„Через несколько дней на заводе Ропит были собраны представители всех фабрик и заводов.

„Вопрос был поставлен так: может ли рабочий класс Одессы в нужную минуту выступить вооруженной силой в защиту своих интересов или он должен сдать свои позиции при первом выстреле, когда гайдамаки попытаются осуществить свой замысел?

„После некоторого обмена мнений было вынесено предложение об избрании инициативной группы, которая должна была подсчитать наличность имеющихся в распоряжении рабочих сил и технических средств и оружия, а также должна была заняться агитацией и вербовкой среди моряков и гайдамацких куреней, в общем — подготовкой к захвату власти".

Избрали „семерку", куда в числе других вошли двое рабочих завода Ропит. Семерка созвала 8 января широкое собрание из представителей фабзавкомов, союза моряков, Красной гвардии и гайдамацких куреней. На этом собрании было решено продолжать подготовку к восстанию. В помощь семи членам „инициативной группы" собрание выделило новых восемь членов. В „комиссию 15-ти" вошли военные моряки Кривошеин, Кондренко, бывший комиссар порта, и Спиридонов, от торгового флота — Борзенко и двое

от гайдамацких куреней; от Румчерода — Юдовский. Целью „комиссии 15-ти", получившей негласное наименование Одесского революционного комитета, был захват власти.

Исполком занимал враждебную позицию по отношению к ревкому. Максимович приводит характерный момент взаимоотношений между исполкомом и ревкомом:

„За три дня перед боем мы решили обратиться в исполком, чтобы нам отпустили 3.000 рублей для организационных работ. Делегация явилась на общее собрание исполкома и заявила, что в Одессе уже существует ревком, что цель его — захват власти, передача ее в руки будущего нового совета и что делегация от имени ревкома уполномочена просить о выдаче 3.000 рублей. Это сообщение явилось неожиданным для меньшевиков. Если бы гром разразился над их головами, это было бы меньшей для них неожиданностью. Нас там было двое: я и Сергеев. Конечно, они нас с треском провалили. Никаких денег не дали, но обещали арестовать. На это мы им ответили, что арестов не боимся, что арестовать нас они опоздали, что мы обойдемся без их помощи, а власть все-таки возьмем".

15 января ревкомом был отдан приказ по Красной гвардии и всем заводам: к вечеру выступить всем рабочим отрядам с оружием в руках и занять правительственные учреждения. Исполкому открыто сообщалось, что пролетариат готовится взять власть и передать ее Совету рабочих и солдатских депутатов. В тот же день в штаб ревкома явились парламентеры от гайдамацких властей с предложением разоружиться. Ревком ответил, что он готов ко всем последствиям, что он решил твердо довести до конца начатое восстание.

Первые уличные бои начались у вокзалов Одесса-товарная и Одесса-главная.

С каждым часом в восстание втягивались все новые и новые рабочие сотни. В начале перевес сил был на стороне радовцев, но положение изменилось в тот момент, когда загремели орудия с военных судов, начавших обстрел расположения куреней. Военный флот был целиком на стороне восставших, за исключением одного корабля „Память Меркурия"; накануне боя крейсер был разоружен революционными матросами.

К утру 16 января гайдамаки были отогнаны к 3 станции Средне-Фонтанской дороги; оставшиеся части сдали оружие. Власть перешла сначала к ревкому, а потом к Румчероду, образовавшему областной Совет Народных Комиссаров во главе с Юдовским.

ГЛАВА XVII.

НИКОЛАЕВ, ПОЛТАВА.

В течение 1917 года Николаев не имел прочной связи ни с Киевом, ни с Харьковом, ни с Петроградом. В виду этого, совет вынес решение считать Николаев временно самостоятельным, „вольным городом".

Это решение было утверждено городской думой, после чего в революционный штаб, высший орган власти в городе, вошли по два представителя от совета и от городской думы; председателем штаба был избран председатель Совета рабочих депутатов. Эта власть, одновременно опиравшаяся на думу и на совет, просуществовала в Николаеве свыше двух месяцев.

Вооруженное столкновение между Николаевским советом и гайдамаками произошло при следующих обстоятельствах. Поводом для конфликта послужило убийство красногвардейца, произведенное гайдамаками. Совет реагировал на это убийство организацией революционного штаба, который для безопасности переехал на флотский полуэкипаж. Дума занялась примирением враждующих сторон. Так как сил на стороне советов было недостаточно, то пришлось составить новый ревштаб совместно с радовцами на паритетных началах. Однако это не успокоило петлюровцев. Поэтому назревал второй конфликт, который привел вновь к кровавому столкновению. Совет поставил условием прекращения боя сдачу оружия и полное подчинение Николаевскому совету со стороны украинских частей. Петлюровцы сначала не соглашались на это условие, но, в конце концов, дрогнули, стали бросать оружие. Флотский полуэкипаж принимал активное участие в событиях на стороне рабочих. Главным образом при его содействии были захвачены вокзал, радиостанция и госбанк. Власть утвердилась в руках местного совета.

В Полтаве взаимоотношения большевиков и украинских организаций были долго сравнительно мирными. С. Мазлах впоследствии припоминал слова Мартоса, лидера украинских с.-д. в Полтаве,

председателя одного из петлюровских „кабинетов",—слова, сказанные в марте 1917 года на губернском кооперативном съезде Полтавщины.

„По какому-то странному недоразумению, — сказал Мартос,— Петроградский совет допустил образование рядом с властью рабочих и солдат правительственного органа буржуазии, передав ему фактическую власть в стране. Эта глубокая ошибка, чреватая большими осложнениями".

Эти слова характеризуют настроения части полтавских украинских с.-д. в тот период.

До конца августа в Полтаве существовала объединенная организация большевиков и меньшевиков. После III универсала в партийной организации намечается перелом по отношению к Раде. На митинге, созванном в связи с провозглашением III универсала, Козюра удачно сострил:

„Смотри, Центральная Рада, чтобы ты не стала Центральной Зрадой" (изменницей).

Рада была выбита из Полтавы военной силой. Незадолго до этого богдановцы были разгромлены Полтавским советом.

Об этом эпизоде С. Мазлах рассказывает следующее:

„Некий полковник Ревуцкий занялся провокацией. Среди русских авиационного парка, стоявшего в Полтаве, он распространял слухи, что 4 полк, состав которого по преимуществу был украинским, собирается разоружить авиационный парк. В 4 полку он вел агитацию против авиационного парка, якобы имеющего намерение разоружить 4 полк. Эта провокация, чуть не приведшая к кровавой схватке, своевременно была раскрыта Маркусом и Каской, председателем комитета авиационного парка. Каска пользовался неограниченным влиянием и авторитетом в парке.

„Когда провокация была обнаружена, Ревуцкий был арестован и предстал перед судом солдатской секции совета. Обвинителями выступили Каска, Свистун, Ваграиская, Дробнис и Козюра. Ревуцкий, защищаясь, доказывал, что большевизм чужд украинским массам. Солдатская секция была настроена весьма недружелюбно к этому полковнику, и его судьба была бы решена, если бы не вмешательство группы большевиков, считавших пока несвоевременным применять к контр-революционерам высшую меру наказания. Ревуцкий взмолился к этой группе, чтобы его сопровождать до места заключения. По дороге Маркус собирался отправить его ad patres (к праотцам), но его удержали от этого шага. Этот же полковник Ревуцкий вызвал из Киева богдановцев, очевидно, с на-

мерением покончить с советом. Около 20 декабря (ст. стиля) в Полтаву прибыл полк имени Богдана Хмельницкого. Полтавский совет встретил его с красными знаменами. Богдановцы освободили Ревуцкого из-под ареста и начали хозяйничать по-своему и демонстративно выражали свою враждебность к совету. В „Европейской гостинице“ один из полтавских анархистов, некто Дунайский, оскорбленный глумлениями собравшихся офицеров над революционерами, убил командира богдановцев Ластовченко. Этот анархист никакого отношения к совету не имел и никакого участия в его работе не принимал. Но враждебно настроенное офицерство и юнкера Виленского военного училища сочли этот акт делом рук совета и в ту же ночь разгромили совет пулеметами“.

С приходом Муравьева советская власть была восстановлена.

Вместе с Муравьевым в город вошел значительный отряд красногвардейцев. Придя на заседание Совета рабочих депутатов, Муравьев начал свою речь без обычного обращения „товарищи“ и резким тоном отчеканил:

— Гражданская война началась. Гражданская война продолжается. От Балтийского до Черного моря, через Дунай на Вену, Берлин, Париж и Лондон — мы пройдем огнем и мечом, всюду устанавливая советскую власть. Огнем и мечом будем мы уничтожать все, что осмелится стать на нашем пути. Никому из врагов наших не будет пощады. — Это был обычный стиль муравьевских речей.

Полтавский совет сравнительно быстро оказался в руках большевиков.

Несмотря на малочисленность большевистской фракции, она имела за собой в совете поддержку делегатов-железнодорожников и представителей других пролетарских групп.

Левые и украинские эсэры были настроены вначале весьма революционно и, за исключением отдельных случаев, почти всегда солидаризовались с большевистской фракцией. Чтобы охватить все районы Украины, отметим еще, что повсюду события развертывались в основном так же, как и в тех главнейших центрах, к которым примыкали данные районы. Назовем наиболее ответственных работников второстепенных провинциальных центров Украины — в дополнение к тому, что нами было сказано о Киеве, Харькове, Екатеринославе и Одессе.

В Бердичеве, Киевской губернии, во главе партийной организации стояли Иона и сестры Сломницкие (из трех сестер две погибли от рук гайдамаков), в Белой Церкви—Славинская, в Умани—Пионтковский, Урбайлис, Леонидов, в Малине, Радомысльского уезда, —

Бухман, в Ходоркове, Сквирского уезда,—Сегал и Гомбарг, в Казатине—Б. Сивицкий.

В Виннице руководящую роль играл Тарногродский, а впоследствии и Эдельштейн, на Волыни—Таращанский, Коган; на Черниговщине—В. Примаков, С. Соколовская; в Кременчуге — Г. Лапчинский, В. Люксембург; в Елисаветграде (на Херсонщине)—Закс (Гладнев), А. Поволоцкий, Белаковская; в сентябре сюда прибыл Зорин.

—— ——

ГЛАВА XVIII.

БРЕСТ.

18 февраля немцами был захвачен Двинск, а затем Минск, откуда они направились к Гомелю.

21 февраля Совнарком решил принять условия мира, предложенные германским правительством, и выслал в Брест новую делегацию для окончания мирных переговоров. Между тем наступление немцев продолжалось; 25 февраля ими был занят Псков.

В Петрограде спешно организовался специальный военный штаб, который объявил город на военном положении. Первый город революции очутился под угрозой оккупации германскими войсками.

А в это время Украинская Рада уже договорилась с представителями центральных держав о разгроме советов.

Еще 9 января из Бреста была получена следующая телеграмма: „Переговоры, которые до сих пор велись между делегациями центральных держав, с одной стороны, и Украинской Народной республикой — с другой, привели к соглашению относительно основ мирного договора. Переговоры достигли пункта, который сделал для делегаций обязательным снестись со своими правительствами, и часть представителей оказалась вынужденной лично доложить о ходе мирных переговоров, чтобы получить утверждение состоявшегося соглашения. Делегации согласились, что для этого необходим перерыв в переговорах, он должен быть насколько возможно коротким. Делегации обязаны немедленно возвратиться в Брест-Литовск и в пределах представленных им полномочий заключить мирный договор и подписать его".

Эту телеграмму разослало агентство „Бюро Вольфа". В окончательной форме договор между Центральной Радой и австро-германской делегацией был заключен в Бресте 9 февраля 1918 г.

В этот же день было перехвачено радио украинской делегации УНР.

„Враг нашей свободы, — говорилось в обращении украинской делегации, — вторгся в нашу страну, чтобы поработить украинский

народ огнем и мечом, как 245 лет тому назад... По приказу опытных бывших полицейских и жандармов, они вторглись в наши города, поставили своих доверенных и стали взимать контрибуции с жителей. Мы глубоко убеждены в том, что любовь германского народа к миру и порядку поможет нам против наступления наших северных соседей".

От имени УНР договор с „министром императорского и королевского двора и иностранных дел его апостолического величества тайным советником Отокаром, графом Черниным фон-Чудниицей" и прочими представителями австро-германского империализма подписали члены УПСР — Александр Севрюк, Микола Любинский и др., а в Брест помимо них ездил Голубович, занявший пост председателя Рады народных министров как-раз по приезде из Бреста.

По Брестскому договору Украина обязалась предоставить Германии на протяжении одного только 1918 года в обмен на действительные и фиктивные компенсации 60 млн. пуд. хлеба. Центральная Рада соглашалась на оккупацию страны немцами.

Украина была признана Германией, как об этом сообщал заместитель министра иностранных дел Германии Буше, в пределах границ, указанных в III и IV универсалах, т.-е. включая Крым, Донецкий бассейн, часть Донской области. К Украине присоединялись части Холмщины (об уездах Курской и Воронежской губ., на которые Центральная Рада претендовала, Буше умалчивал).

Решение начать сепаратные переговоры с немцами было принято Центральной Радой еще в ноябре 1917 г. Надо отметить, что эти переговоры начались и затем продолжались ускоренным темпом как-раз в тот момент, когда Центральная Рада вынудила РСФСР открыть военные действия против нее.

Голубович впоследствии на советском суде в Киеве, где он фигурировал в качестве обвиняемого, оправдывался:

„Этот факт (что немцы намерены уничтожить украинскую самостийность), который, мы знали, должен был в тот момент учитываться; мы должны были в тот момент искать выхода. И выход был найден: *я признаю, что этот выход был ошибочен*, но те обстоятельства натолкнули нас на этот путь. Юридически не было приглашения немцев. Они начали наступать на Украину 25 февраля. Они начали переговоры раньше; переговоры должны были вот-вот окончиться. Мы желали как-нибудь ввести в какое-нибудь русло оккупацию, дать ей какие-нибудь нормы.

Другое дело, насколько это удалось. Я говорю с точки зрения того времени; я рисую так, как нам тогда казалось, как мы делали

тогда. Украинская делегация, которая находилась в Брест-Литовске (меня тогда уже не было), обратилась с воззванием к германскому народу, чтобы немецкий народ помог освободиться от всех угрожавших Украине врагов. Таким образом, был оформлен приход немцев на Украину".

Обращение делегации Центральной Рады к германскому народу было, понятно, лишь декоративным прикрытем голого факта измены Центральной Рады. На другой же день после того, как немецкие войска взяли Киев (1 марта), Голубович сердечно благодарил германского канцлера.

„Мы приписываем освобождение нашей страны,— телеграфировал Голубович,— главным образом, помощи, которую мы просили у германского правительства и которую нам оказали победоносные германские войска против банд Великороссии. Сердечно благодарю вас от имени украинского народа и его правительства; поздравляю германскую и украинскую армии со скорой победой и с удовлетворением констатирую факт участия германских войск в деле освобождения Украины".

Немецкие войска вошли в Киев, как победители в колонию. Но эта оккупация не была в то же время обычной, так как благодаря Центральной Раде ее истинный смысл был затушеван. Поведение Центральной Рады давало немцам возможность утверждать, что они пришли „как товарищи", „защищать украинский народ".

Вот два воззвания немецких генералов.

Одно выпущено генерал-лейтенантом фон-дер Клаузисом:

„Жителям Украины. Тяжело притесненная большевиками Украина запросила от Германии вооруженной помощи, чтобы покончить с беспорядками и установить государственный порядок. Меры военного ведомства не направлены против украинского народа, а только против неприятелей украинского правительства и народа: мы идем, как товарищи, а не как враги украинского народа. Мирные и любящие порядок граждане и крестьяне могут быть уверены, что германские солдаты будут помогать им".

Другое воззвание подписано начальником германской кавалерийской дивизии фон-дер Гольцем:

„Граждане Украины! Центральная Рада и правительство Украинской Народной республики, как высший орган власти вольного украинского народа, подписали с Германией почетный для обеих держав мир, который обеспечивает молодой Украине независимость и мирное существование. Русское правительство—большевики, старается разбить счастье Украины. Оно хочет захватить ваши земли, ваши

имущества, а вас самих отдать большевикам на расправу. Большевистские банды безнаказанно грабят Украину, убивают невинных людей и чинят насилия, стремясь сделать вольных украинцев рабами большевистской диктатуры. Пусть же не будет этого! Наши войска пришли вас защищать. Мы желаем вам только добра, наша цель — выгнать большевистские банды, возвратить вам свободу и самостоятельность".

Когда эти документы оглашались на киевском процессе УПСР, в зале стоял беспрерывный хохот. Слишко наивно и политически-грубо, белым нитками, сшиты в этих документах прекраснодушные уверения германских генералов.

По дополнительному договору, Украина должна была предоставить Германии до нового урожая, помимо прежних 60 млн. пуд. хлеба, новых 75 млн. пуд. хлеба, 11 млн. пуд. живого скота, 300.00 голов живых овец, 1 млн. гусей, 1 м. прочей птицы, 4 млн. пуд. сахару, 60.000 пуд. масла и жиров, 200.000 пуд. ежемесячно мясных консервов, 1.500 вагонов яиц, 2.500 тыс. сахарного песку, 20 млн. литров спирту. Одновременно немцы забрали в свои руки лесные и сельско-хозяйственные заготовки, украинские железные дороги и руководство работами в Донецко-Криворожском бассейне.

Помимо этого немецкие солдаты, по договору с Радой, получали довольствие и жалованье не только из имперской казны, но и из средств Центральной Рады.

Если принять во внимание, что немцы привели на Украину, вместо 50.000 солдат, как было условлено, 300 тысяч, то ясно станет, что оккупация влетела украинскому народу в хорошую копеечку.

Голубович говорил: это была ошибка. А Лизанивский (член ЦК УПСР с сентября 1917 г.) находил своеобразное оправдание для сделки с германским империализмом.

„Тогда,— говорил он,— вопрос шел о самоопределении народов, и партия большевиков ставила этот вопрос в 1917 г. так: самоопределение народов вплоть до отделения. Это было принято и Центральным Комитетом УПСР, который находился под влиянием тех левых течений, которые были тогда в России. Конечно, приняв во внимание такую национальную политику, ЦК должен был быть последовательным. Приняв политику самоопределения вплоть до отделения, ЦК вынес свои резолюции об Учредительном собрании и пошел потом на переговоры с немцами. И самые резолюции, которые говорили о Брестском договоре, исходили из тех групп, которые наиболее согласовались с левыми элементами России"[1]).

[1]) См. „Дело членов ЦК УПСР" (стенографический отчет).

После этого признания Мануильский, выступавший в киевском процессе обвинителем, затребовал от Лизанивского дополнительных объяснений.

Между ними произошел интересный словесный поединок.

Мануильский. Вы знали, что в Германии не стояли у власти ни Шейдеман, ни Либкнехт, а кайзер Вильгельм? Думали ли вы, что право на самоопределение, какое вам обещала коммунистическая партия, будет обеспечено германскими штыками? Я вас спрашиваю, как политического деятеля.

Лизанивский. Дело не в немецком штыке, а дело в революции. Нужна была государственная форма, которая обеспечила бы социалистические завоевания революции. Нам нужно было проводить работу, обеспечивающую государственную форму. Эта тактика довела до того, что мы заключили мир с немцами. Мы призвали немцев не для того, чтобы они над нами командовали. Этого фактически даже не было. Воевать мы не имеем возможности. Советская власть находилась в таких условиях, что на нее немцы не пошли. Украинская же Народная республика была в таких условиях, что немцы шли сами на Украину, как мне известно.

Мануильский. Вы сказали, что это было все сделано для того, чтобы установить форму Украинской республики. Это было после Октябрьской революции?

Лизанивский. Да.

Мануильский. Кому вы больше верили, немецкому генералу Гофману или коммунистической партии, которая признала право на самоопределение меньшинств?

Лизанивский. Объективные условия сложились так, что заключение мира необходимо было как для советской власти, так и для Украины.

Мануильский. По-вашему выходит, что когда был заключен Брестский договор и вы ожидали появления немецких войск на украинской земле, то вы от немцев выиграли?

Лизанивский. Мне это неизвестно.

Мануильский. Тот факт, что немецкие войска наступали, не вызывал у вас мысли, что, когда будет подписан договор, немецкие войска будут наступать дальше?

Лизанивский. Нам казалось, что немцы не будут наступать.

Мануильский. Значит, немцы вас обманули?

Лизанивский. Это можно назвать обманом.

Мануильский. Значит, вы признаете, что это была ошибка партии?

Лизанивский. Если посмотреть на развертывающиеся перед нами исторические перспективы, то в тот момент мы не заключили мира как такового с немцами.

Как видно из этого диалога, Лизанивский уклонялся от оценки Брестского договора.

В своей прессе, выходившей за границей и в Киеве в те периоды, когда у власти были украинские партии, эсэры-течинсты[1]), прямо указывали, что приход немцев должен был обеспечить порядок и самостоятельность Украины и привести к очищению Украины от большевиков.

Независимо от воли Центральной Рады,— писали эсэры,— немцы все равно заняли бы Украину. Если хотите, Центральная Рада принесла себя только в жертву народным интересам.

„Только теперь,— развивал эту мысль орган эсэров-течинстов „Трудова Республика“ (7 января 1919 г.),— мы имеем возможность заняться вопросом о том, какие причины обусловили приход немцев на Украину. Обывательское мнение особенно неукраинское, связывает этот факт с деятельностью Центральной Рады и одновременно с деятельностью господствовавшей в ней партии УПСР.

„Для всякого, кто лишен возможности ознакомиться с фактами политической жизни во всей их полноте, виновным в оккупации оказывался кабинет УНР, заключивший союз с немецким империалистическим правительством. Никому и в голову не приходит окинуть беспристрастным взором те реальные условия, которые фактически сводились к простой формальности — приглашению немцев на Украину. Наверно, мало кто знает, что немцы из военных соображений сами перешли через наши покинутые солдатами окопы. В момент заключения договора их войска, по собственной инициативе командования, заняли все пункты до Ровно включительно. Только в самый последний момент, в неизмеримо тяжелых условиях, руководители республики принуждены были дать согласие на заключение договора о помощи немцев“.

В Харькове украинские эсэры вместе с левыми эсэрами стояли одно время на „советской платформе“. Когда советская власть сконструировалась, украинские соц.-революционеры послали своих представителей на ответственные посты. Но стоило немцам приблизиться к городу, как украинские эсэры заблаговременно покинули эти посты. Газета „Рух“, издававшаяся украинскими эсэрами

[1]) Образовались после раскола УПСР. Большинство переименовалось в эсэров-коммунистов, впоследствии боротьбистов. Меньшинство же осталось на старых позициях и образовало т. н. „центральную течию“ (центральное течение).

(Лымарем и др.), доказывала, что, освобождая Украину от „москальского варварства“, Германия тем самым следовала образцам рыцарства в международных отношениях.

В более циничной форме эта же мысль была выражена у буржуазного деятеля д-ра Дмитрия Донцова, который когда то состоял в марксистах, а затем очутился в гетманском секретариате и в свое время выступал против немцев, опасаясь союза между ними и большевиками.

Он писал откровенно: „Той силой, о которую мы должны опираться, является так называемый империализм европейских государств... Те или иные государства могут быть „империалистическими“ или „реакционными“,— это нас нисколько не беспокоит. Это — исторический факт: ни одна нация не освобождалась лишь собственными силами“.

Каково было отношение украинских большевиков к Брестскому миру? Среди руководящих партийных кругов Украины, как и России, не было единодушия. Мнения разделились. Быстро сформировалась группа „левых коммунистов“.

10 февраля Троцкий огласил свое декларативное заявление, что Советская Россия не заключает мира, но одновременно прекращает войну („ни война, ни мир“).

Под этим заявлением подписались, кроме Троцкого, *А. Иоффе*, *М. Покровский*, *Карахан*, от Украины — *Медведев* и *Шахрай*, от левых эсэров — *А. Биценко и В. Карелин*.

Какова могла быть позиция Народного Секретариата в этом вопросе? Даже левые эсэры не высказывались против участия в брестских переговорах и подписания известных соглашений. Необходимость участия в этих переговорах не оспаривалась в Народном Секретариате никем, в том числе левыми эсэрами и левыми украинскими с.-д. От последних в Брест был делегирован председатель ЦИКУК Медведев.

Делегаты Советской Украины выехали в Брест в начале января.

Перед отправлением в Брест Медведев выпустил обращение ко всем украинцам:

„Товарищи-украинцы, рабочие, солдаты, матросы и крестьяне!— писал Медведев.— Обращаюсь к вам с просьбой сделать все возможное в том направлении, чтобы наши домогательства перед империалистами Германии были доведены до полной победы низов над буржуазией всего света... Препятствуйте осуществлению замыслов буржуазной Рады и украинских изменников, которые, в конце концов, желают продать Украину буржуазии немецкой

и австрийской. Требуйте, чтобы немедленно была отозвана делегация Центральной Рады".

Положение украинской делегации в Бресте было самое незавидное. Она была допущена к работе по настоянию российской делегации, но немцы фактически ее не признавали. Несмотря на то, что Киев вот-вот должен был перейти в руки советов, немцы предпочитали иметь дело с представителями Центральной Рады.

Сохранилась большая телеграмма, присланная Медведевым и Шахраем из Бреста в Харьков. В этой телеграмме нашли отражение общие условия и даже некоторые бытовые особенности переговоров.

Приводим эту телеграмму целиком:

„В Брест мы прибыли в тот день, когда переговоры были прерваны. 17—20 января происходили лишь заседания комиссий—экономической и правовой. Из протоколов вы уже знаете, что немцы, соглашаясь на словах заключить мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов, на-днях выставляют требование аннексий и контрибуций. Более подробный отчет переговоров мы перешлем в ближайшие дни. Пока сообщаем следующее.

Мы прибыли в момент полного разрыва между российской делегацией и делегацией Центральной Рады. Фактический союз с Калединым, поиски благоволения со стороны французских империалистов нашли блестящее завершение в посылке отдельной мирной делегации в Брест-Литовск. В то время, как делегации четверного союза выступают сплоченно, делегация Центральной Рады, как видно из имеющихся у нас протоколов, добивалась, прежде всего, признания ее, как независимой от российской; заявляя на словах о единстве фронта, она на деле повела себя так, чтобы, воспользовавшись покровительством империалистов центральных империй, принудить председателя российской делегации признать самостоятельность. Новоиспеченные великодержавные дипломаты постарались поставить вопрос так, как-будто речь идет о признании или непризнании Украинской республики как таковой. Немецкая делегация великолепным образом использовала эту слабость великодержавной делегации Центральной Рады. Сперва она попыталась дать бои российской делегации на почве самоопределения народов (дескать, у себя-то вы угнетаете украинский народ), отказавшись сразу же признать эту делегацию, а когда эта карта оказалась битой, она поспешила признать ее. Это признание так вскружило голову „великодержавным" послам, что они совершенно растеряли всякие демократические погремушки и пустились на

тайные соглашения с немецкой и ее союзной делегацией; конечно, на словах опять-таки они вели явные переговоры, но эти переговоры становились тайными. Характерно—сколько ни просила русская делегация прислать ей протоколы (российская делегация свои посылала), как ни старались мы получить их,—ничего, кроме увертливых отказов, получить нельзя было. Ознакомившись на месте, какую фатально-предательскую роль сыграли эти политики, мы попытались было сговориться, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить невероятно трудное положение, но, увы, все было уже поздно. Вчера вечером они выехали в Киев. Их протоколы нигде не оглашены.

Проверьте по украинским газетам и добивайтесь гласности. В то время, как протоколы российской делегации печатаются не только в русской прессе, немецкая делегация ограничивается такого рода сообщениями:

„Официально, 16 января. Вследствие нездоровья министра иностранных дел графа Чернина, на его частной квартире состоялось назначенное на сегодня после обеда интимное совещание с украинской делегацией. Продолжавшееся в течение полутора часов собеседование, в котором принимала участие также и немецкая делегация, привело к установлению принципиального соглашения относительно будущих политических отношений по вопросам, касающимся Украины. На завтра назначено продолжение этого совещания; будут подвергнуты обсуждению также экономические вопросы. После ожидающегося в ближайшем будущем окончания интимного подготовительного обмена мнений будет приступлено к детальному обсуждению".

На этих дружеских интимных беседах немецкая пресса строит свои планы. Делегация Украинской Центральной Рады противопоставляется российской, как образец практических политиков, которые в течение полуторачасовой дружеской интимной беседы разрешили всё принципиальные и политические вопросы (остается лишь детализировать), над которыми с упрямыми большевиками приходится биться несколько дней без всяких выгодных для них результатов.

В нашем с ними разговоре, о котором мы выше упомянули, нам пришлось слышать похвальбу, что делегации Центральной Рады удалось получить то, чего не получили бы большевики. Мы не сомневаемся, что это была не просто выдуманная фраза. Центральным империалистам прямой расчет поступиться, или, по крайней мере, сделать вид, что поступаются, чтобы отыграться в другом

месте. Они великолепнейшим образом использовали, как шахматные политики, ходы Центральной Рады, чтобы показать: во-первых, что российская делегация говорит не от имени всей России; во-вторых, что с людьми, действительно явившимися с целью практического приступа к мирным переговорам, они легко могут найти общий язык и вступить даже в интимные отношения.

Что при этих интимных разговорах время не проходит только в дружеских излияниях, показывают также прозрачные намеки немецкой прессы.

„Neue Freie Presse", от 19 января, сообщает, что в отношении продовольствия Австрии, по крайней мере, в ближайшие недели, приходится рассчитывать на собственное производство и доставку из Венгрии. Снабжение из Украины может быть принято во внимание в марте, если водные пути будут свободны. Немецкие империалисты, очевидно, заручились определенным согласием со стороны великодержавных послов Центральной Рады во время дружеских интимных бесед.

Украинские рабочие и крестьяне должны осадить зарвавшихся из молодых, да ранних великодержавных политиков. Они должны дать надлежащую оценку дипломатам, заключающим сделку за спиной и за счет рабочих и крестьян. Мы подали здесь следующее заявление на имя председателя мирной делегации:

„Мы, представители рабочего и крестьянского правительства Украинской Народной республики, В. М. Шахрай, народный секретарь по военным делам и Е. Г. Медведев, председатель Всеукраинского Центрального исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, делегированные в Брест-Литовск для ведения мирных переговоров с представителями Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции, в полном соглашении с представителями рабочего и крестьянского правительства Российской Федеративной республики, каковым является Совет Народных Комиссаров, настоящим заявляем следующее:

Генеральный Секретариат Центральной Украинской Рады ни в коем случае не может быть признан как представительство всего украинского народа. От имени украинских рабочих, солдат и крестьян мы категорически утверждаем это. Все решения, принятые Генеральным Секретариатом без соглашения с нами, не будут признаны украинским народом, не могут быть осуществлены и ни в коем случае не будут проведены в жизнь. В полном согласии с Советом Народных Комиссаров, а следовательно, с делегацией российского рабочего и крестьянского правительства мы в даль-

нейшем будем вести мирные переговоры с делегациями четверного союза в составе русской мирной делегации".

В дальнейшем (в первых числах марта) немцы совсем уж откровенно порвали с ненавистной для них украинской советской делегацией. Посланные в Брест Медведев и Неронович — оба левые украинские с.-д. — тщетно провели на границе некоторое время, добиваясь от немцев пропуска в Брест. Советская делегация требовала пропуска, угрожая в противном случае „протестовать самым решительным образом" и настаивая на „немедленном" возвращении тем же путем в пределы линий немецких расположений. На это требование ими был получен к ночи характерный ответ:

„Присутствующие в Бресте представители четверного союза, не признав законным правительство Украинской Народной республики, не придают появлению упомянутых четырех господ никакого значения. Им предоставляется возвратиться в Петроград. *Генерал-майор Гофман*".

Советской делегации оставалось одно: раскланяться и уехать во-свояси, что она и сделала.

Но пребывание украинской советской делегации в Бресте имело все же известные последствия. По предложению российской делегации, была сделана попытка найти общий язык с Центральной Радой. Половцев, представитель Центральной Рады, присутствовавший на совместном заседании, как-будто понял необходимость общего выступления против германского империализма, но, приехав в Киев, был обвинен в каких-то проступках и расстрелян. Ясно было, что Центральная Рада не пойдет на искреннее соглашение. Поэтому Медведев и Шахрай отказались ехать для переговоров в Киев, куда их усиленно приглашали представители Центральной Рады.

Таким образом, попытка советской делегации добиться соглашения с Центральной Радой потерпела крах. Вопрос о том, воевать или не воевать с солдатами германского империализма, фактически перешедшим в наступление, никем не ставился. Для всех было очевидно, что, поскольку немцы отвергли все предложения советской делегации, оставалось одно: воевать. Немцы отвергли самые максимальные уступки советской делегации.

Представители советской Украины согласны были подписать договор, заключенный в Бресте между немцами и Центральной Радой, но при условии признания советской власти и увода германских войск из Украины. На это был получен вышеприведенный ответ: „четверо господ могут убраться".

Германский империализм находился в апогее своих дерзновений.

Но как быть с Брестским миром, заключенным РСФСР? Ведь Россия подписала шестой пункт мирного договора, в котором принимала на себя обязательство прийти к соглашению с петлюровской Украиной.

Украина предана,— говорили „левые“,— Россия не может иначе поступить, если она хочет сохранить базу советской власти. „Похабный“ мир все же сохраняет самостоятельность Советской республики и дает необходимую „передышку“,— отвечали ленинцы.

Одно было ясно и „левым“ и ленинцам — для нас на Украине, мира нет. Мы будем продолжать борьбу до конца.

Брест был одним из поворотных пунктов в истории революции, одним из критических моментов революции, когда судьба ее буквально повисла на волоске.

Какое же место следует уделить при анализе взаимоотношений Советской республики и германского империализма той или иной политике большевиков по отношению к Раде? Можно ли было иной политикой, нежели та, которая велась на деле, улучшить положение Советской республики и усилить ее в борьбе с германским империализмом?

М. Рубач, один из историков данного периода, утверждает, что результаты могли быть иными „при иной, более правильной, политике“.

Ход его рассуждений таков:

„Несмотря на ослабление военной силы на фронте, мы параллельно, хотя и медленно, создавали новые вооруженные силы пролетарской революции. В общем и целом, ноябрь, декабрь, первая половина января были относительно периодом роста нашей силы. Силы наших врагов, в частности немецкого империализма, в этот же период шли по линии нисходящей. С известного момента, приблизительно в конце января и начале февраля, соотношение сил начало изменяться против нас. Исходным пунктом начавшегося ухудшения была предательская политика Центральной Рады“.

Можно ли было ослабить натиск германского империализма?

Рубач находит, что можно было, так как „оккупация Украины и ухудшение общих условий заключения мира по сравнению с теми условиями, которые предлагались нам немецким империализмом до самого разрыва, 10 февраля 1918 г., мирных переговоров, не были предопределены объективным положением вещей, соотношением сил конца декабря и начала января“. Нужно было парализовать, по возможности, действия Центральной Рады; для этого—

и таков основной вывод М. Рубача — надо было пересмотреть свое отношение к левым радовцам: „ликвидация опасности со стороны большинства Центральной Рады и ее контр-революционных лидеров была бы облегчена и ускорена при иной более правильной политике по отношению к меньшинству Центральной Рады[1]). Можно согласиться с М. Рубачем, что условия мира были бы более выгодными, если бы мир не оттягивался вплоть до начала марта, а был бы заключен, скажем, в январе. Что политика Центральной Рады отягощала и без того нелегкое положение советской делегации в Бресте, это — тоже верно. Но что „исходным пунктом" ухудшения соотношения сил была именно политика Рады, — утверждать это — значит переоценивать роль Рады. Левые коммунисты были твердо убеждены в том, что соотношение сил даже в условиях продолжения войны будет изменяться в пользу советов, и высказывались против заключения мира, и в этом заключалась их коренная ошибка. „Гвоздь" вопроса заключался в том, что нужно было решиться на потерю пространства ради того, чтобы „выскочить" из войны и выиграть время. А „по Рубачу" выходит, что если бы удалось договориться „с меньшинством Рады", то история повернула бы вспять, можно было бы тогда отказаться от идеи „передышки", т.-е. от существа Брестского мира. Что касается конкретной стороны взаимоотношений с левыми радовцами, то после Киевского декабрьского съезда советов нельзя было не ставить вопроса о противопоставлении советского центра буржуазно-национальному Киеву, а наличие двух политических центров, естественно, заостряло борьбу, переводя ее из чисто-политической в военную, в борьбу на поле битвы. Неудача Северо-Одоевского, мнившего себя уже председателем будущего обновленного Секретариата и попавшего в капонир, служит наглядной иллюстрацией безуспешности попыток взорвать Раду изнутри; отдельные же левые радовцы ассимилировались постепенно в пролетарско-большевистских организациях, противопоставленных буржуазно-национальной контр-революции. Соглашение с „левыми радовцами" „по Рубачу" означало бы, по справедливому замечанию Затонского, предвосхищение будущего опыта саксонской коалиции 1923 года. С общей концепцией Рубача согласиться никак невозможно.

---

[1]) „К истории украинской революции". „Летопись Революции" № 6, 1926 г.

ГЛАВА XIX.

ПОЛТАВСКИЙ ПЕРИОД.

В Полтаву ЦИКУК прибыл в начале марта и совместно с Киевским исполкомом расположился в здании местного кадетского корпуса.

К моменту своего переезда в Полтаву Народный Секретариат, давший трещину еще в Киеве, определенно раскололся на две части. Меньшинство требовало превращения Секретариата в Совет Обороны; большинство же настаивало на сохранении Секретариата, как всеукраинского государственного центра. 2 марта состоялось заседание членов Народного Секретариата, президиума и членов ЦИК, находившихся в Полтаве. После длительных прений решено было пополнить ЦИК и президиум ЦИК, включив туда Андрея Иванова (в качестве товарища председателя), Л. Слуцкого-Эратова и Я. Гамарника.

Перемены в Народном Секретариате, происшедшие в Полтаве, вытекали из назревшего у левых коммунистов стремления развить борьбу на Украине в общую борьбу против „брестской“ линии[1]). Именно в этот момент на фронт отправились Ю. Пятаков, выпускавший в Бахмаче газету с постоянным девизом: „Киев должен быть взят во что бы то ни стало“, Е. Бош, Ауссем, Н. Н. Лебедев[2]) и др. Ю. Пятаков отказывался войти в Секретариат без

[1]) Ауссем пишет в некрологе о покойной Е. Б. Бош: „После подписания Брестского мира, в заключении которого Центральная Рада сыграла такую предательскую роль, после начавшейся в исполнение этого „трактата“ оккупации Украины германцами, после занятия Киева, Е. Б. Бош пришла к решению, что дальнейшее сохранение советской правительственной организации на Украине бесцельно. что надо все силы бросить в непосредственную работу в массах, поднимая их на борьбу“ („Летопись Революции“, № 2, 1925 г.). В этих словах затушевана подлинная цель, руководившая Бош, как „левой коммунисткой“,—„выпрямить“, по возможности, партийную линию в вопросе о Бресте, сорвать Брестский мир.

[2]) После ухода на фронт Н. Н. Лебедева редактором „Вестника Украинской Народной республики“ остался Эрде. Принимал участие в газете одно время и Р. Гальперин, работавший ранее в „Пролетарской Правде“, но, примкнув к левым

Е. Бош и настаивал на твердом списке народных секретарей. Но список Пятакова, в котором руководящая роль уделялась „левым коммунистам", был провален. После принятия решения о пополнении состава Центрального исполнительного комитета свежими силами в него были включены от Киевского исполкома: Клименко, Гальперин, Гамарник (Ян), Кравченко, Майоров, Реут, Иван Смирнов, Рафаил (Фарбман) и Якубенко. Одно место было предоставлено левым украинским с.-д., они делегировали в ЦИК Карабчука.

Помимо киевлян, в Центральный исполнительный комитет решено было включить также ряд представителей Полтавского Совета рабочих и солдатских депутатов: Буценко, Яновского, Дробниса, Прокопенко, Дмитриенко и избранных исполнительным комитетом Полтавского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов: Литвиненко, Ганненко, Павла Боченко, Романа Матяша, Ефима Плиско, Феодосия Черненко, Дмитрия Яковенко, Арсения Яроша, Порфирия Кнюпу, Данила Зиненко, Ивана Дудку, Гончаренко, Дмитрия Щура и Игнатия Павелко.

Ранее, на заседании 4 марта, были утверждены новые секретари: по внутренним делам—левый украинский с.-д. Неронович, по иностранным делам (временно) — Затонский, социального обеспечения (при сохранении портфеля генерального секретаря) — Лапчинский, труда—Клименко, Н. А. Скрыпник утверждался председателем Народного Секретариата, с оставлением народным секретарем торговли и промышленности.

Е. Бош и Е. Шахрай оставили свои посты, при чем Е. Бош назначалась политическим комиссаром при военно-полевом штабе, выделенном в Полтаве для руководства боевой работой. Штаб во главе с Киквидзе также участвовал в ночном заседании (с 4 на 5 марта).

Изменения, происшедшие в Секретариате, вызвали необходимость в пересмотре списков коллегий отдельных ведомств; в коллегию военных дел были включены: Бош, Низкодуб, Тагеев, Сагач, Смоляков, во главе с Коцюбинским; труда—Клименко, Рафаил (Фарбман), Иван Смирнов; промышленности — Скрыпник, Реут, Слуцкий-Эратов; просвещения — Затонский, Грес; судебную — Люксембург, Гамарник; социального обеспечения — Лапчинский; про-

коммунистам, он оставил работу в газете, которая проводила позицию большинства, т.-е. позицию признания Бреста при необходимости одновременной борьбы на Украине с немцами собственными силами.

С. Шрейбер ошибается, называя Н. Лебедева редактором „ВУНР" в последний период деятельности ЦИКУК.

довольствия — Лугановский, Кравченко, Головко, Литвак; финансов—Аусссм, Смоляков, почт и телеграфов — Мартьянов; путей сообщения — Бакинский, управление делами — Лапчинский, Гальперин.

В виду беспрерывного и успешного наступления немцев очень скоро пришлось вновь заняться подысканием дальнейшего местопребывания правительства.

Проще всего было как-будто перебраться в Харьков. Но у всех были еще свежи впечатления от прежнего пребывания Центрального исполнительного комитета в центре Левобережья. Харьков имел свое правительство, свои заботы. Оставался другой, более или менее подходящий, пункт — Екатеринослав; здесь решено было созвать 15 марта Всеукраинский съезд советов, чтобы попытаться провести на нем объединение всего юга. Решение в этом духе было вынесено на заседании 7 марта.

Позиция большевиков на этом заседании была выявлена в особой „Декларации" и в речах Медведева и Скрыпника. Последний, оглашая большевистскую декларацию, отмечал, что украинцы-большевики „никогда не стояли на точке зрения национальной республики", что „их идеалом была республика территориальная" „На территории Украины, географические границы которой обозначены в III и IV универсалах Центральной Рады, должен быть создан общий боевой штаб, так как на всю эту территорию посягает буржуазия. Необходимо объединить все существующие на этой территории силы",— говорил Н. Скрыпник. Украинские с.-д. присоединились к большевикам.

Что касается левых эсэров, то они выступали в этом вопросе совместно с украинскими эсэрами, огласив декларацию о „революционной войне" и военно-техническом объединении Украины и России.

Приводим оба документа целиком:

ДЕКЛАРАЦИЯ ЛЕВЫХ ЭСЭРОВ.

1. Критическое положение революции диктует необходимость создания единого оборонительного центра и единой советской власти на Украине.

2. Такой центр может быть создан исключительно путем Всеукраинского съезда советов, созванного в географических границах, намеченных III и IV универсалами низвергнутой Центральной Рады.

3. Признавая необходимость революционной войны, ЦИК считает необходимым военно-техническое объединение Украинской республики со всеми остальными Советскими республиками, входящими в состав Российской Федерации.

ДЕКЛАРАЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ.

1. Мы никогда не рассматривали Украинскую Советскую республику, как *национальную республику*, а исключительно как Советскую республику на территории Украины.

2. Мы никогда не стояли на точке зрения полной независимости Украинской Народной республики, рассматривая ее, как более или менее самостоятельное дело, связанное с общероссийской рабоче-селянской республикой федеративными узами.

3. Одновременно мы не возражали против образования различных советских объединений, оставляя разрешение вопроса о взаимоотношениях их как с краевой, так и центральной общефедеративной советской властью до более подходящего времени.

4. В настоящий момент, когда объединенная буржуазия, частью открыто, как Центральная Украинская Рада и ее новейшие союзники—австро-германские империалисты, частью скрыто, как буржуазия российская, Дон, Крым и др. грозят раздавить рабоче-крестьянскую власть Украины, притом Украины в границах III и IV универсалов, т.-е. в том числе и те части Украины, которые составляют Донскую, Донецкую, Крымскую и Одесскую Советские республики,— именно теперь особенно необходимо тесное объединение всех советских организаций.

5. Центральный исполнительный комитет призывает все советы к такому объединению на следующих основаниях:

а) объединение создается в целях всемерной вооруженной защиты советской власти на территории, на которой организуется особый комитет по борьбе с контр-революцией из представителей поименованных в пункте 4 Советских республик;

б) ни одна из входящих в Союз республик не может без ведома и согласия правительств остальных республик выйти из объединения и заключать секретные соглашения;

в) к этому комитету переходит вся полнота власти по формированию, организации и руководству военно-техническими силами;

г) военно-оперативные части находятся целиком и исключительно в руках общего главного командования, и всеми военными силами распоряжается только это главнокомандование;

д) главнокомандующим войсками Украинской Народной республики и общим главнокомандующим всеми военными силами назначается т. Овсеенко (Антонов).

6. Все средства, необходимые для успешного ведения гражданской войны (финансы, продовольствие, обмундирование, оружие и т. п.), распределяются объединенными комитетами.

7. В целях создания всех необходимых объединенных организаций на 15 марта 1918 г. в Екатеринославе созывается конференция представителей переименованных республик—по 2 представителя от правительства каждой республики".

Делегатам ЦИКУК на IV чрезвычайный Всероссийский съезд советов—Затонскому, Дробнису и от украинских социал-демократов Карабчуку (сверх того с совещательным голосом поехали два левых эсэра) — были даны определенные директивы в духе упомянутой декларации.

Декларация, оглашенная на IV чрезвычайном съезде советов, кончалась словами:

„Пусть в тяжелой борьбе мы будем одиноки формально, сердцем же все истинные социалисты всего мира с нами. Зато срываются последние покровы с наглой лжи хищников международного капитала об освободительном характере современной войны. Скоро станет ясно самому отсталому немецкому пролетарию, что, наступая на Украину, он не освобождает, а, наоборот, затягивает дело мира. Мы будем раскрывать глаза западно-европейским рабочим упорным сопротивлением, вы — подписанием мира, продиктованного разбойниками, пускай неслыханно тяжелого, но все же дающего вам передышку для подготовки к новой борьбе с мировым капиталом. Условия мирного договора насильственно отрывают нас от общесоветской федерации. Мы вынуждены проститься с вами, но не навсегда, надеемся ненадолго. Наступает час, когда в результате упорной борьбы и неизбежной, конечно, победы украинского, российского и мирового пролетариата мы снова будем членами единой социалистической федерации.

До свидания, товарищи, на одном из ближайших съездов советов, Всероссийском, а может быть и всемирном" [1]).

Отставка Е. Бош и других „левых" была окончательно принята 8 марта. Этому предшествовала, как рассказывает Бош, попытка большинства прийти к соглашению с „левыми".

[1]) На IV чрезвычайном съезде советов впервые была декларирована независимость Украинской Советской республики.

„Ночью нас перехватили в Ромодане и вызвали т.т. Ауссема, Бош и Пятакова к аппарату. Нам предложили от имени президиума немедленно прибыть в Полтаву для разрешения вопроса об организации Совета Обороны. Из дальнейшего разговора выяснилось, что члены Народного Секретариата и президиума ЦИК, возвратившиеся из мирной делегации, поддерживают наше предложение, и весь вопрос сейчас в кандидатурах, что кандидатуры частным совещанием намечены и требуется только наше согласие. Мы предложили столковаться по аппарату, но в результате переговоров к соглашению не пришли, и мы направились на фронт, в Бахмач". После всевозможных перемещений Народный Секретариат составился в последние дни перед отъездом из Полтавы следующим образом[1]):

Председатель и секретарь иностранных дел — Скрыпник; секретарь внутренних дел — Андрей Иванов; военных — Неронович; труда — Клименко; торговли и промышленности — Лифшиц; юстиции -- Люксембург; просвещения и межнациональных дел — Затонский; продовольствия — Лугановский; почт и телеграфов — Мартьянов; земледелия — Терлецкий; социального обеспечения и управления делами — Лапчинский; управляющий издательством — Городецкий; заведующий украинским телеграфным агентством — Гальперин.

Из состава Народного Секретариата вышли, таким образом, помимо Бош и Ауссема, В. Шахрай, Ю. Коцюбинский и С. Бакинский (Артем фактически никогда не был секретарем). При голосовании списка левые эсэры заявили, что они не возражают против назначения *временно исполняющих обязанности* народных секретарей до съезда.

---

[1]) По твердому списку, предложенному Н. Скрыпником.

ГЛАВА XX.

В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ. II ВСЕУКРАИНСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ.

В середине марта ЦИКУК был уже в Екатеринославе[1]).

Основной задачей ЦИКУК попрежнему оставалась борьба с Центральной Радой.

Пребывание в Полтаве дало известный, хотя практически и весьма небольшой, результат — организацию военно-полевого штаба и спайку между отдельными командирами отрядов.

Назначение Антонова-Овсеенко главнокомандующим войсками юга и народным секретарем по военным делам Украины должно было поднять моральный дух советских отрядов и всей страны.

По приказу Антонова-Овсеенко на фронт отправились: Киквидзе — командующим Полтавским участком, Примаков — Бахмачским, Коляденко — Знаменским участком, Бакинский — начальником военных сообщений фронта, Барон — комендантом Полтавы.

К этому времени пала Одесса. В виду крайне тяжелого положения на фронте Народный Секретариат решил объявить на военном положении Полтавскую, Черниговскую и Херсонскую губернии и мобилизовать население в возрасте от 18 до 37 лет. Это решение было утверждено на заседании ЦИКУК 15 марта не без сопротивления со стороны левых эсэров, предлагавших отложить вопрос до съезда (съезд открывался через два дня). Скрыпник горячо защищал необходимость принятия чрезвычайных мер. ЦИКУК одобрил меру Народного Секретариата.

Самое тяжелое испытание ЦИКУК пришлось выдержать в Екатеринославе, в дни, когда немецко-гайдамацкие войска были уже под Полтавой. Бесконечные заседания в помещении губсовета обнаружили существенные разногласия между двумя группами:

[1]) Отдельные секретари расположились следующим образом: А. Иванов — в доме бывшего губернского правления; И. Клименко и В. Лившиц в б. гостинице „Астория“; Мартьянов — в управлении Екатеринославского почтово-телегр. округа по Ново-Дворянской ул.; В. Люксембург — в здании Народного, быв. окружного, суда; Лапчинский — в д. б. губернского правления.

большинством, шедшим за Н. Скрыпником, и меньшинством, выразителями которого были Э. Квиринг, Лугановский, М. Богуславский и Неронович. Последняя группа высказалась за соглашение с Центральной Радой на известных условиях и за прекращение военной борьбы против нее.

Надо сказать, что еще в Харькове Терлецкий, правда, в осторожной форме, намекал на желание левых эсэров сговориться с левым крылом Рады для совместной организации „третьего" центра. Эта затея, возможно, и осуществилась бы, если бы не последующее падение Киева. В Киеве левые эсэры вошли в тесный контакт с радовцами, срывали работу ЦИКУК, выступали с заявлениями о том, что ЦИКУК „рабский" подчиняется Москве, а затем столковались с левыми радовцами насчет общей газеты и в феврале открыли кампанию против Народного Секретариата и ЦИКУК.

Соглашение с Центральной Радой означало, совершенно очевидно, ликвидацию советской власти на Украине и признание своего поражения в борьбе с нею.

Борьба обеих групп Народного Секретариата по вопросу об отношении к Центральной Раде нашла особенно выпуклое отражение в одном из заседаний Народного Секретариата. Принципиальную оценку этих разногласий мы ныне находим в воспоминаниях Н. Скрыпника и Э. Квиринга, ответственнейших выразителей основных оттенков партийной мысли в период II всеукраинского съезда советов. Отельные эпизоды одного из памятных заседаний Народного Секретариата, на котором вопрос об отношении к Раде был поставлен ребром, рисуется в изложении Н. Скрыпника следующим образом:

„Припоминаю, что даже в советском правительстве — Народном Секретариате, как-раз перед II Всеукраинским съездом состоялось заседание, где обсуждалась дальнейшая деятельность. Две точки зрения, две резолюции стояли на обсуждении.

Представителями „екатеринославской" точки зрения были народные секретари т.т. Квиринг, Липшиц и другие.

Большинством этих голосов было принято такое предложение, внесенное т. Квирингом:

Признать необходимым прекратить борьбу с УЦР.

Признать, что советская власть в настоящий момент не имеет под собой никакой почвы. Войти с УЦР в соглашение на следующих условиях:

1) чтобы Советы рабочих депутатов были оставлены, как ячейки организации рабочих масс;

2) чтобы не было никакого преследования большевиков и была обеспечена легальная возможность их деятельности.

Эти резолюции были опубликованы в июне 1918 г. во время I съезда КП(б)У.

Следует добавить, что большинство присутствующих членов Народного Секретариата стояло за эту резолюцию. Мне, как председателю тогдашнего рабоче-крестьянского правительства, пришлось заявить, что я не могу дать дальнейшего хода этому постановлению, так как правительство не в полном составе. На следующем заседании всех членов правительства с участием тов. Антонова-Овсеенко — народного секретаря по военным делам, тов. Клименко, Иванова Андрея и всех других членов правительства Народный Секретариат отверг это предложение и большинством принял точку зрения так называемого центра".

Квиринг дает иное толкование внутрипартийным разногласиям этого периода. В статье „Наши разногласия"[1]) в специальной главе „По личному вопросу" Э. Квиринг так определяет свою позицию по отношению к Раде во время Екатеринославского съезда советов:

„Доклад командующего тов. Антонова выявил полную нашу беспомощность и полное разложение частей. С другой стороны Всероссийский партийный съезд решил ратифицировать Брестский договор, т.-е. признать Центральную Раду правительством Украины. Следовательно, мы должны были рассчитывать только на свои силы, и каждому была совершенно очевидна дальнейшая бесплодность защиты.

Помимо того, я был убежден (и не раскаиваюсь в этом и сейчас), что судьба пролетарской революции решается не тем, что мы еще месяц будем изображать кочующее советское правительство Украины, отступающее со своими разложенными частями в условиях почти полного охлаждения к нему крестьянства, а тем, что мы поможем укрепиться советской власти центральной федерации, поможем ей использовать передышку.

Из этих соображений я присоединился к предложению о прекращении военных действий с Радой и об открытии с нею переговоров о том, на каких условиях может произойти это прекращение военных действий.

Должен еще сказать, что как товарищей, голосовавших вместе со мной, так и товарищей, голосовавших против меня, я знал всего несколько дней, так как вошел в Народный Секретариат только, когда ЦИКУК эвакуировался из Полтавы в Екатеринослав.

[1]) „Первый съезд КП(б)У".

Голосовал я за свой страх и ни с кем из моих екатеринославских товарищей не говорил и не советовался. Также по этому вопросу нигде, кроме Секретариата, т.-е. правительства Украины, не выступал. Эта оговорка существенна, так как кто-то где-то написал, что я предлагал то же фракции II Всеукраинского съезда советов, имевшего место через несколько дней в Екатеринославе" [1]).

Вот в такой весьма накаленной атмосфере открылся II Всеукраинский съезд советов. Съехалось на съезд около тысячи делегатов [2]).

Прислали своих представителей Донецко-Криворожская и Крымская республики [3]).

Съезд открылся 17 марта приветственной речью Медведева [4]). Затем съезд стоя пропел „Интернационал" и „Заповіт". В президиум вошли: от большевиков Н. Скрыпник, Э. Квиринг, Я. Гамарник и Андрей Иванов, от левых эсэров—Северо-Одоевский; (украинский эсэр), Качинский, Терлецкий, Бойченко и Сердюк, от левых украинских с.-д.—Медведев.

Из участников съезда левых украинских с.-д. надо еще указать на Н. Врублевского (Сергея), расстрелянного гетмановцами в Киеве в 1918 г., Петра Слинько, расстрелянного деникинцами в Харькове, Степана Кокошко и А. Буценко (ныне секретарь ВУЦИК'а).

Почетными председателями съезда избрали: В. И. Ленина, Марию Спиридонову, Фридриха Адлера и Карла Либкнехта. С приветствиями выступили от Екатеринославского совета Квиринг, от Киевского совета—Иванов Андрей и вслед за ними бывший радовец Северо-Одоевский; на его речь одна часть съезда очень бурно реагировала, не давая оратору говорить.

[1]) Н. Скрыпник указывает, что на съезде (во фракции) выступил с подобным предложением (т.-е. высказался за соглашение с Радой при условии сохранения советов, как рабочих организаций) М. Богуславский, бывший в то время председателем Кременчугского совета.

[2]) По анкетным данным организационной комиссии съехалось (до открытия съезда) большевиков и сочувствующих—428 (из них украинских с.-д. левых—27), объединенных рос. и укр. левых эсэров и сочувствующих им—414, укр. с.-д.—13, с.-д. (объединенных)—6, Бунд—2, эсэров рос. и укр. (центр и правые)—4, анархистов—3, максималистов—4, беспартийных—82, неопределенных („за советскую власть", „за селянство", „за рабочих")—8. На съезде было до 30 бывших членов Центральной Рады.

[3]) Донская республика к тому времени еще не сорганизовалась и своих представителей не послала, вопреки утверждению И. Кулика.

[4]) Е. Бош неверно утверждает, что съезд был открыт Северо-Одоевским; последний выступил лишь с приветственной речью после Медведева.

— Не дадим слова члену Центральной Рады, — слышались возгласы.

На это Северо-Одоевский отвечал:

— Я бывший член Центральной Рады, это правда, но не забывайте, что этой самой Центральной Радой я был арестован и в то время, когда она заседала наверху, я сидел внизу, в темном подвале и каждую минуту ждал расстрела.

Затем выступили Неронович и Антонов-Овсеенко. Отвечая на шумные аплодисменты съезда, Антонов, отчеканивая каждое слово, сказал:

— Тем немногим, да, немногим, стоящим на страже народных интересов и своей кровью орошающим поля Украины, передам я те приветствия, которыми вы меня встретили. Но не рукоплещите только, а сделайте дело, которое дало бы нам возможность сломить немцев и плетущихся за ними в хвосте гайдамаков.

Нерадостны были последние военные сообщения, оглашенные главковерхом на съезде. К этому времени немцы захватили Бахмач и Конотоп.

С отчетом о деятельности Народного Секретариата выступил Н. А. Скрыпник.

После него левые эсэры в лице Одоевского подробно развили свою позицию революционной войны. От украинских с.-д. выступал Мазепа.

— Здесь называли Центральную Раду кучкой и бандой,— сказал он,— но вам будут от имени ЦИК предлагать перемирие с ней[1]). Здесь говорилось, что необходимо бороться против мира, заключенного Центральной Радой, а Скрыпник заявил, что ЦИКУК подписал бы мир, что для этого ездили в Брест Затонский, Неронович и др.

Мазепа утверждал, что мир, подписанный Российским Совнаркомом, хуже того мира, который подписала Центральная Рада, что мир, заключенный Центральной Радой,—мир „без аннексий и контрибуций".

Его речь неоднократно прерывалась криками с мест; ему не дали договорить.

Мазепе отвечал Медведев. Он выразил уверенность, что при совместных усилиях Российскому Совнаркому и Украине удалось бы заключить почетный мир; теперь же Украина гибнет под пятой немецкого нашествия.

[1]) Такого предложения не было сделано. Заявление Мазепы чрезвычайно характерно и свидетельствует об объективном значении „екатеринославской" точки зрения.

Медведев предлагал создать бюро по созыву III Всеукраинского съезда советов из представителей Центральной Рады и представителей ЦИКУК на паритетных началах.

От меньшевиков выступал М. Бэр (Гуревич), от Бунда — Чемерисский; горячую речь, заостренную против их выступлений, произнес Андрей Иванов. Работа съезда продолжалась три дня.

За это время съездом были заслушаны доклады о политическом моменте, об отношениях к Центральной Раде, о войне и мире, об организации военной силы, о взаимоотношениях Украины с Российской Федерацией и о земельной политике советов.

Некоторые резолюции съезда мы приводим ниже целиком:

О ПОЛИТИЧЕСКОМ МОМЕНТЕ.

„1. Вынужденное подписание Россией мирного договора ставит Украинскую Советскую республику в чрезвычайно тяжелое положение в борьбе украинского трудового народа за достижения революции.

2. Призванные остатками Центральной Рады, свергнутой народом, войска австро-германского империализма уничтожают советскую власть, закрепощают трудовой народ и завоевывают территорию Украинской Народной республики; они ведут военные действия под прикрытием Центральной Рады, которая служит лишь политическою ширмою для австро-германского империализма и его захватных стремлений.

3. Но для того, чтобы сохранять возможность свободно развивать завоевания социалистической революции, трудящиеся массы Украины на своем II съезде советов пред лицом всего мира заявляют, что они готовы подписать даже тяжелые условия, которые навязываются Украине мирным договором Центральной Рады с Австро-Германией, но при обязательном условии полного невмешательства Австро-Германии во внутреннюю жизнь Украины и вывода австро-германских войск из всех занятых ими частей Украины.

4. II Всеукраинский съезд советов, являясь выразителем воли украинской демократии, постановляет, что украинский трудовой народ будет бороться против завоевателей и душителей революции, против империалистов всего мира, но вместе с тем примет через свои полномочные органы все меры к прекращению войны и к выработке приемлемых для трудящихся условий мира.

5. Съезд выражает уверенность, что трудовой народ Украины, идя рука об руку со всем рабочим классом России для защиты революции, объединившись на международном социалистическом

конгрессе с рабочими всего мира, выйдет победителем из тяжелого положения в пожаре мировой революции.

6. Съезд поручает исполнительному органу, который он изберет, послать представителя на международный социалистический конгресс для борьбы за мир всего мира.

7. Съезд провозглашает, что трудящиеся Украины при таких условиях не признают в своей стране буржуазной власти ни в центре, ни в отдельных местах и будут бороться за восстановление власти советов там, где они уничтожены, всемерно противодействуя буржуазным захватчикам путем организации Красной армии, партизанской борьбой, забастовками, неуплатой налогов и всеми другими средствами, которые имеются в распоряжении рабочих и крестьян".

Представитель ППС (левицы) заявил о присоединении к резолюции, предложенной большевиками, и огласил следующую декларацию:

„В момент напряженной борьбы между революционным пролетариатом и хищническим империализмом польский пролетариат без колебаний становится рядом с революционными борцами и будет бороться плечом к плечу с украинским и всероссийским пролетариатом".

В заключительной части декларация „левицы" призывала „польских пролетариев, заброшенных судьбой на территорию Украины, к выполнению пролетарского долга и организации Красной рабоче-крестьянской армии".

Взаимоотношения между Украиной и Федерацией намечались, согласно резолюции съезда, в таком виде:

УКРАИНА И ФЕДЕРАЦИЯ.

„Рабочий класс и все трудящиеся массы Украины рассматривали Украинскую Народную республику как Советскую республику, объединяющую всех живущих на территории Украины трудящихся, независимо от их национальности, тесно связанную федеративными узами с Великороссийской рабоче-крестьянской республикой.

В настоящее время мирный договор, насильно навязываемый германским империализмом Российской Федерации, формально прекращает федеративную связь Украины с Советской Федерацией. Украинская Народная республика становится самостоятельной Советской республикой. Но по существу взаимоотношения Советских республик останутся прежними. Трудящиеся массы Украины выражают твердую уверенность, что дальнейшей борьбой рабочего класса на Украине и в других странах уже в ближайшем будущем должна быть восстановлена эта формальная федеративная связь,

и все Советские республики объединятся в единую социалистическую федерацию. Стремясь объединить для борьбы с контр-революционной Радой всех трудящихся на всей территории Украины, завладеть которой стремится Центральная Рада, трудящиеся массы Украины рассматривают Украинскую Советскую республику, как республику федеративную, объединяющую все советские объединения, вольные города и республики, как автономные части Украинской Федеративной Советской республики".

Для борьбы с Радой и немцами нужна была Красная армия; съезд бросил клич о создании вооруженных сил республики, клич — „К оружию"!

О КРАСНОЙ АРМИИ.

„Съезд, исполненный непоколебимой решимости отстаивать священное дело революции, постановляет, что делегаты по возвращении на места должны поднять села и города и создать мощную рабоче-крестьянскую армию, мощную революционным духом и пролетарским сознанием. Эта армия должна стать несокрушимой твердыней, о которую разобьются последние усилия обреченных на гибель империалистов".

Определяя свою позицию в области аграрных отношений, съезд утвердил декрет Совнаркома РСФСР о земле, при чем ЦИКУК было предложено внести в этот декрет, в соответствии с местными условиями, необходимые поправки.

Далее, съезд поручил ЦИКУК выработать декрет о восьмичасовом рабочем дне и рабочем контроле над производством и распределением. Ему же поручили выпустить манифест к украинскому народу.

Об итогах съезда, закончившегося 19 марта, автор настоящих строк писал в „Вестнике Украинской Народной республики":

„Скрестились две точки зрения: одна, исходившая из признания необходимости войны с Германией и ее союзниками „во что бы то ни стало", до полной победы над германскими и прочими империалистами; другая — характеризовавшая положение вещей на Украине, как состояние „длящейся гражданской войны".

В одном находили общий язык представители той и другой точек зрения — в оценке грозной опасности, надвигающейся на Российскую Советскую республику со стороны всемирного империализма. В оценке этой опасности съезд был единодушен (если не

считать двух-трех десятков гайдамаков, меньшевиков и четырех эсэров „центра“).

Поэтому на съезде отдельные фракции скрестили копья исключительно в плоскости оценки мирного договора, ратифицированного в Москве на съезде советов России.

Левые эсэры в общем повторили на съезде старые доводы Камкова, оглашенные в Москве.

Излишняя страстность их речей накалила было атмосферу съезда докрасна.

Одно — правда, короткое — время казалось, что съезд „расколется“, „сорвется“. В воздухе нависла угроза тяжкого удара по советской власти.

А надо помнить, что съезд составился из большевиков и левых эсэров почти наполовину; на съезде установилось „неустойчивое“ равновесие — самый опасный вид равновесия.

К счастью, — это мы можем сейчас констатировать с удовлетворением — никакого „раскола“, никакого „срыва“ съезда не произошло.

В вопросе о войне и мире съезд стал на единственно-правильную точку зрения. Он признал катастрофически-тяжелое положение Российской Федерации, он согласился с тем, что московский Всероссийский съезд советов не имел другого выхода из создавшегося положения вещей, кроме ратификации мирного договора.

Вместе с тем он определенно заявил, что никакая сила в мире не заставит рабочих и крестьян Украины отказаться от своего самого ценного завоевания — от советской власти.

На защиту советской власти рабочие и крестьяне Украины должны будут стать все, как один.

Жертв потребуется немало.

Военное положение — не будем закрывать глаза на это — ухудшается для нас с каждым днем.

Старая армия разложилась и разбежалась.

Новой армии пока нет.

Немногочисленные отряды красных войск противопоставлены полчищам бандитов.

Немецкие империалисты двинули в бой с рабочими и крестьянами Украины отборные регулярные войска, хорошо вооруженные, хорошо одетые, сытые, подкупленные подачками.

Трудно с ними бороться.

При таких условиях съезд советов Украины должен был особенно внимательно разобраться в положении страны.

И в конце концов,— как оно только и могло быть — съезд советов Украины произнес свое решительное слово о борьбе с Центральной Радой.

Съезд советов сказал:

„Беспощадная борьба с предателями! Смерть предателям“!

И это слово теперь закон для всех, кто стоит на почве поддержки советской власти. Всюду, на местах, делегаты съезда советов Украины должны разъяснить массам значение принятой съездом советов Украины резолюции о текущем моменте, *о войне и мире.*

Необходимо организовать на местах сильные, сплоченные революционной дисциплиной, пролетарские отряды.

Необходимо будить к активной революционной работе черноземные пласты крестьянства.

Необходимо организовать *„войну-восстание“*, „мужицкую“ и „пролетарскую“ войну.

Эти мысли и чувства делегаты съезда унесли отсюда во все углы Украины.

Их необходимо углублять и впредь.

В этом заключается смысл работы избранного на II Всеукраинском съезде советов Центрального исполнительного комитета.

Составленный из большевиков и левых эсэров, почти наполовину (49 эсэров, 47 большевиков, 5 левых укр. с.-д. и 1 от ППС — левицы), новый Центральный исполнительный комитет рискует очутиться в определенных случаях в очень затруднительном положении, граничащем с опасностью „раскола“ и „срыва“.

Это обстоятельство, несомненно, затруднит во многом работу Центрального исполнительного комитета.

Но, с другой стороны, одинаковая численность обеих правящих фракций в ЦИКУК „накладывает на них и одинаково определенную и ясную политическую ответственность перед трудящимися массами Украины“.

ГЛАВА XXI.

ДОНЕЦКО-КРИВОРОЖСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Б. Магидов полагает, что „идея организации Криворожской республики вызвана была, главным образом, необходимостью резче и рельефнее выявить диктатуру пролетариата против свирепо воинствовавшего в ту пору украинскаго национализма“. С этим мнением трудно согласиться. Если даже не стоять на точке зрения „киевлян“ и не считать, подобно Антонову-Овсеенко, что „отделение рабочих районов от Украины как-раз в момент, когда ее советское правительство в Киеве особенно нуждалось в политической и организационной поддержке“ (выступление против Центральной Рады на брест-литовских переговорах с немцами) было „серьезным государственным промахом“,—то во всяком случае создание Донецко-Криворожской республики не находится ни в какой связи с необходимостью „резче и рельефнее“ выявить диктатуру пролетариата „против свирепо воинствовавшего в ту пору украинского национализма“. Если уже искать оправдания для позиции харьковцев, то его следует искать в особенностях гражданской войны в Донбассе. Левобережье позже пришло к мысли о борьбе с Радой, вследствие того, что было поглощено борьбой с калединщиной — своим основным врагом. Объединение Донецкого и Криворожского бассейнов было направлено против калединщины.

Б. Магидов так рассказывает об условиях зарождения Донецко-Криворожской республики:

„После II съезда советов и I Всероссийского съезда профсоюзов (делегатом на съезде советов я был от Харьковского совета, на съезде профсоюзов — от горняков) во второй половине января 1918 г. в Харькове в „Метрополе“ состоялось совещание, на котором присутствовали: Артем, Васильченко, Жаков, Филов, Коля Руднев, Семен Шварц, В. Межлаук и другие товарищи (затрудняюсь вспомнить).

Отсутствовали: т. т. Ворошилов (был градоначальником в Питере), Рухимович (на калединском фронте), Каменский А. (где был — не припомню) и др.

Собрание открыл тов. Артем, отметив цель и задачи организации Криворожской республики и особо подчеркнув необходимость организации пролетарской власти — власти советов, вокруг и под руководством которой объединялось бы крестьянство.

Необходимо отметить, что в ту пору уже существовал областной Донецкий комитет РКП, секретарем которого был, если не ошибаюсь, в эту пору Семен Шварц[1]). В него входила и часть товарищей, присутствовавших на том собрании.

Насколько мне помнится, предложение тов. Артема не встретило особых возражений, и тут же был намечен состав Совнаркома: председатель — т. Артем (он же председатель областного совета народнаго хозяйства), внудел — т. Васильченко, просвещения — т. Жаков, юстиции — т. Филов, по военным делам — т. Рухимович, заместителем его — т. Руднев, финансов, если не ошибаюсь, — т. В. Межлаук, контроля — т. Каменский, труда — т. Магидов.

За работу все взялись немедленно.

Тов. Жаков передавал мне, как его не хотел пустить сторож в округ просвещения из-за слишком плохого на нем костюма, и как тот долго колебался пустить или не пустить „пролетарского министра" к исполнению его обязанностей.

Всюду и везде приходилось преодолевать много трудностей, дело было новое и весьма непривычное.

Всюду и везде было засилье меньшевиков и эсэров, приходилось не особенно церемониться и действовать решительно.

Из организационных мероприятий следует отметить съезд представителей хозяйственных и профессиональных организаций с участием т. Осинского, на котором был избран областной совет народнаго хозяйства.

На самом съезде нам пришлось вести весьма резкую и решительную борьбу с меньшевиками. В нашей среде тогда уже был т. Ворошилов (вскоре ушедший со своим отрядом на борьбу с немцами), и нам удалось разбить основательно меньшевиков".

Донецко-Криворожский Совнарком пытался по радио вступить в переговоры с немцами. Эта попытка, как и следовало ожидать, не дала никаких результатов. Тогда Совет Народных Комиссаров Донецко-Криворожской республики объявил всеобщую мобилизацию рабочих. Мобилизация, однако, успеха не имела. Рабочие устали от предыдущей борьбы и жаждали отдыха. В связи с ослаблением власти в городах поднялась волна бандитизма и хулиганства.

[1]) Это неверно. В бюро Донецкого областного комитета входили: Артем, Копылов и Ватин (Быстрянский); секретарем областного комитета был Артем.

Назначенный комендантом Харькова Кин проявил чрезвычайное хладнокровие и распорядительность в борьбе с преступными элементами, чем страшно озлобил против себя некоторые деморализованные воинские части. Одна из них потребовала к себе Совет Народных Комиссаров и Харьковский исполнительный комитет в полном составе для объяснений. Когда комиссары явились, полк объявил их арестованными и заявил, что не выпустит до тех пор, пока в его руки не будет передан для расправы Кин. С большим трудом удалось полк усмирить и затем отправить на фронт. Нуждаясь в средствах, Совет Народных Комиссаров Донецко-Криворожской республики прибег к системе контрибуций. Им был объявлен налог на буржуазию в размере 42 миллионов рублей, из коих по 10 миллионов приходилось на Ростов и Новочеркасск, тоже почему-то отнесенных к Донбассу. Взыскать указанные 20 миллионов Совет Народных Комиссаров поручил Антонову, с которым после недавних трений установились сравнительно нормальные отношения. К этому же периоду (февраль 1918 г.) относится и примирительная телеграмма Совнаркома Донецко-Криворожской республики к Антонову следующего содержания:

„Областной Совет Народных Комиссаров приветствует успехи вашей победной борьбы с последней опорой контр-революции, донскими помещиками и капиталистами. Самоотверженная отвага рабочей Красной гвардии, сознание и мужество революционного трудового казачества, неусыпная энергия работников социализма, являющихся руководителями этой борьбы, служат нам порукой в том, что героическая борьба идет к славному концу.

„Передайте наш товарищеский привет сподвижникам революционного фронта, ведущим вооруженную борьбу против мятежников-атаманов и их шаек. Передайте им, что с верой в победу на эту борьбу их провожали; с радостью, когда они возвратятся, встретим их от имени областного Совета Народных Комиссаров Донецкого и Криворожского бассейна. Комиссар по делам управления *Васильченко.* Комиссар по судебным делам *Филов.*"

Последний этап советской власти в Горлово-Щербиновском районе, до временного ухода, рисуется, по изложению П. Казимирчука, следующим образом:

„С появлением немцев на территории Украины, уездный совет решил создать пятерку, освободив остальных членов и эвакуировав ценности банков. В эту пятерку вошел я председателем; наши члены один за другим стали скрываться по мере того, как положение становилось все более и более худшим. Тогда я, совместно

с городским советом, решил создать тройку, председателем которой был избран опять я, горсовет же решил ликвидировать себя.

Оставшись один, я обратился в Горлово-Щербиновский совет, в свою базу, и, изложив им то положение, которое царит по уезду, попросил командировать в мое распоряжение т. Клипова с несколькими красногвардейцами, в чем меня и удовлетворили. Были присланы т.т. Клипов, Левин и пять красногвардейцев. Через несколько дней дезертировали и мои два члена тройки, я остался один с Клиповым. В это время в городе был т. Шишковский, с которым пришлось держать власть как по городу, так и по уезду.

По приезде Антонова-Овсеенко со штабом в Никитовку положение уезда стало крепче, ибо была опора.

В городе тюрьма была переполнена как уголовными, так и отрядом Аккермана. Ее пришлось держать под наблюдением, ибо каждый отряд делал попытку освободить арестованных. Были случаи, когда внезапно ночью их выпускали, но утром вновь с большим усилием удавалось их возвращать обратно в тюрьму.

Тогда более злостные бандиты были мною на площади расстреляны, после чего отряд Аккермана, дав обещание честно вести борьбу с гайдамаками, был освобожден, вновь вооружен и отправлен в распоряжение тов. Антонова, а остальные распущены. Изданное тов. Антоновым по телеграфу распоряжение о возврате разъехавшихся членов совета никаких результатов не дало. Меньшевики, отказавшись работать в советских учреждениях, вели себя сдержанно, ибо их обуял страх за свою безопасность, так как они не были уверены в том, что немцы их не тронут, а посему городской голова тов. Айдинов (ныне большевик) и председатель уездной земской управы тов. Фридман оказывали мне всяческую поддержку как в поддержании порядка, так и в изыскании продовольствия для отряда. После занятия Харькова немцами фронт подошел со стороны Святогорская, Сев.-Донецк. жел. дор. и Переездная-Лисичанск. Штаб тов. Антонова из Никитовки был уведен, и положение в уезде пошатнулось. Для удержания общего порядка приходилось дни и ночи без устали трем товарищам работать—т.т. Шишковскому, Клипову и Левину (последний был убит в моем кабинете и в моем присутствии нечаянной пулей т. Бородкина; одним товарищем у нас стало меньше).

Когда фронт стал подходить все ближе и ближе, меньшевики советовали оставить город заблаговременно, но мы для охраны города создали дружину из еврейской молодежи, вооружили до 40 человек. Ликвидировав бандитизм, отправив со станции желез-

ной дороги все эшелоны отрядов и эвакуировав все ценности, сняв все телеграфные и телефонные аппараты, взорвав железнодорожные мосты, мы выехали 19 апреля утром, когда немцы были на расстоянии 6—7-часового перехода, передав предварительно власть городскому голове и уездной земской управе—Айдинову и Фридману—в целости и полном благополучии".

Борьба с калединщиной—одна из славных страниц гражданской войны на Украине. Но она выходит за пределы нашей темы. Здесь укажем только, что победа над казачье-белогвардейской контр-революцией, достигнутая после огромных усилий, в начале 1918 г., не могла быть решающей, так как в тылу очень быстро и до известной степени неожиданно вырос новый фронт — германо-гайдамацкий.

Харьков пал в середине апреля. Члены штаба оставались в нем до последней минуты.

После ухода большевиков власть на короткое время оказалась в руках думы, а от думы власть перешла к германскому командованию.

Отступившие рабочие совместно с комиссарами—Артемом, Рухимовичем, Рудневым, Васильченко и др.—прошли долгий путь до Царицына (ныне Сталинград). К указанной группе присоединился в Луганске А. Каменский, а на станции Змиев Вадим с отрядом. Эта группа впоследствии заложила прочный фундамент боевой армии, защищавшей советскую власть под Царицыном и на других фронтах.

ГЛАВА XXII.

ПЕРЕЕЗД В ТАГАНРОГ И САМОЛИКВИДАЦИЯ ЦИКУК. ПАРТИЙНОЕ СОВЕЩАНИЕ.

Соотношение сил внутри ЦИКУК после Екатеринославского съезда было весьма неустойчивым. Самую многочисленную фракцию составляли левые эсэры; почти такой же по количеству была большевистская фракция, но в виду того, что за большевиками безоглядочно шли левые украинские с.-д., перевес был на стороне большевиков.

Помимо этого, вполне резонны были указания большевиков на необходимость следования предначертаниям съезда, отвергнувшего лево-эсэровские взгляды и одобрившего линию Народного Секретарната. Мы выше уже отметили, что левые эсэры неоднократно пытались добиться срыва Брестского мира. Украина представлялась им подходящим плацдармом для активистской деятельности, и сюда хлынули после выхода из Российского Совнаркома виднейшие члены лево-эсэровского Центрального Комитета: Камков, Карелин, Штейнберг, Фишман, и, благодаря их усилиям, разрыв стал неизбежен. В последних числах марта (ко времени переезда Народного Секретариата из Екатеринослава в Таганрог[1]) левые эсэры уже не входили в Народный Секретарнат и оставались в ЦИКУК в качестве безответственной оппозиции. Правда, левые российские эсэры, как и правые, на Украине никогда не были массовой партией, что объясняется конкуренцией со стороны украинских народнических партий. Но, как бы то ни было, Центральный Исполнительный Комитет советов Украины состоял почти наполовину из левых эсэров. Разрыв с ними в обстановке все обостряющейся гражданской войны грозил опасностью нового внутреннего фронта.

Формально левые эсэры ссылались в своей критике позиций Народного Секретариата на невозможность угодить Москве, только

[1]) Остановились на Таганроге как последнем опорном пункте оставшейся неоккупированной украинской территории.

что подписавшей „похабный“ мир, и одновременно держать курс на *войну-восстание*.

В этом упреке слышались самостийнические нотки. Но ведь Украина волей-неволей стала „самостийной“, как это признал II Всеукраинский съезд советов. Тут разногласий не было. В Пскове, а затем в Смоленске должны были происходить переговоры между Центральной Радой и Российским Совнаркомом [1]). Очевидно было, что морально политическое сочувствие России на стороне украинских рабочих и селян,—но не более чем моральное сочувствие. Украина должна была решать внутренние вопросы: войны и мира, взаимоотношений с Центральной Радой и пр.—собственными силами без значительной помощи извне.

Именно эту задачу ставили себе украинские большевики после Бреста. Напротив, левые эсеры, желая сорвать гибельный, по их мнению, Брестский мир,—сорвать во что бы то ни стало,—толкали Украину на путь борьбы с Советской Россией под видом последовательной борьбы с германским империализмом. Разрыв с левыми эсерами стал поэтому неизбежным, хотя попытки договориться с ними повторялись неоднократно. После Екатеринославского съезда левым эсерам было предложено взять в новом Секретариате половину портфелей, в том числе пост военного секретаря. В ответ на это предложение левые эсеры потребовали в ультимативной форме портфели финансов, продовольствия, путей сообщения, а также внутренних и военных дел, т.-е. фактической передачи им всей полноты власти. И это после того, как на съезде левые эсеры публично сняли с себя ответственность за резолюции, принятые по предложению или с поправками большевиков.

Автор этих строк припоминает дискуссию по вопросу о составе Секретариата на заседании ЦИКУК (25 марта).

Говорили Карелин, Штейнберг, Северо-Одоевский; со стороны большевиков—Скрыпник, Станислав Коссиор и Затонский. Северо-Одоевский „козырял“ влиянием левых эсеров среди селянства, обещал поднять его на борьбу с Центральной Радой и немцами, конечно, при соответствующей компенсации портфелями.

Затонский осмеивал министериабельные претензии левых эсеров. Он напоминал им, как они в Петрограде всеми силами старались помешать ему войти, как представителю Украины, в Совнарком. Украинские так называемые левые эсеры заигрывали с Центральной Радой, а когда на Украине организовалась советская

[1]) Переговоры не состоялись и значительно позже происходили в Киеве уже после гетманского переворота.

власть, они называли ее незаконнорожденной и насажденной чужеземцами.

„Когда я пришел к Одоевскому в Петрограде,—сказал Затонский,—и спросил, не время ли соединиться и начать совместную борьбу с Центральной Радой, он мне ответил, что Рада „не так уже буржуазна". Когда он узнал, что часть украинского съезда переехала в Харьков, то решил присоединиться к нам. Но затем передумал. Когда Рада заключила мир с Германией, Одоевский решил убить двух зайцев: Центральную Раду и ЦИКУК. Он решил поехать в Киев, постараться там аннулировать сепаратный мирный договор, а после этого в виде компенсации попросить Российский Совнарком произвести давление на ЦИКУК".

И на этот раз соглашение не было достигнуто. Левые эсэры отказались не только войти в Народный Секретариат, но и в коллегии, они согласились войти лишь в президиум ЦИКУК. Последний был сконструирован следующим образом: председателем был избран Затонский, а членами президиума Андрей Иванов, Тарногродский и Исааков (Крейсберг) от большевиков, Карабчук (от левых украинских с.-д.) Штейнберг, Качинский, Терлецкий, Северо-Одоевский (от левых эсэров).

В голосовании списка секретарей левые эсэры не принимали совершенно участия, и список был принят голосами большевиков и левых украинских с.-д. Последние получили два портфеля: народного просвещения (Николай Врублевский) и военных дел (Евгений Неронович).

Число ведомств было сокращено, аппарат сжат. В новый состав Народного Секретариата вошли, помимо левых украинских с.-д., Скрыпник в качестве председателя и народного секретаря иностранных дел, Бубнов—народного хозяйства, Гальперин — государственного контроля, Коцюбинский—внутренних дел, Мартынов — почт и телеграфов, Лапчинский—юстиции, Шахрай—земледелия и Станислав Коссиор, как секретарь финансов.

Левые эсэры немедленно объявили новому правительству бойкот.

Впоследствии выяснилось, что к этому моменту у них был уже готов план coup d'état (переворота-путча).

Разрыв по вопросу об образовании Народного Секретариата послужил только поводом для осуществления их заговора против Народного Секретариата.

Таганрогский совет относился к ЦИКУК, как это наблюдалось и в прежних местах, как к непрошенному гостю. По партий-

ному составу Таганрогский совет был большевистским, но с большой примесью левых эсэров. Меньшевики в совете не играли никакой роли. Но вот небольшая деталь, ярко рисующая „патриархальность“ нравов того периода. Орган Таганрогского Совета рабочих депутатов редактировался меньшевиком Наумовым.

Переезд ЦИК и его официального печатного органа в Таганрог устранил эту нелепую идиллию. Оба печатных органа—ЦИКУК и Таганрогского совета — слились воедино, т.-е. фактически газета Наумова была закрыта.

В городе было два центра власти: ЦИКУК и совет. Но это были не единственные власти. Военный комиссар Родионов— левый эсэр —был фактически независим от каждой из этих властей.

Военно-морской комиссар, матрос Коннуников, хотя и был назначен Родионовым, тоже, пожалуй, был независимой властью, в пределах своих „владений“. Кроме них были еще отдельные начальники отрядов, частью с мандатами от Антонова-Овсеенко, частью без них.

В начале апреля в Таганрог прибыла „вольная боевая дружина“ во главе с небезызвестной Марусей Никифоровой. В виду того, что поведение „дружины“ еще в бытность ее в Елисаветграде не было похвальным, отряд был, по распоряжению совета, разоружен, а Маруся попала под арест. Левые эсэры и часть народных секретарей, однако, вступились за арестованную. Под их напором совет создал следственную комиссию из двух представителей таганрогской организации большевиков, двух представителей федерации анархистов и одного представителя ЦИКУК. Комиссия постановила считать задержание Никифоровой прискорбным недоразумением и немедленно освободить ее из-под ареста. Постановление комиссии, во главе которой стоял Лапчинский, было утверждено председателем Таганрогского Совета рабочих депутатов Иванцовым и председателем ЦИК Украины В. Затонским[1]). Впоследствии Маруся стала одним из сподвижников батьки Махно.

У ЦИКУК, кроме небольшого отряда И. Кулика (его помощником был Лев), охранявшего в пути поезд правительства, пожалуй, никого не было. Совет, как мы выше указали, косился на незванную центральную власть. При этих условиях у левых эсэров созрела мысль убедить Родионова в необходимости ареста народных секретарей и наложения ареста на ценности, вывезенные коллегией финансов из Киева и хранившиеся, как полагали

[1]) „Пролетарская Революция“ № 10, 1926 г., И. Зайцев: „1917—18 г. г. в Таганроге“.

левые эсэры, в гостинице „Бристоль“, где разместились народные секретари. Карелин и Камков играли в этом заговоре решающую роль. Они втянули и советскую лево-эсэровскую фракцию в свои планы, и последняя непосредственно связалась перед выполнением нападения на Секретариат с Родионовым. Вечером 27 марта, т.-е. через два дня после образования нового Секретириата, Родионов ввел караул в гостиницу „Бристоль“, занял выходы и фактически арестовал народных секретарей, после чего произвел обыск в нескольких номерах.

Так прошла ночь. Но на другое утро среди самих левых эсэров произошло замешательство. В этот инцидент вмешался Таганрогский совет, правда, с большой неохотой. Родионов должен был снять караул. Левые эсэры добились только частичного успеха. Ценности были перевезены в банк и для хранения их была выделена коллегия из трех лиц: от ЦИКУК, от городского Таганрогского совета и от окружного совета.

Родионов давал объяснения на пленуме совета. Конечно, никто и не думал привлечь его к ответственности за арест членов Народного Секретариата; у ЦИКУК руки были коротки, а совет благодушествовал и старался примирить враждующие стороны.

„Считаем, — говорилось в резолюции совета, — для себя невозможным вмешиваться во внутренние дела Центрального исполнительного комитета и Народного Секретариата Украины и постановляем не делать никаких распоряжений, касающихся вышеозначенных государственных учреждений“[1]).

ЦИКУК мог реагировать на инцидент лишь принятием мер морального воздействия или попросту резолюцией протеста против действий эсэровской фракции. Заседание 19 марта, на котором инцидент обсуждался, было сплошь митинговым. Лапчинский огласил заявление народных секретарей, которое мы приводим здесь целиком:

„Вчера, 27 марта, члены ЦИК Карелин, Качинский, Бойченко подали заявление военному комиссару местного совета, на основании коего военный комиссар, незнакомый с положением дел в ЦИК и введенный в заблуждение поимёнованными членами, ввел вооору-

[1]) От Народного Секретариата на пленуме совета выступали Исавков (Крейсберг), Лапчинский, а от левых эсэров Фишман. Фишман называл народных секретарей „частными лицами“. Надо отметить всю безосновательность претензий левых эсэров. Ценности были вывезены из Екатеринослава и предназначались на хранение в отделении таганрогского банка. В пути комендантом поезда, в котором ценности перевозились, был не кто иной, как Северо-Одоевский. Только после его ухода Коссиор принял опись.

женную силу в гостиницу „Бристоль“ и приступил к обыску в номерах, занятых членами ЦИК и народными секретарями, руководствуясь списком, который кем-то был ему вручен.

Лишь постановлением местного исполнительного комитета Совета рабочих депутатов действия военного комиссара были прекращены, и ему было воспрещено какое бы то ни было вмешательство во внутренние распоряжения Центрального исполнительного комитета и Народного Секретариата.

Принимая во внимание, что указания членов ЦИК Карелина, Бойченко и Качинского относились в действительности, как это выяснилось из объяснений их товарища по партии Фишмана на заседании исполнительного комитета Таганрогского Совета рабочих депутатов, не к отдельным членам ЦИК, а к должностным лицам Народного Секретариата финансов, которых поименованные члены ЦИК не признают за правомочных представителей советской власти на Украине, что эти члены ЦИК лживым заявлением местным властям попытались вмешаться в служебные действия должностных лиц высшего управления республики; принимая во внимание, что все заявления членов ЦИК—Карелина, Бойченко, Качинского и Фишмана — ни на чем не основаны и совершенно ложны; не находя возможным, однако, предпринимать по отношению к ним, как к членам ЦИК, те действия, которые в данном случае должен был бы предпринимать Народный Секретариат по отношению к частным лицам, — по поручению Народного Секретариата, прошу президиум ЦИК вне всякой очереди довести настоящее заявление до сведения ЦИК, дабы орган высшей советской власти Украины принял меры к ограждению членов Народного Секретариата от покушений отдельных членов ЦИК, путем насилий и обмана, препятствовать исполнению первыми своих обязанностей“.

После оглашения заявления председательствующий Затонский обратился к фракции левых эсэров с запросом, отвечает ли она в целом за действия отдельных своих членов.

Отвечал Фишман.

— Мы, — сказал он, — считаем действия представителей левых эсэров совершенно закономерными, так как хозяином народных денег является ЦИКУК, а не группа, выделенная половиной его.

Штейнберг и Камков попрежнему требовали предоставления им портфелей.

Шахрай подчеркивал эту сторону выступлений левых эсэров.

— Вы ведете здесь такую же политику, как некогда в Центральной Раде.—сказал он.—Вы боретесь из-за портфелей.

Лево-эсеровской оппозиции отвечал также А. Бубнов.

— Признание или непризнание ЦИКУК, — сказал он, — конечно, дело партии. И мы сами, широко пользовавшиеся этим правом, не протестуем против этого. Но дело в том, что вы толкаете членов местного совета на неблаговидные поступки.

Бубнов подчеркивал, что левые эсеры приводят те же доводы против узкофракционного Народного Секретариата, что и меньшевики против Российского Совнаркома.

— Когда вы были еще совсем плохими защитниками советской власти, — продолжал Бубнов, — и младенческим языком говорили о ней, то мы, совершив восстание, образовали народное правительство. Тогда еще Ленин очень остроумно заметил, говоря о притязаниях меньшевиков на однородное правительство: „Какое еще однородное министерство им нужно?“

После длинных речей ЦИКУК принял следующую резолюцию:

„Заслушав внеочередное заявление Народного Секретариата по поводу действий некоторых членов ЦИК Украинской республики, ЦИК констатирует, что пущенная упомянутыми членами ЦИК заведомая клевета о расхищении народного достояния секретарями и членами ЦИК фракции большевиков сама по себе не заслуживает внимания. ЦИК мог бы со спокойной совестью реагировать на этот выпад путем привлечения клеветников к судебной ответственности, если бы за этим грязным походом не скрывалось начало организованного наступления против советской власти на Украине, путем взрывания советской власти изнутри, в частности, дискредитированием отдельных представителей рабоче-крестьянского правительства, путем возведения на них обвинения в самых низких и неблаговидных поступках.

ЦИК обращается ко всем рабочим и крестьянам с призывом твердо стоять на страже интересов советской власти, ни на одну секунду не верить гнусной клевете, распространяемой явными или тайными врагами рабоче-крестьянского правительства на Украине, и быть готовыми без колебаний отмести всех, кто в той или иной степени посягает на ответственные органы советской украинской власти.

ЦИК постановляет избрать комиссию из состава членов ЦИК для проверки сумм и ценностей Украинской Народной республики, дабы отмести явно необоснованные и заведомо клеветнические обвинения, которые распространяются врагами советской власти“[1]).

[1]) Первую часть резолюции предложили большевики, вторую—левые эсеры.

Левые эсэры использовали этот инцидент для того, чтобы декларировать свое непризнание Народного Секретариата второго состава.

Огласил эту декларацию Штейнберг:

„Объединенная фракция левых эсэров и украинских эсэров левого крыла Центрального исполнительного комитета Украины считает своим долгом заявить, что вновь образовавшийся 25 марта Народный Секретариат Украины ни в какой мере не является правительством, отражающим во всей полноте волю рабочих и крестьянских масс Украины. Это правительство подобрано по узко-фракционному принципу и представляет собою только одну партию большевиков, согласившуюся на капитуляцию перед германским империализмом, принявшую предательский мир, заключенный Центральной Радой с германскими завоевателями, и потому не способную искренно организовать дело революционной борьбы с германским империализмом. Такое правительство, созданное в грозный час революции без всякого участия самой большой фракции ЦИК Украины (левых эсэров и украинских эсэров левого крыла), опирающееся на большинство лишь в два голоса (украинских с.-д.), ни в какой степени не может претендовать на поддержку украинских широких трудовых масс и партии левых эсэров (российских и украинских). Перед лицом украинских и российских трудящихся масс объединенная фракция левых эсэров и украинских эсэров левого крыла Центрального исполнительного комитета Украины объявляет, что Народный Секретариат, назначенный партией большевиков в заседании 25 марта, не является органом украинской советской власти, не отвечает воле II Всеукраинского съезда советов, и потому фракция снимает с себя всякую ответственность за его действия. Вместе с тем объединенная фракция левых эсэров обращает внимание тружеников Украины на то, что старый Народный Секретариат сложил свои полномочия перед Центральным исполнительным комитетом того же 25 марта. Фракция поэтому заявляет, что на очереди дня стоит вновь создание подлинной советской власти Украины, ставящей себе искренно и последовательно задачи социальной революции и революционного сопротивления наступающему иностранному и отечественному империализму".

Большевики огласили контр-декларацию:

„Образование Народного Секретариата из представителей большинства ЦИК партии большевиков-коммунистов и левых-украинских с.-д. явилось результатом отказа партии левых эсэров

участвовать в Народном Секретариате. Этот отказ обусловливался резким расхождением партии левых эсэров с постановлениями II Всеукраинского съезда советов и стремлением партии левых эсэров, получив наиболее важные портфели, сорвать постановления второго съезда. Неудача означенной попытки не остановила партию левых эсэров, которые объективно—ходом событий — стали на путь борьбы с советской властью.

ЦИК обращается ко всем рабочим и крестьянам Украины с призывом сплотиться вокруг нового рабоче-крестьянского правительства и оказать ему всемерную поддержку как в борьбе с буржуазной контр-революцией, так и с колебаниями партии левых эсэров, своими выступлениями играющей на руку врагам пролетарской революции".

Этим инцидент был формально исчерпан. Левые эсэры в своем большинстве покинули ЦИКУК и перебрались в Ростов, где в это время формировалась Советская Донская республика во главе с Подтелкиным и Сырцовым. Только к концу пребывания ЦИКУК в Таганроге, к моменту выделения повстанческого штаба, левые эсэры вновь связались с „несерьезным" правительством. Об этом ниже.

Велась ли ЦИКУК какая-нибудь работа, помимо перебранки с левыми эсэрами? Конечно, учреждения кое-как с грехом пополам „развернулись". Председатель ЦИКУК Затонский принимал посетителей „от одиннадцати до часу" (посетителей, впрочем, не было) в помещении совета. Секретарь принимал также „от десяти до двух". Но на деле вся органическая работа замерла. Из Секретариатов работали: почт и телеграфа [1]), путей сообщения [2]), военных дел [3]). Последний имел отделы: общую канцелярию, мобилизационный, технический и снабжения. Во главе Секретариата стоял А. Бубнов, заменивший пропавшего без вести Нероновича [4]).

А. Бубнов стремился создать в главных центрах не занятой немцами территории органы по мобилизации, инструктированию и снабжению частей. В Донецкий бассейн (Юзовка-Луганск) в качестве представителей Секретариата были делегированы Гольдяев, Гамарник и С. Шварц; снабжением и эвакуацией в этом районе должен был ведать Фарбман (Рафаил), выехавший с этой целью в Лозовую.

[1]) Помещался по Соборному переулку.

[2]) Там же, народным секретарем был назначен под конец А. К. Сербиченко.

[3]) Помещался в б. Коммерческом клубе.

[4]) Впоследствии выяснилось, что он был расстрелян в м. Шишаки петлюровцами.

В район Херсон — Николаев — Одесса были командированы Карпенко и Майоров.

В район Полтавской, Харьковской и Екатеринославской губ. были посланы Гриневич, Иван Смирнов, впоследствии замученный деникинцами в Одессе, и Вер.

Из основных политических вопросов, выдвинувшихся перед ЦИКУК в этот период, надо указать на вопросы об организационных взаимоотношениях с Доном и Кубанью, с одной стороны, и с Россией — с другой. Еще в Полтаве, как мы видели, возникал вопрос об объединении юга. В Екатеринославе известное единство было достигнуто прибытием на съезд всех южных республик, кроме Дона. В конце марта или в начале апреля на Ростовский съезд советов от ЦИКУК была послана особая делегация в составе Скрыпника, Коцюбинского и Врублевского[1]). Приблизительно в это же время была послана делегация на Кубань.

На образование Донской республики „Вестник Украинской Народной Республики“ откликнулся статьей, в которой отмечалась необходимость общей борьбы Украины и Дона против Рады и немцев:

„Донецкая республика, Таврическая республика уже объединены с Украиной общими задачами борьбы с Центральной Радой и ее карательными экспедициями.

„Теперь очередь за Донской республикой, которой следует, помимо прочего, помнить, что разбойничья Рада покушается на часть Донщины, в частности, и на Таганрог с окрестностями, включенные по III универсалу Центральной Рады в состав Украины.

„Поэтому, приветствуя Советскую Донскую республику, мы побратски кидаем ей клич:

„На общую борьбу с общим врагом! На защиту советской власти — против разбойников империализма!“[2]).

Таганрог по III универсалу входил в Украинскую республику. Ясно было, что немцы займут Таганрог. Но местные руководители полагали, что их „минует чаша сия“, если Таганрог отделится от Украины и признает себя частью Донской республики. Последняя почти совсем не готовилась к обороне границ. Эта халатность была следствием всеобщей усталости. Только-что были ликвидированы богаевщина и калединщина; молодая республика получила на некоторое время передышку и отгоняла от себя мрачные мысли о возможности нападения на нее германских войск.

[1]) Левые эсеры отказались участвовать в этой поездке.

[2]) „Вестник Украинской Народной Республики“ № 50.

Декларация о самоопределении Таганрогского округа, приводимая ниже, была принята ЦИКУК 30 марта.

С разъяснением этого акта выступил Бубнов, подчеркнув в своей речи, что трудовое казачество — наш молодой союзник и что „если какая-нибудь область или город пожелает образовать самостоятельную республику, то мы при известных условиях препятствовать не будем". „Вместе с тем, — добавил Бубнов, — мы должны сказать молодому казачеству Дона, что Центральная Рада безусловно будет притязать на Таганрогский округ, и, следовательно, борьба неизбежна".

ДЕКЛАРАЦИЯ О САМООПРЕДЕЛЕНИИ ТАГАНРОГСКОГО ОКРУГА.

„Российская республика переживает период создания, развития и укрепления советской власти. Административные деления царской России идут на смарку. Их сменяют и должны сменить новые деления, построенные не на основе полицейского усмотрения, а на принципе свободного строительства народами и нациями России своей культурной и экономической жизни. Образуется ряд республик, вольных городов, между которыми нет и быть не может никакой вражды и которых самым тесным образом связывает общность борьбы с классовыми врагами рабочих и крестьян.

Внешним выражением этой солидарности советских пролетарско-крестьянских республик является образование Федерации, равно как и быстрое разрешение путем переговоров всех спорных вопросов.

Исходя из всего вышеизложенного, ЦИК Украинской республики, заслушав представителей Донской Советской республики по вопросу о том, входят ли Таганрогский и Ростовский округа в состав первой или согласно III универсалу являются территорией Украинской Советской республики, заявляет, что для Советской Украинской республики ни в какой мере не обязательны универсалы Центральной Рады, действующей по указанию разбойников германского империализма, и что Советская рабоче-крестьянская Украина никогда не претендовала и не претендует на территории, входящие в Донскую область и теснейшим образом в культурном и экономическом отношении с ней связанные.

Решение вопроса о принадлежности Ростовского и Таганрогского округов к той или иной советской республике подлежит самим широким трудящимся массам, населяющим эти округа, и должно быть поставлено на рассмотрение съезда советов Донской

республики. Что же касается вопроса о пребывании ЦИК советов Украины в Таганроге, то украинское рабоче-крестьянское правительство считает необходимым заявить, что этот шаг ни в коем случае не может быть истолкован, как намерение посягнуть на округа, население которых еще не установило в окончательном виде своего отношения к той или иной местной борьбе против общего врага, идущего на Украину и Донскую республику, против капиталистов, помещиков и разбойничьих банд австро-германского империализма".

Что касается взаимоотношений с Россией, то, поскольку Екатеринославский съезд стал на позицию признания Украины самостоятельной республикой, из этого шага логически вытекала необходимость установления известной дипломатической связи с Россией. С этой целью в Москву были делегированы (в конце марта) Скрыпник, Коцюбинский и Врублевский, в качестве чрезвычайного посольства для выработки порядка дальнейших сношений между Россией и Украиной и для декларативного заявления об образовании независимой Советской Украины (левые эсэры отказались от участия в посольстве). 3 апреля посольство было принято Российским Совнаркомом. Последний в ответ на декларацию посольства просил передать „горячий братский привет" рабоче-крестьянскому правительству, Народному Секретариату и ЦИК советов Украины. Ниже мы даем полный текст приветствия Совнаркома советам Украины:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВНАРКОМА О БРАТСКОЙ СОВЕТСКОЙ УКРАИНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.

„Принимая к сведению декларацию чрезвычайного посольства Народного Секретариата Украины и постановления II Всеукраинского съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов об объявлении Украинской Народной республики самостоятельной Федеративной советской республикой, *Совет Комиссаров шлет горячий братский привет рабоче-крестьянскому правительству, Народному Секретариату и ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины.*

Вынужденные теми тяжелыми условиями, которые получили исчерпывающую характеристику в резолюции Московского чрезвычайного съезда советов, вступить в договор согласно мирного трактата с центральными державами и Киевской Радой, советское правительство России выражает свое восторженное сочувствие

геройской борьбе трудящихся и эксплоатируемых масс Украины, являющихся в настоящее время одним из передовых отрядов всемирной социальной революции.

Совет Народных Комиссаров выражает свою непоколебимую уверенность в том, что близко то время, когда революционные массы Украины, рука об руку с пролетариатом и крестьянством России, поддержанные революционным социалистическим пролетариатом всего мира, выйдут победителями из борьбы с империалистическим и капиталистическим гнетом за полное освобождение рабочего класса и за социализм. 3 апреля 1918 г."

Покуда ЦИКУК был занят этой дипломатией,— борьба на фронте шла своим чередом и большей частью независимо от ЦИКУК, если не считать выше отмеченных усилий военного секретариата внести порядок в мобилизационно-техническую и агитационную стороны борьбы.

Беспрерывно продолжал выходить орган ЦИКУК — „ВУНР"[1]). После Полтавы в газете принимали участие, помимо автора этих строк, Я. Ф. Городецкий (зав. издательством), Введенский, Покровский (в качестве репортера), Нарбут и его жена (он в качестве выпускающего, она корректоршей), Сафьян (упр. конторой), Б. М. Райхштейн (одно время в качестве секретаря). Между прочим, Покровский составлял протоколы II Екатеринославского съезда советов (стенографической записи, за отсутствием стенографисток, не велось). Сохранились ли протоколы, трудно сказать. Во главе редакции „Вестник УНР" в Таганроге была утверждена коллегия в составе: В. Шахрая, Г. Лапчинского и Эрдэ. Шахрай совсем не принимал участия в газете. Лапчинский лишь изредка заходил в редакцию. Левые эсэры первое время не претендовали на руководство газетой. Только после появления в „Вестнике" ряда резких статей, направленных против них, Терлецкий выступил с протестом против линии газеты сначала в Екатеринославе, а затем в Таганроге. Терлецкому отвечал в Екатеринославе Скрыпник, а в Таганроге Гамарник. В этом вопросе ЦИКУК формально уступил левым эсэрам. Было решено расширить редакционную коллегию до 5 человек; из этого числа левые эсэры и левые украинские с.-д. полу-

[1]) В Харькове, Киеве и Екатеринославе выходили два издания: одно на русском, другое на украинском языках; в Полтаве и Таганроге, за недостатком технических средств, издание на украинском языке не выходило. Между прочим, в Киеве в качестве переводчика в газете работал тогда еще у. с.-д. Е. Касьяненко (Ларик); все время работал в газете (в украинском издании) П. Слинько.

чали по одному месту. От левых украинских с.-д. в коллегию вошел Петро Слинько, от левых эсэров какая-то бесцветная фигура. Линия газеты фактически не изменилась. С Петром Слинько у автора этих строк произошло столкновение как-раз накануне созыва так называемого Таганрогского партийного совещания. В партийных кругах дискутировался вопрос о дальнейших судьбах партийной организации на Украине. Единодушного мнения, как мы ниже увидим, по этому вопросу не было. Левые украинские с.-д. были полубольшевиками, но, естественно, с некоторым самостийным уклоном. Поэтому, когда П. Слинько принес в редакцию статью под названием „Единая пролетарская партия на Украине", то автор этих строк статью задержал и отказался ее печатать.

„Раз вы признали самостийность Украинской республики,—обращался Слинько к большевикам,—то будьте же последовательны, признайте самостийность единого партийного центра для этой республики". Недовольный отказом, Слинько побежал с жалобой к Г. Лапчинскому. Последний, видимо, и тогда уже зараженный в некоторой степени укапизмом[1]), высказался за печатание статьи, и она появилась, но с примечанием от редакции, что „по этому вопросу в редакции „ВУНР" имеются разногласия"[2]).

Пребывание ЦИКУК в Таганроге, да и вообще существование этого органа имело смысл до тех пор, пока еще оставалась свободная от оккупации территория, пока продолжалась борьба на фронте. Но, по мере занятия украинской территории немцами, на очередь выдвигалась новая задача — организация восстания в тылу немцев и гайдамаков, что отвлекало на места лучшие силы. Поэтому в первых числах апреля было решено реорганизовать ЦИКУК: численно сократить состав его, уменьшить число секретариатов и в дальнейшем собирать сессии ЦИКУК в определенные сроки.

Левые эсэры отказались обсуждать вопрос о секретариатах, но внесли предложение о наименовании сокращенного ЦИКУК „Бюро для разрешения повседневных вопросов". На это большевики возражали, что в столь острый момент нельзя лишать ЦИКУК или его Бюро права принимать важные решения (относительно наименования споров не было). Состав Бюро был определен в 21 человек (10 большевиков, 10 левых эсэров и 1 левый у. с.-д.). Эсэры

[1]) Г. Лапчинский впоследствии ушел от большевиков в УКП и вернулся в ряды большевиков только в 1927 году.

[2]) Петро Слинько — крестьянин, член партии укр. эсэров, а затем укр. с.-д. с 1915 г.; в ноябре 1917 г. порвал с украинскими с.-д., в мае 1918 вступил в РКП(б), член I и II съездов КП(б)У, расстрелян деникинцами 30 ноября 1919 г.

требовали твердых списков членов Бюро ЦИКУК без права замещения отсутствующих. Но с этим предложением большевики опять-таки не согласились. Во-первых, большинство членов ЦИКУК находилось в частых отлучках, и порядок, предложенный эсэрами, ударил бы больше всего по большевистской фракции; во-вторых, подобное положение вещей сделало бы крайне неустойчивой позицию власти, так как большинство менялось бы от случая к случаю.

Первая и, как оказалось, последняя сессия ЦИКУК была назначена на 15 апреля; собрались 16-го, закончили сессию 18-го[1]).

К этому моменту с фронта прибыли Ю. Пятаков, Е. Бош, Н. Лебедев. На фракции В. Шахрай выступил с предложением ликвидировать советскую власть и начать строить самостийную партию. Ему запретили выступить на пленуме с подобной точкой зрения. Раздосадованный, он вышел из фракции, уехал в Москву, а оттуда в Саратов, где выпустил брошюру с изложением своей позиции. Своим поведением В. Шахрай поставил себя вне партии[2]).

На заседании ЦИКУК 18 апреля Ю. Пятаков выступил с предложением реорганизации центрального органа. По его докладу, решено было объединить президиум ЦИКУК и Народный Секретариат и создать Бюро из 9 человек. Бюро под наименованием „девятки" имело задачей руководство повстанческой борьбой на Украине. Левые эсэры согласились войти в Бюро и последнее составилось из следующих лиц: Скрыпника, Затонского, Бубнова, Пятакова[3])—от большевиков, Одоевского, Мстиславского, Терлецкого и Семушкина[4])—от левых эсэров и Врублевского[5])—от левых украинских с.-д. Председателем „девятки" был избран Н. Скрыпник. „Девятка" была не правительством, а повстанческим штабом, но она продолжала именоваться Народным Секретариатом.

Перед самороспуском ЦИКУК выпустил пламенный манифест к рабочим и крестьянам, написанный Ю. Пятаковым.

В этом манифесте нашла отражение позиция Пятакова и так называемых „левых".

[1]) Равич-Черкасский в своей „Истории коммунистической партии Украины" неверно утверждает, что в Таганроге состоялся третий и последний съезд „через четыре месяца после первого и через два месяца после второго съезда". Сессия ЦИК, это — не съезд.

[2]) В период оккупации Украины и Донской области немцами Шахрай вернулся для подпольной работы на юг и погиб при расправе Деникина с Кубанской Радой в 1919 году.

[3]) Кандидатами к ним — Косиор, Коцюбинский, Гамарник и Рафаил.

[4]) Кандидатами к ним — Штейнберг, Карелин, Качинский и Ярош.

[5]) Кандидатом к нему — Буценко или Слинько.

Борьба отдельных групп внутри Народного Секретариата выявилась полностью и непосредственно после самороспуска Центрального исполнительного комитета советов Украины на партийном совещании, где отдельные группы выступали со своими платформами.

Партийное совещание, открывшееся 19 и закрывшееся 20 апреля, отнюдь не было формальной конференцией. Никакая партийная организация на Украине не получила на конференцию пригласительного билета, да и не могла его получить. Во-первых, потому, что сами организации частью были распылены, частью же ушли на фронт или в подполье, и связь между ними была из рук вон плоха (Украина, кроме узкой каймы Мариуполь — Кривой Рог, была уже к этому моменту под немецко-гайдамацкой пятой); конференция не могла быть созвана еще, во-вторых, и потому, что на Украине фактически не было общепризнанного всеукраинского партийного центра.

На совещании один Лапчинский ратовал за сохранение преемственной связи с прежним „Главным комитетом соц.-демократии Украины". Идя на формальную уступку, совещание при выборах оргбюро по созыву партсъезда предоставило из семи мест одно „Главному комитету социал-демократии на Украине"; но преемственности здесь, конечно, не было.

Позиция харьковцев и донбассовцев по вопросу о признании Главкома находила известное оправдание до тех пор, покуда Украина не столкнулась лицом к лицу с Центральной Радой на военном фронте. С этого момента постепенно созревала мысль о необходимости объединения партийных организаций в пределах Украины. Против этого высказывались на совещании так называемые екатеринославцы: Э. Квиринг и Эпштейн (Я. Яковлев), стоявшие на точке зрения необходимости сохранения прежнего порядка, т.-е. непосредственной связи каждой организации на Украине с Москвой (Донбасс вовсе не был представлен на совещании, за исключением отдельных небольших организаций).

В виду того, что совещание носило более или менее случайный характер, его решения не были признаны обязательными, а являлись лишь материалом для обсуждения вопросов партийной работы на Украине.

При всем том совещание вписало яркую страницу в историю КП(б)У. Можно смело утверждать, что именно в Таганроге было заложено основание коммунистической партии (большевиков) Украины, как всеукраинской организации.

На совещании присутствовало много членов ЦИКУК, но были и не члены ЦИКУК, отдельные работники, эвакуировавшиеся из захваченных немцами местностей; из 71 члена совещания (некоторые отсутствовали на втором заседании) было 20 членов ЦИКУК. Представлены были следующие организации: харьковская, киевская, екатеринославская, черкасская (Киевской губ.), херсонская, черниговская, елисаветградская, винницкая, полтавская, вознесенская (б. Херсонской губ.), луганская, варваропольская, горлово-щербиновская (Донбасс), проскуровская (Подольской губ.) и кременчугская.

На первом заседании председательствовал Ю. Пятаков, на втором — Н. Скрыпник. Секретарем на обоих заседаниях был Крейсберг.

В совещании приняли участие: Н. Скрыпник, В. Затонский, Ю. Пятаков, Э. Квиринг, Я. Эпштейн, И. Кулик, Я. Гамарник (Ян), Ю. Коцюбинский, Тарногродский, И. Крейсберг, Гальперин (Гарелин), Грес, Фарбман (Рафаил), Н. Н. Лебедев, С. Коссиор, А. Бубнов, Г. Лапчинский, Бык, Яков Мартьянов, С. Гопнер, Халявский, Липшиц, Вайнман, Куделя, Синяков, Лазарь Смоляков, Реут, Локоть, Спренжен, Эккерт, М. Скрыпник, Приходько, Вейланд, Ройзенман, М. Сегал, Гельков, Новиков, Зельдич, А. Шарый, Введенский, Н. Медянский, Сольпов, Маслюк, П. Белоусов, П. Черетаев, Пориц, Б. М. Райхштейн, Губенко, Н. Серх, Р. Серх, Андреев, Н. Семиков, Г. Михайловский, Белоцерковский, Воронов, В. Лайндо, О. Бош (дочь Е. Бош), Кокошко, Покровский, Уманский, Лисовицкий, Яковицкая (сотрудница ЦИКУК), Шварцбург, Андрющенко, Остапенко, Замерландский, Юлия Явиковская (сотрудница ЦИКУК), Карновский, Уфимов, Денисов и Эрдэ.

По вопросу о том, нужно ли образовать самостоятельную партию (этот вопрос был поставлен первым, как предрешающий ряд других), на совещании наметились две точки зрения: екатеринославцев (их было 8 человек) и Пятакова. Хотя екатеринославцы составляли меньшинство совещания, их удельный вес был очень значителен, так как левобережцы представляли больше четырех пятых всех членов партии на Украине и притом наиболее пролетарских районов. Екатеринославцы резко высказались против образования отдельной партии на Украине и рассматривали позицию противников, как мелкобуржуазную и утопическую, при чем Эпштейн обвинял Пятакова в том, что он поддался крестьянским утопическим и мелкобуржуазным настроениям Правобережья, зараженного националистическим духом.

Большинством 35 голосов против 21 (при 1 воздержавшемся) прошла резолюция об образовании на Украине партии с самостоятельным Центральным Комитетом, связанной с Российской коммунистической партией через Международное Бюро по созданию III Интернационала. Это предложение было внесено тов. Скрыпником.

Споры вызвал вопрос о наименовании партии. Были три предложения: „Украинская коммунистическая партия (большевиков)", „Российская коммунистическая партия (большевиков) на Украине" (предложение Э. Квиринга) и „Коммунистическая партия (большевиков) Украины". Первый вариант уже давно отстаивали украинские с.-д., второй — екатеринославцы, третий — Скрыпник. После выступления Скрыпника прошло его предложение; за него было подано абсолютное большинство (34 голоса).

По вопросу о тактике партии на совещании выявились три точки зрения: 1) екатеринославская, 2) киевская, 3) Скрыпник. Но с тезисами выступали только Скрыпник и объединенная группа киевлян в составе Пятакова, Бубнова, Коссиора, к которым присоединились Крейсберг и Коцюбинский; екатеринославцы покинули совещание до его окончания и не представили письменных тезисов.

Из перечисленных трех партийных групп одна считала рабоче-крестьянскую революцию на Украине надолго задушенной и, анализируя причины падения советской власти на Украине, склонна была считать одной из главнейших причин победы германского империализма на Украине слабую организованность и усталость от напряженнейшей гражданской войны украинского пролетариата, из чего она заключала о необходимости в ближайший период сосредоточить исключительно все внимание партии на организации сил украинского рабочего класса, восстановлении его организаций, поднятии классового самосознания и пр., т.-е. на длительной агитационно-пропагандистской и организационной работе среди украинских рабочих, с целью постепенного вовлечения их в революционную работу и борьбу. „Екатеринославцы" считали вредными для рабоче-крестьянской революции всякие „вспышкопускательства в левоэсэровском духе" и обвиняли в „левоэсэровщине" Пятакова, Бубнова и даже Скрыпника, занимавшего позицию „центра". Верная своей точке зрения екатеринославская группа отказалась войти в оргбюро по созыву партийного съезда на Украине.

„Левая" группа недооценивала роли рабочего класса в грядущем революционном перевороте на Украине и, наоборот, переоценивала роль крестьянских восстаний и бунтов. Присмотримся к тезисам этой группы.

В тезисах утверждалось, что „политический режим, установившийся на Украине после захвата ее территории вооруженными отрядами австро-германского империализма и Киевской буржуазной Рады, явился режимом военной диктатуры", т. е. осуществлением „владычества империализма центральных держав".

„Германский империализм,— говорилось в их тезисах,— не только восстановит власть помещиков и капиталистов, не только задушит эксплоатируемые массы украинского народа, но и в корне расшатает производительные силы страны, вычерпав все необходимое для продолжения империалистической войны", а это неизбежно вызовет „рост недовольства и возмущения против ига империалистов" и усилит „повстанческое движение на Украине".

Резолюция подчеркивает неизбежный рост повстанческого движения, которое „будет способствовать развертыванию революции в международном масштабе" и „укреплению центральной советской власти на севере России". И, чтобы не было сомнений в том, что именно является ударным пунктом, в них далее говорится буквально:

„При таких условиях победоносного крестьянского восстания основной задачей партии пролетариата является организация вооруженного восстания пролетарско-крестьянских масс Украины против угнетателей. Партия должна оказывать организационно-техническую помощь действующим партизанским отрядам, стремясь к внесению наибольшей организованности в их повстанческую работу".

Группа Пятакова, Бубнова и др. полагала, что вся военно-техническая работа пролетарских организаций должна совершаться под руководством Народного Секретариата, выделенного ЦИКУК на заседании 18 апреля.

Приводим тезисы Ю. Пятакова и др. целиком.

ТЕЗИСЫ Ю. ПЯТАКОВА, А. БУБНОВА, С. КОССИОРА, И. КРЕЙСБЕРГА и Ю. КОЦЮБИНСКОГО.

„1. Политический режим, устанавливающийся на Украине после захвата ее территории вооруженными отрядами австро-германского империализма и киевской буржуазной Рады, является режимом военной диктатуры. Эта диктатура полностью осуществляет владычество центральных государств Европы, при котором значение буржуазной Рады не может не быть второстепенным и вследствие чего роль ее в этом империалистическом союзе является подчиненной по отношению к роли правительств центральных держав.

2. Германский империализм, разгромивший в данный момент военной силой советскую власть на Украине, не только восстановит власть помещиков и капиталистов, не только задушит эксплоатируемую массу украинского народа, но и в корне расшатает производительные силы страны, вычерпав все необходимое для продолжения империалистической войны на Западе — продовольствие для армии и сырье для военного производства.

3. Военный режим и грабительская хозяйственная политика завоевателей рабоче-крестьянской Украины будут до крайней степени ухудшать положение трудящихся, вызывать рост недовольства и возмущения против ига империалистов, обострять борьбу рабочих против капиталистов, крестьян против помещиков и кулаков и тем самым усиливать повстанческое движение на Украине.

4. Развивающееся восстание рабочих и крестьян Украины против ига германо-гайдамацких завоевателей является лишь отдельным моментом борьбы эксплоатируемых классов против мирового империализма. Это обстоятельство ставит развитие и исход восстания на Украине в тесную связь с судьбами международной рабочей революции. Вместе с тем повстанческое движение пролетариев и полупролетариев Украины будет способствовать развертыванию революции в международном масштабе и не может не оказать своего положительного влияния на укрепление центральной советской власти на севере России.

5. При таких условиях основной задачей партии пролетариата является организация вооруженного восстания пролетарско-крестьянских масс Украины против угнетателей. Партия должна сосредоточить все свои силы на укреплении массовых организаций, на развитии широкой агитации, призывая рабочих и крестьян к активным выступлениям вплоть до вооруженной борьбы с германо-гайдамацкими бандами, и оказывать организационно-техническую помощь действующим партизанским отрядам, стремясь к внесению наибольшей организованности в их повстанческую работу.

6. В связи с образованием Центральным исполнительным повстанческим комитетом советов Украины правительства Восстания, в виде особого Народного Секретариата, со специальным назначением, при выполнении партийными организациями основных задач момента, координировать свои действия с повстанческой деятельностью рабоче-крестьянского правительства Украины. В частности, вся военно-техническая работа пролетарских организаций должна совершаться под руководством Народного Секретариата".

Повстанчеством ограничивалась вся задача партии — по утверждению „левых“.

Тезисы Скрыпника, приводимые ниже, правильнее намечали партийную линию.

Захват территории Украины привел к созданию на Украине диктатуры контр-революции. Эта диктатура опирается исключительно на силу штыков германских войск и наемных гайдамацких банд. „Контр-революционная диктатура... вновь ставит перед каждым рабочим и крестьянином задачу вооруженной борьбы за советскую власть“.

Пролетариат вновь стоит перед необходимостью вступить в борьбу „за социальную революцию“.

„Эта борьба на Украине неизбежно принимает формы инсуррекционного (повстанческого) движения“. Но пролетариат „в меру его классовой партийной организации“ не допустит того, чтобы поднимающиеся к борьбе массы рабочего класса и беднейшего крестьянства были мелкобуржуазными партиями вовлечены на путь „общенациональной“ борьбы с чужеземным завоевателем, на путь „соглашения классов“.

Поэтому задачей „Коммунистической партии (большевиков) Украины“ является воссоздание „классовой партийной организации пролетариата“. „Партия должна резко отмежеваться от меньшевистско-соглашательских течений, признающих социальную революцию на Украине ликвидированной и предлагающих политически стать на путь работы в рамках буржуазного парламентаризма, а организационно поставить своей задачей исключительно текущую работу по организации агитации и пропаганды, которая на крайний случай лишь в будущем приведет к революциии“. „Но вместе с тем партия должна не менее резко отмежеваться от течения эсэровского чистого инсуррекционизма, выдвигающего единственной задачей — организацию повстанческих актов, хотя бы и оторванных от масс групп, при чем воссоздание партийной организации имеет для этого течения значение лишь постольку, поскольку эта организация необходима для ведения восстания“.

Резолюция Скрыпника указывала далее, что партия „должна выяснить массам всю зависимость успеха этого восстания от сохранения, укрепления советской власти в Российской Федерации и от дальнейшего развития мировой социалистической революции“.

Приводим тезисы Скрыпника целиком:

ТЕЗИСЫ Н. СКРЫПНИКА.

„1. Захват территории Украины наступающими немецко-гайдамацкими войсками и военное поражение украинской советской власти привели к созданию на Украине диктатуры контр-революции.

Выражая волю и интересы украинской буржуазии и союзного с ней оккупировавшего Украину германского империализма, эта контр-революционная диктатура направлена против рабочего класса и крестьянства, не пользуется поддержкой каких-либо широких слоев украинского населения и опирается исключительно на силу штыков германских войск и наемных гайдамацких банд.

2. Эта контр-революционная диктатура буржуазии своей деятельностью поднимает к борьбе наиболее отсталые слои крестьянства, разоблачает соглашательскую агитацию меньшевиков и эсэров и вновь ставит перед каждым рабочим и крестьянином задачу борьбы за советскую власть. Таким образом, победа контр-революции является целиком военною, но не политическою, и перед пролетариатом вновь создается почва для успешной борьбы за социальную революцию.

3. Эта борьба на Украине неизбежно принимает формы инсуррекционного повстанческого движения; массы поднимаются в отдельных местностях Украины и движение сливается в общий пожар восстания.

4. Этот неизбежный и самим ходом классовых отношений вызываемый рост восстания будет пролетариатом направлен к победе коммунистической революции лишь в меру его классовой партийной организации, не допускающей того, чтобы поднимающиеся к борьбе массы рабочего класса и беднейшего крестьянства были мелкобуржуазными партиями совлечены на путь „общенациональной" борьбы с чужеземными завоевателями, на путь соглашения классов и фактического отказа от классовой борьбы и классовых целей пролетариата.

5. Поэтому задачей компартии (большевиков) Украины является создание классовой партийной организации пролетариата и ее руководство в деле организации восстания рабочего класса и крестьянства против диктатуры контр-революционной буржуазии.

6. Партия должна резко отмежеваться от меньшевистско-соглашательских течений, признающих социальную революцию на Украине ликвидированной и предлагающих политически стать на путь работы в рамках буржуазного парламентаризма, а организационно поставить своей задачей исключительно текущую работу по орга-

низации агитации и пропаганды, которые на крайний случай лишь в будущем приведут к революции.

7. Но вместе с тем партия должна не менее резко отмежеваться от течения эсэровского чистого инсуррекционизма, выдвигающего единственной задачей организацию повстанческих актов, хотя бы и оторванных от масс групп, при чем воссоздание партийной организации имеет для этого течения значение лишь постольку, поскольку эта организация необходима для ведения восстания.

8. Ведя всю работу по организации восстания рабочих и крестьян на Украине, коммунистическая партия (большевиков) Украины должна выяснить массам всю зависимость успеха этого восстания от сохранения и укрепления советской власти в Российской Федерации и от дальнейшего развития мировой социалистической революции".

Результаты голосований упомянутых резолюций были таковы [1]:

За тезисы Пятакова, Бубнова и др. голосовали, кроме авторов: Гамарник (Ян), И. Кулик, Тарногродский, Грес, Фарбман (Рафаил), Н. Лебедев, Реут, Введенский, Приходько, Маслюк, Андреев, Вейланд, О. Бош, Шарый, Синяков и др.,—всего 23 человека; против голосовало 25, воздержалось 2 и уклонилось 3. Резолюция, таким образом, была отвергнута.

За резолюцию Скрыпника голосовали: Локоть, Вайнман, Гальперин, Спренжен, Белоусов, Кокошко, Покровский, Андрющенко, Остапенко, Смоляков, М. Скрыпник, Бык, Эрдэ и др., — всего 25 человек, т.-е. на два голоса больше, чем за тезисы группы левых.

Резолюция Скрыпника была принята с дополнением Бубнова, что „коммунистическая партия не принимает участия в выборах в какие бы то ни было представительные учреждения немецко-гайдамацкого режима" (за — 27 голосов, против — 14).

В оргбюро решено было пригласить одного представителя Донецко-Криворожского областного комитета.

Оргбюро (имена членов которого решено было держать в секрете, впрочем, скоро ставшем „секретом полишинеля" [2]) должно было вступить в переговоры с левыми украинскими социал-демократами об объединении. Партийный съезд решено было созвать 20 июня в Москве. Оргбюро было также поручено выработать проект программы для представления конференции [3]).

[1]) Голосование было поименное, по предложению Н. Скрыпника.

[2]) В оргбюро вошли: Скрыпник, Пятаков, Затонский, Гамарник, Крейсберг, Бубнов и Косиор Станислав.

[3]) Особой программы для КП(б)У не понадобилось.

Разногласия, как читатель мог судить по нашему изложению хода работ Таганрогского совещания, наблюдались в следующих вопросах: о создании самостоятельной партийной организации на Украине и о тактике партии в тылу у гайдамаков и немцев (восстание или длительная подготовка сил).

В начале мая 1918 года Совнарком РСФСР опубликовал воззвание, в котором отмечал полученное им от Антонова-Овсеенко заявление.

Ниже мы приводим текст этого заявления:

„Выполняя волю советской власти на Украине и в Донецкой республике, я в течение двух месяцев в меру своих сил руководил борьбой украинских и донецких войск против германо-гайдамацкого вторжения. Ныне советские войска отступили за рубежи Украины, как это определено III универсалом, и, согласно требованию Брест-Литовского договора, подверглись разоружению со стороны советской власти Российской республики. В виду этого, в полном согласии с вами, заявляю о прекращении мною военных действий против германо-гайдамацких войск и о сложении мною звания верховного главнокомандующего южных республик.

Выражаю несокрушимую уверенность в конечном торжестве рабочего класса и социальной революции.

Бывший верховный главнокомандующий

В. Овсеенко-Антонов".

4 мая 1918 г.

Этим воззванием Совнаркома формально закончился первый этап Октябрьской революции на Украине.

Украинские советы были разгромлены, но гражданская война продолжалась.

„Вестник Украинской Народной республики" четко определил основной лозунг в критический час падения Украинской коммуны:

„Советская власть на Украине умерла — да здравствует советская власть на Украине!"

ЛИТЕРАТУРА [1]).

Аверин В. — „Борьба за советскую власть“, сборник „Пятая годовщина Октябрьской революции“. Екатеринослав, 1922, стр. 82 — 87.

Его же — „Екатеринослав в 1917 — 18 г.г.“, сборник „Октябр. револ.“, Первое пятилетие. ГИУ. 1922, Харьков, стр. 585 — 595.

Авдеев — „О научной обработке источников по истории ВКП(б) и Октябрьской революции“, журнал „Пролетарская Революция“, № 1 и 2 за 1925 г.

Антонов-Овсеенко — „Записки о гражданской войне“, изд. ВВРС. Москва, 1924 г.

Ауссем В. — „Евгения Бош“, „Летопись Революции“, № 2, 1925 г.

Его же — „Письмо в редакцию „Лет. Рев.“ по поводу изменений, сделанных в его статье о Бош“, „Летопись Революции“, № 3, 1925 г.

Его же — „Ответ О. Шахрай“, „Летопись Революции“, № 4, 1925 г.

Ачканов — „Октябрьская революция на Черном море“, „Раб. Водн. Транспорта“, № 1, 1922 г., стр. 9 — 12.

Бакинский С. — „Диктатура класса или соглашательство?“ „Коммунист“, 1918 г., № 3 — 4.

* Ол. Бантиш-Каменський — „До історії козацького руху на Украïні“, сборник „Большевики на Украине“. Киев, 1919 г.

Бош Е. — „Национальное правительство и советская власть на Украине“, изд. „Коммунист“, 1919 г.

Его же — „Октябрьские дни в Киевской области“, „Пролетарская Революция“, № 11, 1923 г., стр. 52 — 68.

Его же — „Областной партийный комитет с.-д. большевиков Юго-Западного края (1917 г.)“, „Пролетарская Рев.“, № 5, 1924 г., стр. 128 — 145.

Его же — „Год борьбы“, ГИЗ, Москва, 1925 г.

Буздалин С. — „Воспоминания“, сб. „Пять лет“, изд. Харьковского губкома, 1922 г.

Его же — „Октябрьская революция в Харькове“, „Летопись Революции“, № 1. 1922 г., стр. 35—38.

Его же — „Октябрь в Харькове“, „Летопись Революции“, № 1, 1927 г.

Будовский И. — „Октябрь на румынском фронте“, „Летопись Революции“, № 3, 1924 г.

Вайншток П. — „Первые бои“, сб. „Пятая годовщина Окт. революции“. Екатеринослав, 1922 г., стр 103 — 106.

Введенский В. — „Перед Октябрем и в Октябре“, „Коммунар“, № 13. Киев, 1924 г., стр. 46—52.

Вейнерович И. — „Воспоминания одесского красногвардейца“ „Спутник Коммуниста“. Одесса, № 11, 1920 г, стр. 59—65.

* Винниченко В. — „Відродження націï“ (Історія украïнськоï революціï), част. І й ІІ.

Владиславлев И. В. — „Литература по истории Октябрьской революции и гражданской войны“, „Пролетарская Революция“, № 10, 1924 г.

1) Звездочкой помечены издания, выпущенные антисоветскими деятелями Центральной Рады.

Власенко С. — „Железнодорожники и Октябрьская революция“, сб. „Пятая годовщина Октябрьской революции“. Екатеринослав, 1922, г. стр. 129 — 133.
Волхац С. — „Парторганизация и октябрьский переворот в Елисаветграде“, „Летопись Революции“, № 1, 1922 г., стр. 184 — 193.
Гаврилин — „Речь на вечере воспоминаний 17 сентября 1922 г., устроенном Харьковским истпартом“, сборник „Пять лет“. Х., 1922 г.
Годлевский — „Кишинев, Одесса, Николаев“, № 1 „Летопись Революции“, №№ 2, 3, 4, 1924 г.
Гвевой И. — „Январские дни 1918 г. и рабочая молодежь“, сб. „Меч и Труд“. Киев, 1923 г., стр. 68 — 71.
Гамарник Я. — „25 октября 1917 г.“, „Коммунист“. Киев, № 3, 1920 г.
Гамбаров А. — „Очерк по истории революционного движения в Луганске“, „Летопись Революции“, № 3, 1923 г., стр. 41 — 82.
Гендлер М. — „О революционных событиях в Волынской губ“, „Летопись революции“, № 1, 1922, стр. 202 — 205.
Глаголев Н. — „Памяти т. Руднева“, „Летопись Революции“, № 5, 1923 г.
Гоппер С. — „Мои воспоминания“, сб. „Пятая годовщина Октябрьской революции“. Екатеринослав, 1922 г., стр. 32 — 40.
Горичев Н. — „Киевский арсенал в Октябрьские дни“, сб. „Октябрьская революция“. ГИУ, Х., 1922 г. стр. 635 — 638.
* Грушевський Мих.— „Ілюстрована історія України“. Киев, 1918 г.
Его же. — „На порозі Нової України“.
Гулый — „Алексей Скороход“, „Парт. Вестник“. Харьков, № 11 — 12, 1922 г.
Его же — „Речь на вечере воспоминаний 17 сент. 1922 г.“, сб. „Пять лет“, Харьков, 1922, стр. 49 — 52.
Данишевский С. — „Опыт библиографии Октябрьской революции“. ГИЗ, 1926 г.
Дашкевич Б. П. — „Украина в начале 1918 г. и союз железнодорожников“, сб. „Очерки по истории союза“, 1924 г., стр. 115 — 143.
Дело членов ЦК УПСР, изд. ЦК КП(б)У. Харьков, 1921 г.
Десняк — „Зигзаги национальной контр-революции“ (на укр. яз.), „Червоний Шлях“, № 11 — 12. Харьков, 1925 г., стр. 137 и сл.
* Дорошенко Дм. — „Мої спомини про недавнє минуле“, ч.ч. II и III.
Его же — „До історії 1918 р. на Україні“.
„Дочери Октября“. Работницы и селянки Украины в дни великой пролетарской революции 1917 — 22 г.г., изд. ЦК КП(б)У. Харьков, 1922 г.
Дурдеиевский В. и Берлинский С. — „Опыт библиографии общественных наук за революционное трехлетие 1918 — 1920 г. г.“. ГИЗ, 1925 г., стр. 239 — 265.
Жуковский И. — (Мирон Трубный) — „Подготовка Октября в Екатеринославе“. „Летопись Революции, № 1. Харьков, 1926 г., стр. 7 — 40.
Зайцев Ф. — „Октябрь в Юзовке“, сб. „Октябрьская революция“. ГИУ, 1922, стр. 617 — 631.
Затонский В. — „Октябрь 1917 г. в Киеве“, „Коммунист“. Киев, № 3, 1920 г.
Его же — „Кілька зауважень до статті т. Рубача“. „Летопись Революции“, № 1, 1926 г., стр. 85 — 90.
Золотарев А. — „Из истории Центр. Укр. Рады“. ГИУ, 1922 г.
Его же — „Окт. рев. в Киеве“, сб. „Семь лет“, ГИУ, 1924 г., стр. 148 — 169.
Иванов Андрей — „Центральная Рада и Киевский совет в 1917 — 18 г.г.“. „Летопись Революции“, № 1, 1922 г., стр. 9 — 15.

Иванов К. — „Железнодорожники и екатеринославский Октябрь", сб. „Пятая годовщина". Екатеринослав. 1922, стр. 121 — 127.
„История Великой Украинской Революции", Киев, 1919 г.
К истории „треугольного" боя в Киеве, „Летопись Революции", № 4, 1924 г. стр. 186 — 194.
Казимирчук П. — „Революционное движение в Горлово-Щербиновском районе Донбасса", „Летопись Революции", №№ 3 и 4, 1923 г.
Каменский А. — „Луганск 1917 — 18 г.г.", сб. „Октябрь 1917 г.", ГИЗ, Ростов н/Дону, 1921 г., стр. 67 — 70.
Карпов П. Е. — „Октябрьские дни борьбы за совласть в Николаеве", „Известия Губкома", Гомель № 3, 1922 г., стр. 65 — 68.
Касьяненко — „Троекутний бій", „Коммунист", Киев, № 3, 1920 г.
Катакази В. — „Казатинская организация Красной гвардии", сб. „Гражданская война", т. II, изд. ВВРС, Петроград, 1923, стр. 165 — 170.
Качинский В. — „Очерки аграрной революции на Украине", вып. I „Уравнительный раздел земли", ГИУ, Х., 1922 г.
Его же — То же, вып. II. „Обобществление сельского хозяйства".
Квиринг Э. — „Дооктябрьские дни в Екатеринославе", сб. „Пятая годовщина", Екатеринослав, 1922 г., стр. 26 — 32.
Его же — „Екатеринославский совет и Октябрьская революция", „Летопись Революции", № 1, 1922 г., стр. 63 — 73.
Кин П. — „Воспоминания об Октябрьских днях в Харькове", сб. „Пять лет", Харьков, 1922, стр. 63 — 65.
Его же — „Харьковская Красная гвардия", „Летопись Революции", № 3, Харьков, 1923 г., стр. 70 — 72.
Киркиж. — „Речь на вечере воспоминаний 17 сент. 1922 г.", сб. „Пять лет", Харьков, 1922 г., стр. 52 — 55.
Клименко И. — „Октябрь на Украине", „Звезда-Заря", Екатеринослав, № 29, 1921 г.
Книжник Ив. — „Что читать по общественным наукам" (библиография революционного движения на стр. 433 — 453), изд. „Прибой", Ленинград, 1924 г.
Козловский. — „В бой", сб. „Меч и Труд", Киев, 1923 г.
Колесников. — „Что я помню о январских днях", сб. „Меч и Труд".
Его же — „Профессиональное движение и контр-революция", Харьков.
Коломиец — „Воспоминания о революционной борьбе в Елисаветграде 1917—19 г.г.", „Летопись Революции", № 1, 1922, стр. 194 — 201.
Кольев А. — „Октябрьская революция в Екатеринославе", „Партийная Мысль", Смоленск, № 10, 1922 г.
Кондурушкин И. — „Великий Октябрь на румынском фронте", „Пролетарская Революция", № 10, 1922 г.
Копылов (Мартин) П. — „На пороге гражданской войны", сб. „Пятилетняя годовщина Октябрьской революции". Екатеринослав, 1922, стр. 23 — 26.
Красная книга. „Советская Россия", „Украина и Румыния", Харьков, 1921 г.
Кулик И. — „Октябрьские дни в Киеве", „Летопись Революции", № 1, 1922 г., стр. 39 — 43.
Его же — „Киевская организация от февраля до октября 1917 г.", „Летопись Революции", № 1, 1924 г., стр. 189 — 204.
Его же — „Огляд революції на Україні".
Кулик И. и Яворский М. — „Очерк истории КП(б)У" (на укр. яз.), изд. „Шлях Освіти", Харьков, 1923 г.

Лайко. — „Мои воспоминания", сб. „Пятая годовщина Октябрьской революции". Екатеринослав, 1922, стр. 119 — 121.
Лапчинський Г. — „Зародження радянської влади в одному з міст українських", „Червоний Шлях", № 1 — 2, 1925 г.
Лахрюк А. — „Борьба киевских рабочих с Центральной Радой", сб. „Меч и Труд", Киев, 1923 г., стр. 58 — 63.
Липшиц В. — Херсонщина в 1917 г. „Летопись Революции", № 2, 1926 г.
Лебедь Д. — „Роль крестьянства в украинской революции", „Звезда-Зоря", Екатер., № 29, 1921 г.
Лейкина В. — „Хроника Октябрьской революции: Румынский фронт и Румчерод", „Пролетарская Революция", № 11, 1926 г.
Его же — „Хроника Окт. рев.: Украина", „Пролетарская Революция", № 12, 1926 г.
Леонидов Б. — „Октябрь в старой армии", сб. „Гражданская война", т. II, ВВРС, 1923, стр. 131—165.
Л-ус И. — „Октябрь в Киеве" (воспоминания), „Парт. Мысль", № 10, 1922, стр. 131—138.
Мазепа. — „Більшовизм і окупація України".
Маэлах С. и Шахрай В. — „До хвилі", Саратов, 1918 г.
Майоров М. — „Из истории революционной борьбы на Украине", ГИУ, Киев, 1922.
Манилов В. — „Несколько документов об Октябрьских днях в Киеве", „Коммунар", № 13, Киев, 1924, стр. 52—56.
Мануильский Д. — „Памяти Г. И. Чудновского", „Летопись Революции", № 1 за 1922 год.
* Марголин А. — „Украина и политика Антанты".
Матыга. — „Впечатления рядового бойца", „Меч и Труд", Киев, 1923, стр. 80—83.
Медне Эд. — „Октябрьская революция в Донбассе", „Летопись Революции", № 1, 1922, стр. 49—154.
Межлаук И. — „Первые бои луганских рабочих". „Летопись Революции", № 1, 1922, стр. 124—125.
Минайленко — „Воспоминания", сб. „Пять лет", Харьков, 1922, стр. 74—79.
Миллер — „Из истории Винницкой организации большевиков", „Летопись Революции", № 3—4, 1926 г.
Михайлов В. — „Краткая история КП(б)У", изд. „Пролетарий", 1925 г.
Мищенко С. — „Январское восстание в Киеве", „Летопись Революции", № 3, 1924, стр. 20—43.
Моргунов В. — „Организация и борьба Красной гвардии в 1917—18 г.г.". „Летопись Революции", № 5, 1923, стр. 159—166.
Н. Г. — „Революционер-романтик" (памяти Г. И. Чудновского), „Звезда-Зоря" Екатеринослав. № 11, 1911 г.
Нейжмак — „Участие железнодорожников в екатеринославском Октябре", сб. „Пятая годовщина", Екатеринослав, 1922 г., стр. 127 — 129.
Николаенко И. — „Луганск", сб. „Окт. рев.", ГИУ, Харьков, 1922, стр. 631—635.
Новиков — „Воспоминания о Февральской революции", сб. „Пятая годовщина". Екатеринослав, 1922 г., стр. 40 — 43.
Его же — „Екатеринославский Октябрь", там же, стр. 87—95.
* Ніковський А. — „Як повстала Скоропадщина на Україні".
Остроухова К. — „Обзор истпартовской литературы об Октябрьском перевороте в провинции и на фронте", „Пролет. Револ.", № 10, 1924 г., стр. 213 — 239.
„Отклики петроградского восстания", сб. „Пятая годовщина". Екатеринослав, 1922 г., стр. 7 — 82.

„Очерк истории всеукраинских съездов советов“, „Знамя Коммунизма“. Харьков, № 1—2, 1923 г.

„Памятные дни“, сб. „Пятая годовщина“, Екатеринослав, 1922, стр. 25—103.

Патлах. — „Январские дни 1918 г.“, сб. „Меч и Труд“. Киев, 1923, стр. 49—58.

Его же — „Киев в январе 1918 г.“, „Летопись Революции“, № 3, 1923, стр. 18—24.

Первый съезд КП(б)У, ГИУ, 1923 г.

Петровский Г. И. — „Очерки из Октябрьской революции в Донбассе“, „Летопись Революции“, № 1, 1922, стр. 59—62.

Петровский Д. — „Революция и контр-революция на Украине“, ГИЗ, 1920 г. (имеется издание на украинском языке, вышедшее в Нью-Йорке в 1921 г.).

Пионтковский С. — „К вопросу об изучении материалов по истории Октябрьской революции“, „Пролетарская Революция“, № 2, 1926 г., стр. 234—243.

Его же — „Обзор материалов по истории пролетарской революции в России“, „Печать и Революция“, № 2, 1923, стр. 99—111.

Пилипенко С. — „Украинская интеллигенция и советская власть“, сб. „Окт. рев.“, Х., 1922, стр. 237—259 (та же статья в дополненном виде имеется в „Знамени Коммунизма“, Харьков, № 1—2, 1923 г. под названием „Социальные корни украинской эсеровщины и ведековщины“).

Пирог. — „Воспоминания об Окт. револ. красногвардейца ВЭК“, сб. „Пять лет“, Харьков, 1922 г., стр. 68—70.

Погребной С. — „Луганск и его пролетариат“, „Лет. Рев.“ № 4, 1924, стр. 53—65.

Его же — „Луганский пролетариат в борьбе за Октябрь“, изд. „Рабочий Донбасса“, Артемовск, 1924 г.

Покко С. — „Организация и борьба Красной гвардии в Харькове“, „Лет. Рев.“, № 1, 1922 г.

Поляков И. — „Каким путем было, главным образом, достигнуто вооружение образовавшейся в Харькове Красной гвардии“, „Лет. Рев.“, № 3, 1923 г. стр. 73—74.

Попков. — „Речь на вечере воспоминаний 17 сентября 1922 г.“, сб. „Пять лет“, 1927 г., стр. 60—61.

Попов Н. — „Очерки революционных событий в Харькове от июня 1917 г. до декабря 1918 г.“, „Лет. Рев.“, № 1, 1922, стр. 16—34.

„Предпарламент и екатеринославский пролетариат“, сб. „Пятая годовщина Окт. рев.“, Екатеринослав, 1922, стр. 63—65.

Протокол допроса арестованных большевиков в Октябре 1917 г., „Коммунар“, № 13. Киев, 1924, стр. 56—68.

Протокол заседания Совета рабочих депутатов от 30 сентября, сб. „Пятая годовщина Окт. рев.“, Екатеринослав, 1922, стр. 65—71.

Преображенский Е. — „Е. Б. Бош“, — „Пролетарская Революция“, № 2, 1925 г.

Равич — „Побежденная революция“, сб. „Пятая годовщина“. Екатеринослав, 1922 г., стр. 73—77.

Равич-Черкасский М. — „Февраль-декабрь 1917 г. в Екатеринославе“, „Лет. Рев.“, № 1, 1922 г., стр. 74—80.

Его же — „История КП(б)У“, ГИУ, 1923 г.

Рафес М. — „Накануне падения гетманщины, из переживаний 1918 г.“.

Его же — „Два года революции на Украине“. ГИЗ, М., 1920 г.

Его же — „Очерки по истории „Бунда“. „Моск. Раб.“, 1923 г.

Розовская Е. — „Опыт библиографии периодических изданий по истории революции на Украине“, „Лет. Рев.“, №№ 3—4, 5 и 6, 1926 г.

Рубач М. — „К истории гражданской борьбы на Украине", „Лет. Рев.", № 4, 1924, стр. 151 — 165.
Его же — „История украинской революции" (материалы и документы 1917 — 1918 г.г.), „Лет. Рев.", № 1, 1926 г., стр. 41 — 84.
Рувим (Ицковский). — „Октябрь в Киеве", сб. „Октябрь", изд. ВНО, 1922, стр. 33 — 34.
Рябинин - Скляревский. — „Оккупация Бессарабии Румынией", „Летопись Революции", № 1, 1925 г.
Рухман. — „Брянцы и екатеринославский Октябрь", сб. „Пятая годовщина", Екатеринослав, 1922, стр. 114 — 119.
Свидзинский К. — „В центре событий", сб. „Меч и Труд".
Сербиченко — „Речь на вечере воспоминаний 17 сентября 1922 г.", сб. „Пять лет". Харьков, 1922, стр. 55 — 57.
Скоровстанский (Шахрай) В. — „Революция на Украине", 2-ое изд., „Борьба", Саратов, 1919 г.
Скрыпник Н. — „История пролетарской революции на Украине" (краткий очерк), изд. „Червоний Шлях", Харьков, 1923 г.
Слинько П. — „Материалы к биографии", „Лет. Рев.", № 3, 1923 г.
Смагин Г. — „Одесский штаб Красной гвардии".
Суханов А. — „Завоевание власти", сб. „Пятая годовщина", Екатеринослав, 1922, стр. 106 — 114.
Его же — „От Февраля до Октября", там же, стр. 43 — 48.
Табаков З. — „Октябрьская революция в Черниговщине", „Летопись Рев." № 1, 1922 г., стр. 143 — 70.
„Таганрогское совещание большевиков", „Коммунист". М., 1918, № 3—4.
Тарногродский. — „Возникновение и первые шаги большевистской организации на Подолии", „Лет. Рев.", № 5, 1923, стр. 212 — 218.
Травянко. — „Рабочие 1-го уч. службы тяги в борьбе с Центральной Радой", сб. „Меч и Труд", стр. 63 — 68.
* **„Украинская жизнь"**, сб. 1918 г., там имеется статья Ефремова „На повороте".
„Украинская жизнь" за 1917 год.
Флоровский И. — „Воспоминания об Октябрьском восстании в Киеве", „Прол. Рев.", № 10, 1922, стр. 520 — 525.
* **„Хліборобська Україна"**, Відень, збірники №№ 1—5, статті В. Ліпинського, С. Шемета, Скоропадського и др.
Холмская Е. — „Еще о т. Артеме", „Парт. Работ.". Х., № 11 — 12, 1922 г.
Его же — „Из истории борьбы в Донбассе в Октябрьские дни", „Лет. Рев", № 1, 1922 г., стр. 55 — 58.
Христев. — „Румчерод в подготовке Октябрьской revол.", „Лет. Рев.", № 1, 1922.
Хронология революции (с ноября 1917 г. по январь 1922 г.), „Коммунистическая Мысль" № 6, Киев, 1922 г.
* Христюк П. „Замітки и матеріяли до історії української революції 1917 — 1920 р.р.", ч.ч. I й II.
Его же — „Провина перед українською революцією", „Борітеся — поборете", № 5.
Его же — „Українська дрібна буржуазія в української революції", „Борітеся — поборете", № 4.
Чижов и Семенов — „Октябрьский период на Звенигородщине", „Лет. Рев.", № 1, 1926, стр. 91 — 97.

Ш. А. — „Киев в октябре", „Известия ЦИК", № 243, от 6 ноября 1918 г.
Ш. С. — „Из истории совласти на Украине", „Лет. Рев.", № 4, 1924, стр. 166 — 85.
Шрейбер С. — „Основание КП(б)У", „Ком. Мысль", Киев, № 6—7, 1923 г.
* Шульгин О. — „Политика".
Шупак С. — „Октябрь и Украина", „Коммунар", Киев, № 13, 1924, стр. 37 — 43.
Эрде Д. — „Там, где решаются судьбы революции" (об Украине), изд. ВЦИК, 1918 г.
Его же — „Годы бури и натиска", кн. I, ГИУ, 1923 г.
Его же — „Октябрь на Украине", „Известия ЦИК", № 255, от 7 ноября 1923 г.
Яворский М. — „История революционного движения на Украине", Харьков, 1922 г.
Его же — „Революция на Украине в ее главнейших этапах", ГИУ, 1923 г.
Яковлев Я. — „Об особенностях украинского середняка", „Коммунист", М., № 4, 1920 г.
Его же — „Из подготовительных работ по истории Октябрьской революции", „Красная Новь", № 4, 1925 г.
Ялов М. — „К истории революционных боевых дружин в Одессе", „Коммунист", № 25, Одесса, 1923, стр. 181 — 183.
Ярошевский (Ф. Моров) и Гарин Б. (Линде), — „Дружина Союза Соц. Раб. Молод. в декабр. и янв. дни", „Коммунист", Одесса, № 25, 1923 г., стр. 184 — 186.
Ястребов Ф. — „Хроника событий", „Коммунар", Киев, № 13, 1924, стр. 70—84.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Цена 2 руб.

Р.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Харьков, ул. Свободной Академии, 5. Тел. 10-07.
Москва, Кузнецкий мост, д. 15/5, помещение № 7.
Телефоны: 3-01-99 и 3-17-55.